ПИОНЕР

ЯНВАРЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1958 год 1

Антарктида. Дизель-электроход «Обь» начал разгрузку...

Читайте в этом номере записки начальника антарктической научной станции «Пионерская» А. М. Гусева.

Рисунок И. Рубана.

Год издания 35-й.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

ЯНВАРЬ

№1 1958 г.

В этом номере:

На вкладках:

На обложке:
Рисунок О. Зотова
«Зимой».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На драге

Рассказ Анатолия **МОШКОВСКОГО.**

Рисунки П. Кирпичева.

Валяясь в постели, Сёмка еще не знал, чем займется сегодня. Но только вскочил он с койки, зашнуровал ботинки, как все стало ясно: конечно же, он побывает на драге! Надоело собирать в дальних падях голубику и клюкву, искать съедобную черемшу и дикий лук на склонах сопок и даже к геологам в экспедицию бегать за десять километров и то наскучило. И как это прожил он целый месяц, ни разу не побывав на драге? И вдруг Сёмка почувствовал всю силу тоски по драге и понял: дня не проживет он без нее!

Драга работала километрах в пяти от поселка. Круглые сутки грохотала она, подрывая скалистый байкальский берег и вымывая из раздробленной породы крупинки золота, или, как говорят старатели, металл. Почти все жители этого маленького поселка работали на драгах, и слово «золото» было для них таким же обыденным, как и «камень», «хлеб», «тайга». Посторонних на драгу не пускали; однажды какой-то турист в пенсне захотел побывать на этой диковинной для горожан машине, но старший по смене, драгер, не пустил его. Турист обиделся и пожаловался на прииске, да только драгера — а это был Сёмкин отец — и не пожурили: лишь по специальной записке начальника прииска могут пустить на драгу. Количество добытого металла тоже держится в секрете, и даже Сёмкина мама не знает, какова добыча, и только после получки можно догадаться: больше металла намоют — больше денег приносит отец, меньше металла — и денег меньше. Да, постороннему попасть на драгу трудно, но ведь Сёмка не посторонний, всех из трех смен знает он на драге, да и дражники знают, что никакой другой мальчишка в поселке не наловил столько бревен в Байкале, что Сёмка без промаха бьет из ружья.

Все, кажется, рады, когда Сёмка вдруг заявится на драгу. Все, да не все... Отец мальчишки, суровый и неразговорчивый, не очень-то баловал сына вниманием и никогда в свою смену не пускал на драгу. Сёмка не помнил, чтобы отец когда-либо улыбнулся, пошутил, рассказал что-нибудь из своей жизни. Говорил он очень мало и только о самом необхо-

димом. Вот, например, сегодня он встал, помылся из рукомойника во дворе и бросил маме лишь одно слово:

— Щей.

Через минуту полная миска щей стояла перед ним на столе, наполняя избу ароматом свежей капусты, сметаны и помидоров. Доев до дна щи и тщательно обглодав косточки, отец обтер рукою большие усы, и в избе послышалось новое слово:

— Глазунью.

И перед отцом появилась сковорода с глазуньей и кусками потрескивающего сала. Содержимое сковороды быстро исчезало во рту отца. Чуть поодаль за тем же столом завтракал Сёмка и напряженно думал, как бы на этот раз подкатиться к отцу. Выдумывать причины было бесполезно: они не помогали, — и мальчик в конце концов решил просто попросить, но вложить в свои слова столько чувства, что у отца дрогнет сердце и он не сможет отказать.

— Папа, — сказал Сёмка с мольбой, — возьми с собой меня!

Отец тяжело поднял на него глаза.

— Зачем? — Он редко говорил больше одного слова.

— Я очень хочу, пап. Очень...

— Чего? — отец продолжал есть.

И Сёмка стал горячо и сбивчиво объяснять ему, что целый месяц не был на драге, что наловил на Байкале столько бревен, оторвавшихся от плотов, — на всю зиму дров хватит, что сегодня ему даже приснилась драга... Но отец кратко объяснил ему, что три дня назад два «пучка» бревен разбросало ветром, их может прибить к берегу, и нужно подежурить.

Сёмка чуть не заплакал от огорчения.

— Не хочешь, и не надо,— сказал он обиженно, — меня дядя Михайло возьмет.

— Только посмей! — пригрозил отец.

— И посмею! — Сёмка выскочил во двор и по мокрой от росы дороге зашагал к дому дяди Михайлы.

Трудно было найти в поселке более веселого человека, чем Михайло. Самым большим богатством его был венский аккордеон в деревянном футляре, который он, демобилизовавшись, привез из Австрии; все свободное время Михайло играл на нем, окруженный мальчишками; ни один вечер художественной самодеятельности в клубе не обходился без него. И когда Михайло уставал или задумывался о чем-то и играл вяло, разбитные приисковые девчонки кричали:

— Эй, Михайло, поддай уголек!

— Постойте, только лопату в руки возьму, — отвечал Михайло, припадал к аккордеону и будто и впрямь подбрасывал в корабельную топку уголь, и там яростно вспыхивало пламя: музыка вырывалась из аккордеона, подхватывала девчат и парней, бросала в пляску и неслась за Байкал...

Никто не знал, почему, но любимой поговоркой Михайлы было «Поддай уголек!»; кочегаром никогда он не служил, был водителем танка, но чуть кто замешкается, загрустит ли, повесив нос, плохо ли гребет: «Эй ты, поддай уголек!» — неизменно кидал дядя Михайло, и скоро его стали звать Михайло Поддай Уголек. Ему уже было за тридцать, но Сёмкин отец, хотя и уважал его как отличного моториста драги, частенько говорил, что в нем еще много дури сидит, что, видно, папаша в свое время не изорвал об него ни одного ремня. Ну разве это дело, когда уважающий себя мужчина, вернувшись с драги, идет не к жене, а бросается с мальчишками играть в футбол и кричит при этом не меньше других или качается с ребятами на качелях?!.

Дядя Михайло, невысокий, в засаленном пиджаке и подвернутых сапогах, колол у сарая дрова.

— Доброе утро,— сказал Сёмка, подходя к нему.

— Ничего доброго, — ответил моторист,— подыми-ка нос к небу: как бы не заштормило.

Только сейчас заметил Сёмка, что все небо в тучах, что ветер рвет с веревок белье и волнами катится по траве. Но ни тучи, ни ветер не охладили Сёмкиного желания.

— Дядя Михайло, возьми меня на драгу.

— С папашей конфликтуешь? — Моторист прищурил один глаз. — Ну и хитер! Не хочу я с ним отношения портить, он как-никак надо мной начальство. Что скажешь на это?

Сёмка, тронув перламутровые пуговицы на рубахе, надулся.

— Ну, идем, идем,— смягчился дядя Михайло. — Только уговор, Тимофеич: на волне не киснуть.— И моторист громко крикнул: — Ты скоро там, Аришка?

Из дома вышла сестра его, девушка лет восемнадцати, в лыжных штанах и белом платочке. В одной руке она несла узелок с едой, другой на ходу поправляла косы. Ариша работала матросом на драге, и мальчишки звали ее матроской. Михайло глянул на часы, и они втроем зашагали к морю.

У пирса прииска уже стояла моторка, на корме ее Сёмка заметил сутуловатую фигуру отца. Моторист говорил о чем-то с другим матросом, Егором, но отец сидел молча и

неспешно сворачивал в толстых пальцах самокрутку. Задувал «верховик», гнал по морю мелкую волну, дул в лицо, раскачивал моторку, но отец сидел угрюмо и тяжело, и, как показалось Сёмке, его даже волна не колыхала. И ноги мальчика точно приросли к земле. Он уже был не рад, что собрался на драгу. Удрать и сейчас было не поздно, но вдруг под локоть его пролезла цепкая рука Михайлы и так крепко сжала локоть, что о бегстве и думать было нечего.

— А уговор забыл? Сказано было: не киснуть!

И Михайло почти поволок мальчика дальше.

— Привет, золотокопатели! — крикнул Михайло, толкнул в моторку оробевшего Сёмку, поздоровался за руку со щуплым мотористом и матросом; только Сёмкин отец повернулся к нему боком, раскуривая цигарку, и словно не замечал его. Сёмка сел на нос, подальше от отца, и поеживался от ветерка, попахивавшего махорочным дымком.

— Заводи свою жестянку, — бросил Михайло мотористу, — команда в сборе.

Лодка отошла от пирса и, покачиваясь на волнах, вышла из бухточки.

Добираться до драги по берегу было трудно и далеко: тропа шла по осыпям, а там, где дорогу ей преграждала скала, уходила в тайгу и давала крюка, и поэтому три раза в день моторка отвозила на драгу одну смену и забирала отработавшую.

Ветер между тем все крепчал. Лодка неслась, как лошадь, преодолевающая барьер за барьером. И всякий раз, когда навстречу моторке шла волна, Сёмку окатывали брызги, и он вытирал лицо рукавом. Слева тянулись глыбистые скалы, сопки, увалы зеленых падей и распадков, заросших березой и ольхой. Вне себя от радости был бы в другой раз мальчик, но сегодня день был хмурый, ветреный, промозглый и убивал всякую радость, да и мрачная фигура отца на корме не обещала ничего хорошего. И чего у него такой отец? Жалко ему, что ли, если Сёмка побывает на драге? Ведь он-то, когда вырастет, тоже пойдет работать на драгу, если к тому времени еще останется здесь металл. Это место, где сейчас ведутся разработки, прошлой зимой нашел отец. Люди прорубали во льду майны и ковшом брали грунт для пробы. Из всех трех драгеров отец — лучший. «Глаз у него издали видит, где металл лежит», — говорят о нем в поселке. А вот Сёмке нет радости от него. «Мал еще», — отвечал отец чуть не на любую его просьбу, и весь тут разговор!

— Уматывай! — крикнул Михайло, когда очередная волна окатила их, и вырвал у моториста штурвал.— Хорошими ты нас доставишь на судно! Тебе на печку, а нам работать надо!

И Михайло повел моторку, лавируя между волнами, уходя от прямого удара, и теперь брызги едва доставали Сёмкиных волос.

Наконец они миновали последний мыс и увидели драгу — высокое, как амбар, здание на двух понтонах. Михайло подлетел к ней, ловко скользнул бортом к понтону, и Егор кинул наверх конец. Сёмка все время опасался, что отец, как это уже было не один раз, не позволит ему вылезть из моторки, и тогда придется ехать назад с отработавшей сменой. Поэтому-то мальчик первый выскочил на палубу судна и за дядей Михайлой побежал в машинное отделение, где стоял мотор трактора «Челябинца».

— Ну, как оно? — спросил отец у пожилого драгера.

— Качало трохи, — сказал драгер, — да ничего, а вот теперь такую волну ветер поднял, не позавидуешь тебе.

— Дрянь дело,— сплюнул отец,— как бы раму о берег не сломало.

— Может сломать, вишь, как нахлестывает... Осторожней будь, Тимофей, а то знаешь...

— Ясно, — оборвал его отец.

Команда сдала смену, села в моторку и понеслась вдоль берега к поселку, а отец в задумчивости обошел судно, осмотрел стрелу, раму с бесконечной цепью стальных черпаков, открыл люки понтонов и заглянул внутрь, не протекают ли. Потом подошел к Михайле и спросил:

— Работаем?

— А то нет? — удивился Михайло. Он взялся за пусковую ручку и дернул.

Двигатель не завелся. Михайло передохнул, напряг все силы и дернул еще. Внутри что-то стукнуло несколько раз и замолкло. Все сильней покачивало драгу, все злее и яростнее плескалось море о ее борта. Палуба была мокрая от долетавших брызг, скользкая, и на драге было не очень уютно.

— Давай вместе, — сказал Сёмка и положил на теплую от Михайловых ладоней ручку свои ладони.

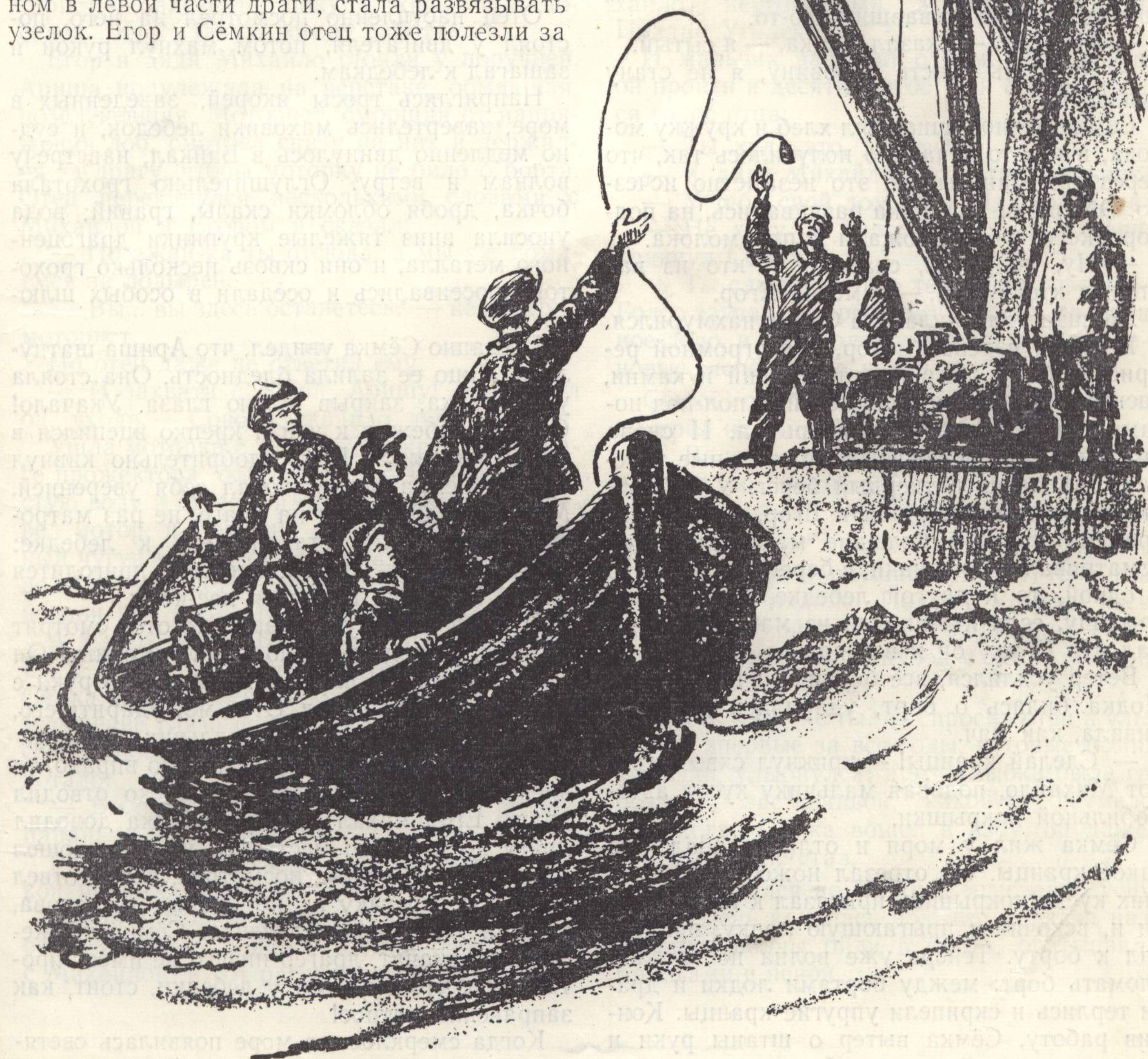
— Не трожь! — крикнул моторист. — Одному уже зубы выбило!

— А ему бы на пользу пошло, — вдруг сказал отец, подходя. — Урок наперед был бы... Отойдите оба!

Отец плюнул в ладони, положил их на руч-

ку и, широко расставив ноги, резко дернул. Мотор сразу завелся, и драга вся задрожала, забилась, словно ей вдруг вернули жизнь. Минуты через три по каткам побежала лента черпаков. Похожие на черепах, они медленно уползали в воду пустыми, а возвращались с песком, гравием и камнями, сгружали грунт в огромную вращающуюся бочку, которая находилась внутри драги, и, ненасытные, снова неутомимо ползли в море, вгрызались в дно и скалистый берег. А тем временем бочка вращалась и вращалась, и порода с грохотом переваливалась в ней, и у Сёмки сразу заложило оба уха, и он уже не слышал ни свиста ветра, ни плеска разъяренных волн.

В обед Михайло выключил мотор, к нему подсела Ариша и на верстаке, расположенном в левой части драги, стала развязывать узелок. Егор и Сёмкин отец тоже полезли за

бутербродами и пирогами, один лишь Сёмка стоял у стрелы и смотрел на берег. О еде-то он совсем и позабыл. Слушая, как булькает за спиной молоко в бутылке, он глотнул слюну. Чтобы подальше быть от обедающих, он быстро прошел вдоль палубы на корму, взобрался по лесенке на площадку и выглянул в дверцу — через нее по ленте транспортера уходит в море переработанная порода. Целые островки этой породы темнели в воде, и волны с шумом разбивались о них.

И вдруг Сёмке показалось, что кто-то зовет его. Он оглянулся. Михайло подзывал его рукой к себе. Мальчик подошел к верстаку.

— Ты что это, на месяц вперед наелся? — Михайло протянул ему кружку молока и ломоть домашнего хлеба.

С правого борта на них посматривал отец, сосредоточенно жевавший что-то.

— Не хочу, — сказал Сёмка, — я сытый.

— Можешь съесть половину, я не стану неволить.

Сёмка равнодушно взял хлеб и кружку молока, и как-то нечаянно получилось так, что через три минуты все это незаметно исчезло. Обе щеки мальчика раздувались, на подбородке и губах дрожали капли молока.

— Ну, попробуй, скажи тут, кто из вас отец, а кто чужой, — заметил Егор.

Аришка усмехнулась, а Сёмка нахмурился.

И снова взревел мотор, и в огромной ребристой бочке загрохотали гравий и камни, засвистели ремни трансмиссий, и пол под ногами заныл, задрожал, запрыгал. И снова ринулись в воду ненасытные стальные черепахи, въедаясь в твердый берег. У лебедок стояли матросы, Ариша и Егор, и время от времени крутили большие маховики. Отец всматривался в черпаки, в берег, подходил то к одной, то к другой лебедке, выкрикивал команду, если кто-нибудь из матросов мешкал. На Сёмку он и взгляда не кинул.

Ветер усилился, все больше качало драгу. Лодка билась о борт, ударялась и отскакивала, как мяч.

— Сделай кранцы! — крикнул сквозь грохот Михайло, подавая мальчику кусок автомобильной покрышки.

Сёмка жил у моря и отлично знал, что такое кранцы. Он отрезал ножом два больших куска покрышки, привязал к ним веревки и, вскочив в прыгающую лодку, прикрутил к борту. Теперь уже волна не грозила сломать борт: между бортами лодки и драги терлись и скрипели упругие кранцы. Кончив работу, Сёмка вытер о штаны руки и ловко вспрыгнул на палубу драги.

А по палубе уже гуляла холодная вода, плавучую фабрику кренило, и иногда приходилось на ходу хвататься за поручни, стенки и стрелу, чтоб не упасть.

К Михайле подошел отец. Сапоги у него намокли, на усах и бровях тоже блестели капли. Он что-то крикнул и замахал руками, но моторист показал на уши и пожал плечами. И лишь когда отец закричал, перенапрягая голос, Сёмка разобрал, что он требовал заглушить мотор: драгу могло выбросить на берег и поломать.

— А мы ее чуто́к от берега в море отведем! — в ухо драгеру прокричал Михайло.

— Не морское это судно — драга! — загремел отец. — Для рек она предназначенная, ни одна драга не работает еще в море!

— А наша будет, Тимофей! — крикнул Михайло. — Будет!

Отец насупленно посмотрел на него, постоял у двигателя, потом махнул рукой и зашагал к лебедкам.

Напряглись тросы якорей, заведенных в море, завертелись маховики лебедок, и судно медленно двинулось в Байкал, навстречу волнам и ветру. Оглушительно грохотала бочка, дробя обломки скалы, гравий; вода уносила вниз тяжелые крупинки драгоценного металла, и они сквозь несколько грохотов просеивались и оседали в особых шлюзах.

Внезапно Сёмка увидел, что Ариша шатнулась. Лицо ее залила бледность. Она стояла у маховика, закрыв рукою глаза. Укачало! Сёмка подбежал к ней и крепко вцепился в чугун маховика. Егор одобрительно кивнул ему, и Сёмка почувствовал себя увереннее. Много раз бывал он на драге, не раз матросы других смен ставили его к лебедке: «Учись, учись, пацан, может, пригодится еще!». И Сёмка научился кое-чему.

И вдруг он почувствовал, что отец смотрит на него. Холодом ожгло Сёмкину спину. Он вобрал голову в плечи, съежился, но руки с маховика не отпускал. Отец мог ударить его, оттолкнуть — всего ждал мальчик, но от лебедки не отходил. Он крутил ее то вправо, то влево, и если недостаточно далеко отводил драгу, Егор махал рукой, и Сёмка доводил драгу до нужного места. К нему подошел отец, постоял рядом, посмотрел, потом отвел Аришу к верстаку и, не сказав ни слова, ушел в машинное отделение. Сёмка торжествовал: значит, драгер ничего не имеет против того, что он стоит у лебедки, стоит, как заправский матрос!

Когда смерклось, в море появилась светящаяся точка: моторка везла к ним ночную

смену. Быстро пролетело восемь часов, и вот уже их команде пора на отдых. Сёмка утомился, ботинки его насквозь промокли, спина ныла, хотелось есть. Он стоял у лебедки и представлял: через каких-нибудь полчаса он очутится на сухой, теплой и неподвижной земле, главное, на неподвижной; его все время так мотало и раскачивало, так мутило — просто не верилось, что рядом находится неподвижная земля, где не нужно хвататься за деревья и кусты, чтобы не упасть.

Замолк мотор, отец приготовился сдавать смену. Моторка с трудом пристала к драге, но каково же было удивление Сёмки, когда он увидел, что в ней никого нет, никого, кроме моториста.

— А смена где? — крикнул отец.

— Какая тебе еще смена! — отозвался моторист. — Залезайте, покуда живы, и в поселок... Кто в такую погоду работает?!

Егор и дядя Михайло стояли у поручней, Ариша полулежала на верстаке, обмякшая, позеленевшая. Моторист, сморщив от напряжения лоб, смотрел снизу на них и держался за драгу, чтобы моторку не било о борта. Отец перекинулся несколькими словами с Михайлой и Егором и сказал:

— Поезжай-ка ты отсюда, а мы уж помаемся за лодырей.

— Вы... вы здесь останетесь? — не поверил моторист.

Но отец даже не ответил ему.

— И захвати с собой Аришу! — крикнул он, уходя. — Совсем укачало девчонку.

Ушла моторка с Аришей, зажглись на драге прожектора, ослепив темно-зеленую пенистую воду и отвесный скалистый берег. Взревел мотор, и Сёмкина рука легла на холодный чугун маховика. И снова, заглушая шум волн и свист ветра, загрохотала бочка и поползли под воду стальные черпаки...

А к утру, когда Байкал стал успокаиваться, и «беляки» — белые гребни — исчезли, и Сёмка почувствовал такую усталость, что на мгновение глаза его сомкнулись и он увидел себя в постели, над его ухом вдруг прогрохотало:

— Был уговор не киснуть! Поддай уголек, пацан!

Рядом стоял Михайло и обтирочной ветошкой щекотал его шею. Сёмка встрепенулся.

Скоро моторка привезла новую смену, а они помчались к пирсу. Сёмка опять сидел с Михайлой, и тот рассказывал ему про танковые бои у венгерского озера Балатон. Отец, как и прежде, пристроился в корме, сосал толстую самокрутку и угрюмо смотрел в сторону. Когда мальчик ступил на пирс, у него от непривычки закружилась голова: целых две смены, шестнадцать часов, не стоял он на твердой, прочной земле!

— Ну, Сёмка, — сказал Михайло, когда они дошли до поселка, — раз ты матросил на драге, айда ко мне. На аккордеоне играть научу. Хочешь?

У Сёмки блеснули глаза.

— Сейчас или зайти попозже?

— А чего откладывать? Заворачивай. Позавтракаем — и за музыку.

Сёмке хотелось одного — спать; голова была каменная, ноги шли неохотно, но разве можно было не пойти, если тебя звал дядя Михайло, неугомонный Михайло, Михайло Поддай Уголек!

И мальчик зашагал с ним. Но не успел он пройти и десяти шагов, как сзади раздался голос отца:

— Ты куда это, Семен?

— К дяде Михайле, — ответил мальчик.

— У тебя свой дом есть. Иди завтракать.

— Не хочу я завтракать! — в отчаянии крикнул Сёмка.

— Ты слышишь, что тебе отец говорит! — Голос звучал по-прежнему жестко, но, странное дело, в этот голос уже вплелись какие-то новые, непонятные нотки.

Сёмка остановился и вопросительно посмотрел на Михайлу.

— Валяй к себе, — сказал он, — или, может, он тебе не отец?

— Отец, — не очень уверенно проговорил Сёмка.

— Ну, так и слушай, что он тебе говорит! — И Михайло Поддай Уголек, посвистывая, легкой походкой зашагал к своему дому, а Сёмка вздохнул и с некоторой опаской подошел к отцу.

— Ну, чего же ты? — спросил отец и улыбнулся, впервые за все годы, которые помнил мальчик, улыбнулся; и эта улыбка была грубоватой, застенчивой, какой-то неумелой. А когда Сёмка вошел в избу, он даже и завтракать не стал.

Он добрался до койки и мгновенно уснул, и весь день качалась под ним койка и разъяренные волны били в борта, окатывая их брызгами и пеной.

Торжественное обещание юного пионера Советского Союза

Я, юный пионер Советского Союза, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю:

горячо любить свою Советскую Родину,

жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия.

Законы юных пионеров Советского Союза

Пионер любит свою Родину, Коммунистическую партию Советского Союза. Он готовит себя к вступлению в члены ВЛКСМ.

Пионер чтит память тех, кто отдал свою жизнь в борьбе за свободу и процветание Советской Родины.

Пионер дружит с детьми всех стран мира.

Пионер прилежно учится, дисциплинирован и вежлив.

Пионер любит трудиться и бережет народное добро.

Пионер — хороший товарищ, заботится о младших, помогает старшим.

Пионер растет смелым и не боится трудностей.

Пионер говорит правду, он дорожит честью своего отряда.

Пионер закаляет себя, каждый день делает физкультурную зарядку.

Пионер любит природу, он — защитник зеленых насаждений, полезных птиц и животных.

Пионер — всем ребятам пример.

Смелее беритесь ЗА ДЕЛО!

В этом колхозе есть своя животноводческая ферма, а на поле выращивается самая требовательная культура — хлопок. Убирают хлопок машиной. Кроме хлопкоуборочной машины, есть в колхозе и сеялка и автомашина... Машины, правда, старенькие, зато колхозники молодые. Своими молодыми, неутомимыми руками отремонтировали они машины, построили свою ремонтную мастерскую, установили свою электростанцию.

Это пионерская мастерская, пионерская электростанция. Ведь и весь-то колхоз пионерский, ребячий: по просьбе пионеров правление колхоза имени Хрущева, Агдашского района (Азербайджан), выделило ребятам участок земли и машины. И жизнь в пионерском колхозе закипела.

Сколько таких прекрасных пионерских дел! Не так давно двор птицеводческой фермы в молдавском селе Парка зашевелился, заволновался, как море: заблестели на солнце птичьи перья, воздух огласился громким кряканьем. В этот день пионеры сдали своему колхозу более двух с половиной тысяч уток, каждый пионер вырастил десяток птиц.

Вот так и должны поступать пионеры: неустанно помогать взрослым, деятельно участвовать во всех делах страны. Об этом, как о самом важном, говорил VIII пленум ЦК ВЛКСМ, который собирался, чтобы обсудить работу пионерской организации, сделать ее еще лучше.

Многие из вас, ребята, посильно помогают Родине: вы собираете металлолом для постройки тракторов и тепловозов, насаждаете парки, любовно выращиваете молодняк на колхозных фермах. Однако же таким трудом, нужным стране, заняты еще не все пионеры. Есть у нас отряды и даже дружины, работа которых не выходит за стены школы и идет поэтому вяло, неинтересно.

Выходите за ворота школы! — призывают решения пленума.— Здесь вас ожидают дела, которые еще крепче свяжут с многообразной жизнью страны!..

Выступая на III съезде комсомола, Владимир Ильич говорил: «...нужно, чтобы коммунистический союз молодежи свое образование, свое учение и свое воспитание соединил с трудом рабочих и крестьян, чтобы он не запирался в свои школы... Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами».

Ленинские слова, обращенные к комсомольцам, можно целиком отнести и к вам, ребята. Не белоручек, а творческих строителей жизни, будущих коммунистов должна воспитывать пионерская организация. Путь к этому один — деятельное участие в жизни, радостный труд.

В колхозе, на заводе, в МТС, во дворе вас ждут дела, которые расширят ваш кругозор, дадут вам ряд нужных навыков, помогут вырасти отважными, умелыми людьми, любящими Родину, преданными Коммунистической партии.

Вы должны расти крепкими, здоровыми, сильными. Это нужно Родине. Не забывайте о спорте, о дальних походах. Тренируйтесь каждый день. Есть у вас около школы или во дворе дома спортивная площадка, качели, карусель, горки, гигантские шаги? Если нет, беритесь скорее за строительство! Комсомольцы вам помогут!

Ваши будни и праздники, каждый день вашей жизни может быть по-настоящему интересным. Только

не ждите, чтобы за вас придумывали другие. Само слово «пионер» обязывает вас к тому, чтобы проявлять инициативу и самостоятельность, чтобы жизнь в дружинах и отрядах била ключом...

Пленум ввел в пионерскую работу много нового. Теперь, по решению пленума, пионерами могут быть ребята не моложе десяти лет, то есть мальчики и девочки, способные серьезно, сознательно относиться к пионерским обязанностям и глубоко понимающие значение Торжественного обещания.

В пионерской организации ребята будут состоять до пятнадцати лет. Отряд, который выходит из пионеров, передает пионерское снаряжение и свои хорошие традиции младшим пионерским отрядам.

Чтобы и младшим и старшим пионерам было интересно работать, пленум решил установить в пионерской организации две — три возрастные ступени. Нормы, которыми вы должны будете овладеть на каждой ступени, сейчас вырабатываются.

Пионеру, который хорошо изучил какое-либо дело, присваивается звание «Пионер-инструктор».

Раньше, еще до войны, при пионерских дружинах и отрядах были октябрятские группы. Сейчас такие группы восстанавливаются. Октябрятами могут быть все школьники младших классов, начиная с первого. На левой стороне груди октябрята носят красную звездочку. У вас, ребята, теперь новое серьезное дело — заботиться об октябрятах, воспитывать их.

Есть еще одна большая новость для вас в решениях пленума. Пионерские отряды могут теперь создаваться не только в школе, но и при домоуправлениях, при заводских и колхозных клубах.

Если ребята в вашем дворе дружат между собой, если у вас есть спортивная площадка, помещение, где могут собираться ребята и работать кружки, есть взрослые руководители, вы можете организовать отряд у себя во дворе. Ваш отряд вольется в школьную дружину. Но помните, что пионер может быть членом только одного отряда!

Если у вас не будет пионерского отряда при домоуправлении, все равно обратите внимание на свой двор. Во дворе можно проводить много веселых игр, спортивные праздники, карнавалы, организовать различные кружки, секции.

Пионеры должны создать при домоуправлениях свои пионерские посты или штабы, следить за порядком и чистотой во дворе, за зелеными насаждениями и цветами.

У пионеров много хороших традиций. Многие ребята в день своего вступления в пионеры сажают деревья. 22 апреля — день рождения Ленина, 1—2 мая, 7—8 ноября, 29 октября — день рождения комсомола — принято отмечать торжественными линейками, слетами, кострами, сборами, хорошими пионерскими делами.

Пленум решил утвердить еще один пионерский праздник — 19 мая — день рождения пионерской организации. Этот день станет самым радостным для вас, ребята! В этот день вы будете рапортовать старшим о своих успехах в учении и в труде, покажете, как вы умеете петь, танцевать, покажете свое мастерство в спорте, в юннатской работе, устроите выставки всего, что сделано вашими руками. Уже сейчас идет подготовка к этому празднику.

Партия и комсомол, вожатые, педагоги желают, чтобы ваша жизнь стала ярче, полнее, интереснее. По решению пленума фабрики, заводы, колхозы, институты будут направлять своих лучших комсомольцев вожатыми к вам в отряды.

Взрослые всегда готовы прийти к вам на помощь. Но помните, что основное в работе зависит от вас самих, от каждого из вас, ребята!

Детали для этого мощного тепловоза «ТЭЗ 2055» сделаны из металлолома, который собрали пионеры дружины имени Олега Кошевого ворошиловградской средней школы № 2. Ребята собрали и сдали государству сорок тысяч тонн металлического лома.

ПАРЕНЕК ИЗ ПОЕЗДА

Рассказ Мариана БРАНДЫСА

Рисунки Ф. Лемкуля.

Это случилось накануне варшавского восстания, в июне или в июле 1944 года, — точно не помню. День был душный, пасмурный. Человек с предрассудками мог бы сказать, что в самом воздухе еще с утра таилось что-то зловещее.

Жандармы захватили наш поезд на маленькой станции около Ченстохова, вернее, перед въездом на станцию, в поле, возле семафора. Их было несколько десятков под начальством эсэсовца в черном, сопровождаемого собакой. По своему обыкновению они подошли к нам сразу с двух сторон и в один миг наполнили весь вагон ужасом, треском, шумной сутолокой и нервозной торопливостью. Бледные пассажиры вынимали свои

документы, стараясь выдержать без дрожи взгляд эсэсовца. Все были объяты страхом. В те времена не было невиновных. После своих поражений на фронте гитлеровцы попросту взбесились, и каждая такая облава могла закончиться катастрофой.

Именно во время этой облавы произошла катастрофа.

Когда обе партии гитлеровцев, проверяющих документы, уже сближались одна с другой, в конце коридора поднялся шум. Один из жандармов, карауливших вход, вошел в уборную и обнаружил там спрятанный автомат.

Хорошо известно, чем грозила тогда находка спрятанного в поезде оружия. Гитлеровцы пришли в ярость. С ревом, толкая как попало прикладами, они начали выбрасывать нас из вагона. Им помогал спущенный с привязи пес, черная бестия, который кусал молча и с остервенением.

После того, как вагон был освобожден от людей, нас построили в две шеренги перед поездом. Напротив, на расстоянии нескольких шагов от нас, стоял эсэсовец с собакой. Слова офицера переводил на польский язык жандарм-силезец. Эти слова били нас, как тяжелые камни.

— Тот, кто припрятал автомат, должен немедленно признаться. Иначе через пять минут каждый пятый из этой польской банды будет расстрелян.

Эсэсовец спокойно вытянул руку, на которой были часы, и медленно оглядел нас белесыми, почти неподвижными глазами.

Поверьте, это были самые страшные пять минут, какие мне случилось пережить. Мы отсчитывали эти минуты биением наших сердец, ставших вдруг тяжелыми, как глыбы льда.

Никто не признавался.

По короткому приказу эсэсовца жандармы бросились на нас и ударами ружейных стволов начали отсчитывать каждого пятого. Первым таким пятым оказался старик с седой бородой, почти потерявший сознание от потрясения. Другие выслушивали свой приговор в молчаливом отупении. Какой-то молодой худощавый человек в очках начал громко и отчаянно рыдать.

И вот тогда вышел этот паренек.

Это был еще совсем молоденький парнишка. Ему было лет пятнадцать — шестнадцать, а может, и меньше.

Сейчас я даже не мог бы точно описать его внешность. Помню только его маленький, полудетский силуэт, в котором было что-то удивительно располагающее к себе, что-то характерное для очень нервных и очень застенчивых юнцов. И, тем не менее, он решился на такой отважный поступок, в то время как мы, взрослые, сильные мужчины, дрожали от страха.

Мы так были заняты процедурой отсчитывания людей, что вначале не все заметили его выступление. И только когда он подошел к офицеру, наступила абсолютная тишина. И в этой тишине мальчик сказал громко и внятно:

— Автомат мой. Я его везу.

Жандармы тут же подскочили к нему, и на какой-то момент он оказался вне поля нашего зрения. Я заметил только, что эсэсовец нагнулся и отстегнул плетку, пристегнутую к ошейнику собаки, служившую, очевидно, для двоякой цели. Последовали два страшных удара. Мальчик упал, но сразу же поднялся. Он шатался. Руками он заслонял лицо. Тут взялись за него жандармы.

Боже мой, как нам был дорог этот мальчик! Его поступок сразу вернул нам утраченное мужество. Да, мы снова стали мужчинами. Я уверен, что в этот момент каждый из нас без колебания отдал бы за него свою собственную жизнь.

В то время, когда мы были уверены, что ничто уже не спасет его от гибели, вдруг раздался пронзительный, резкий возглас:

— Герр штурмфюрер! Герр штурмфюрер!

От задних вагонов в нашу сторону бежала группа сильно возбужденных людей. Три кондуктора волокли упиравшегося «банштутца», железнодорожного охранника. «Банштутц» был в расстегнутом мундире, совершенно пьяный. Он вырывался, отбрыкивался и лепетал нечто невразумительное. Через секунду дрожащий и бледный, как смерть, старший кондуктор, отдавая честь, докладывал что-то по-немецки офицеру.

Мы не могли полностью разобрать его слова, но сразу нам стало все понятно. Этот «банштутц», этот пьяный зверь оставил свой автомат в уборной польского вагона. Он спрятал его там, видимо, из боязни перед партизанами, а затем, перепившись окончательно, улегся спать в немецкой части поезда. Кондуктора оказались смелыми людьми. Притом еще всем известно, как поездная прислуга ненавидела спесивых «банштутцев».

Немцы совершенно одурели. Для нас случившееся было благословенным спасением. А они должны были проглотить эту пилюлю. Эсэсовец какое-то мгновение колебался, затем, кривя улыбкой рот, подошел к мальчику, отдал ему по-военному честь и протянул руку. Но рука, так по-рыцарски протянутая, повисла в воздухе. Мальчик отвернулся от гитлеровца. С лицом, залитым кровью, нащупывая, как слепец, дорогу, он побрел к поезду.

Лающий окрик загнал нас снова в вагон. На этот раз нас не надо было ни подталкивать, ни помогать нам.

Поезд миновал роковой семафор, и мы занялись пареньком. Он лежал на скамейке с закрытыми глазами. На него страшно было глядеть. Когда женщины платками вытерли кровь с его лица, мы обступили его и заговорили, перебивая один другого:

— Парень, зачем ты это сделал? Зачем признался в том, чего не было? Ты ведь ничего общего с этим не имел!

Тогда он посмотрел на нас глубоким взглядом и, с трудом двигая рассеченными губами, сказал каким-то смешно-детским сипловатым голосом:

— Я-то мог, потому что я ведь не из организации. Я бы никого не засыпал.

И, как будто преодолевая страшный стыд, который давно угнетал его, добавил тише:

— Я не в организации потому, что там уже погибли два моих брата. Я должен был поклясться матери, что не буду подвергаться опасности.

Перевела с польского В. Ратнер.

ВОДОПАД КИВАЧ

Юрий Яковлев **Рисунок В. Цельмера.**

Водопад,
Водопад
С белыми усами
Тараторит невпопад
Целыми часами.

Разлетелись по нему
Хлопья пены мыльные,
Словно голову ему
Мылят руки сильные.

Но движением одним
Сбита пена бурная.
Изгибается над ним
Радуга дежурная.

Брызги сохнут на камнях,
Он не унимается:
Словно школьник на санях,
Водопад катается.

Съедет. Ухнет на бегу.
А внизу окажется,
Изваляется в снегу:
Пена снегом кажется.

Водопад,
Водопад
С белыми усами
Тараторит невпопад
Целыми часами.

Гул стоит.
Гранит дрожит.
И невольно верится.
Что земля назад бежит
С пихтами и с вереском,
Валуны несутся вскачь,
Лес бежать не ленится.
И глядит им вслед Кивач
И довольно пенится.

МЛАДШИЕ БРАТЬЯ ЛУНЫ

А. ПОЛЕЩУК, Е. РУБЦОВА

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Отчего же они совсем не улетят? Что их держит?

— Почему они не падают, а все летают, да еще так быстро?

— Кто подает с них радиосигналы; неужели радист?

— Почему они светятся, как звездочки? Ведь для этого нужен очень сильный огонь!

— А для чего было их запускать, раз они все равно сгорят?

— Я читал, что они раскалятся и сгорят, когда будут падать. Но почему же они не сгорели, когда поднимались вверх?

Они — это искусственные спутники Земли, юные братья нашей старой большой Луны, подаренные миру советской наукой.

О них-то и спрашивают ребята, спрашивают взрослые. Великое множество самых различных вопросов возникает у всех, кто вслушивался в веселый писк радиосигналов, кто и сегодня подстерегает назначенный час и минуту, чтобы разглядеть блестящую звездочку, торопливо пересекающую предрассветное или вечернее небо.

Вы спрашиваете? Ну что ж, мы сейчас расскажем вам о новых спутниках нашей планеты и начнем с того обширного мира, в котором они путешествуют вот уже четыре месяца.

СТАРОЖИЛЫ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Планета Земля, на которой мы живем,— огромный шар. Диаметр земного шара, его поперечник,— около тринадцати тысяч километров. Земля движется вокруг Солнца, но, кроме нее, вокруг Солнца движутся и другие небесные тела. Совсем близко от него вращается планета Меркурий. Потом — Венера, еще дальше — наша Земля... За ней — Марс. Своими огромными размерами выделяются более далекие планеты-гиганты: Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун. Они в десятки и сотни раз больше земного шара. Самая удаленная от Солнца планета, Плутон, почти одинаковых размеров с Землей. Но как ни огромны некоторые из планет, масса их всех, взятых вместе, в 699 раз меньше массы Солнца.

Многие планеты имеют своих «природных» спутников. У Земли — Луна, у Марса — Фобос и Деймос, два спутника, правда, совсем маленькие. Целая дюжина спутников у Юпитера и девять у Сатурна. Пятерых спутников имеет Уран, двух — Нептун. Только у самых ближних к Солнцу планет — Венеры и Меркурия — и у самой дальней — Плутона — нет спутников. Впрочем, Плутон так далеко от нас, что трудно у него обнаружить спутника, даже если он есть.

Планеты со всеми своими спутниками существуют уже миллиарды лет. Но вот теперь у Земли появилось два новых спутника, две маленькие луны, сделанные руками советских рабочих по расчетам советских ученых и инженеров. Это первые в истории Земли искусственные космические тела.

ДВА БОГАТЫРЯ

Итак, все планеты вращаются вокруг Солнца, а вокруг планет вращаются их спутники. Почему же все это семейство гигантов держится вместе в своем безостановочном движении? Какие невидимые цепи их связывают?

«Цепи», связывающие между собой все тела в природе, наука называет силой всемирного тяготения. Под действием этой силы скатываются санки с горы, эта же сила заставляет падать вниз, на Землю, брошенный мяч и дождевую каплю. Чем крупнее тела, чем больше вещества сосредоточено в них, или, как говорят еще, чем больше их масса, тем сильнее они притягиваются друг к другу. С этим свойством силы всемирного тяготения мы сталкиваемся постоянно. В самом деле, поднять с пола камешек, щепку или жука совсем легко, потому что и в небольшом камне, и в щепке, и в жуке очень немного вещества, их масса невелика. А вот поднять большой камень уже труднее: его масса больше, и он гораздо сильнее притягивается Землей.

— Хорошо,— скажете вы,— пусть так. Существуют силы всемирного тяготения. Эти силы удерживают все планеты вместе, удерживают на Земле и воду, и воздух, и все, что на ней есть, в том числе и нас самих. Но по-

чему все-таки брошенный камень падает на Землю, а вот Луна, которая тоже притягивается Землей, не падает на нее? И почему все планеты не падают на Солнце, а миллиарды лет вращаются вокруг него?

Чтобы понять, почему, давайте познакомимся со второй могучей силой, которая тоже действует на все тела во Вселенной, начиная от крохотной песчинки и кончая громадными звездами-солнцами.

Эта сила называется силой инерции. Она проявляется в том, что всякое тело, приведенное чем-либо в движение, будет безостановочно двигаться по прямой линии, сохраняя свою скорость, если этому не мешает воздействие других тел.

Когда при внезапной остановке поезда или автомобиля вы чувствуете, как вас что-то бросает вперед, знайте: это сила инерции.

ПОЕДИНОК

На Земле силе инерции противостоит сила тяготения, о которой мы уже говорили. Земное тяготение очень велико, потому что велика масса земного шара. Если ее выразить в тоннах, получится двадцатидвухзначное число: шесть секстиллионов тонн!

Если бы не она, не сила земного тяготения, брошенный вами камень улетел бы в мировое пространство и вечно мчался бы по Вселенной с той скоростью, которую придал ему толчок вашей руки. Но сила земного тяготения побеждает инерцию летящего камня, и, вместо того чтобы умчаться в просторы Вселенной, он, описав дугу, падает на Землю.

Теперь вернемся к вопросу о Луне. Мы видели, что сила земного тяготения победила инерцию летящего камня. А Луна? Почему она не падает на Землю? Разве тут действуют не те же силы, не те же законы природы? Те же, да результат «поединка» другой. Сила инерции больше у тел с большей массой. Разве сравнишь камень, который мы можем швырнуть рукой, и огромную Луну — гигантский каменный шар? У нее инерция так велика, что уже может поспорить с силой земного тяготения.

И вот сила тяготения заставляет Луну падать на Землю, а сила инерции гонит Луну по прямой. Но ни одна из них не побеждает в этом единоборстве. В результате Луна не падает и не улетает; ее путь все время искривляется, и она движется вокруг Земли.

Точно так же действуют силы инерции и тяготения между Солнцем и Землей или любой другой планетой.

МЫ В ПЛЕНУ?

А как же тела, находящиеся на Земле? Неужели они никак и ни при каких условиях не могут победить тяготения планеты, во власти которой находятся? Неужели они вечные пленники, скованные невидимыми цепями тяготения?

Оказывается, дело обстоит не так уж плохо. Наблюдая падение брошенных тел, можно заметить, что они падают по-разному, в зависимости от своей скорости. Бросьте изо всей силы тяжелый камень. Он опишет крутую дугу и упадет в нескольких шагах от вас. Бросьте тот же камень с помощью метательного орудия, например, катапульты. Он опишет гораздо более пологую дугу и упадет в сотне метров от вас. Катапульта сильнее руки, она дала более мощный толчок и придала камню гораздо большую скорость. Возьмите снаряд такой же массы, как наш камень, и выстрелите им из орудия. Снаряд пролетит километры или даже десятки километров, потому что толчок пороховых газов при выстреле придал снаряду скорость двух тысяч метров в секунду. Есть орудия, которые посылают снаряд на расстояние в сотню километров.

А если все увеличивать и увеличивать силу заряда, силу толчка пороховых газов и, значит, скорость снаряда? Может быть, он совсем не упадет на Землю, а облетит ее кругом? Теоретически ученые уже давно ответили на этот вопрос утвердительно. Они даже вычислили, при какой скорости это может произойти: при скорости, близкой к восьми километрам в секунду.

Закончили ученые эти свои вычисления и, вздохнув, отложили их. Таких скоростей в то время люди получить не могли. И, кроме того, расчеты касались только земного тяготения, а на практике (ученые знали это) у силы тяготения сразу же объявился бы союзник — сила трения. Атмосфера Земли, наш легкий, прозрачный воздух, который мы едва ощущаем, становится преградой, тормозом на пути всякого быстродвижущегося тела.

И чем больше скорость тела, тем неподатливее воздух, тем сильнее торможение. Даже при обычных скоростях строителям машин (автомобилей, самолетов) приходится с этим считаться. Если же бросить снаряд в атмосферу со скоростью восьми километров в секунду, торможение возрастет до чудовищных размеров. Через несколько секунд полета снаряд так разогреется трением о воздух, что мгновенно превратится в

облачко раскаленных газов, сгорит, испарится, как сгорают в атмосфере небесные камни — метеоры. Если бы даже сделать снаряд из каких-нибудь небывало тугоплавких металлов, трение о воздух затормозит его и достигнутая с великим трудом восьмикилометровая скорость быстро снизится, а тогда сила тяготения возьмет верх и снаряд, описав дугу, упадет на Землю, как падали до него все другие снаряды, как падает самый обыкновенный камень. Чтобы поддерживать скорость, потребовались бы непрерывная работа какого-нибудь двигателя и непрерывный расход горючего.

Другое дело с Луной и планетами. Они сохраняют свои завидные скорости, не нуждаясь ни в каких двигателях. Летят они в безвоздушном пространстве и никакого трения не испытывают. Это потому, что сила инерции — вот их единственный «двигатель».

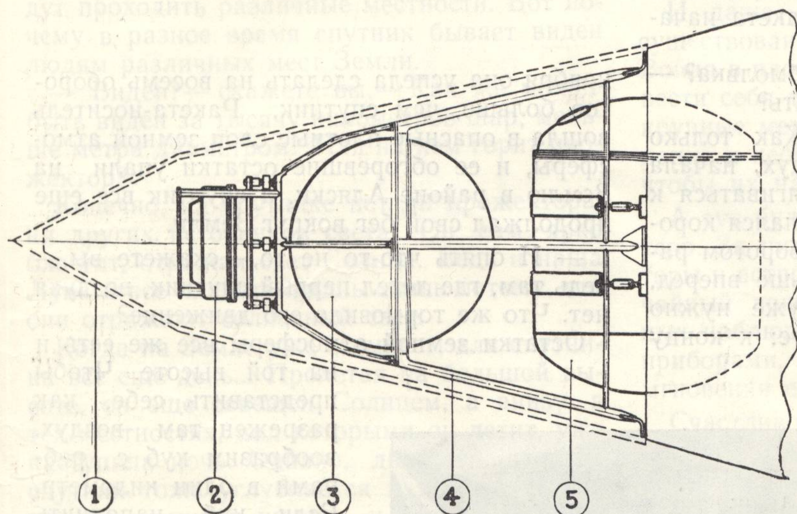

Схема передней части второго искусственного спутника:
1 — защитный конус. После выхода спутника на орбиту он был сорошен; 2 — прибор для исследования ультрафиолетовых и рентгеновских излучений; 3 — сферический контейнер с аппаратурой и радиопередатчиками; 4 — рама для крепления аппаратуры; 5 — непроницаемая кабина для подопытного животного.

Так перед наукой и техникой встала задача: преодолеть воздушный заслон, вывести какое-либо тело за пределы земной атмосферы и уж там разогнать его до скорости восьми тысяч метров в секунду. Тогда, не требуя больше ни грамма пороха или другого горючего, оно будет вращаться вокруг Земли, станет ее спутником. Но как же выйти за пределы земной атмосферы, как получить нужную скорость? Ведь воздух становится достаточно разреженным, чтобы не быть помехой, лишь на высоте 100—200 километров!

Путь впервые был указан почти шестьдесят лет назад нашим замечательным соотечественником Константином Эдуардовичем Циолковским: вынести какое-либо земное тело за пределы земной атмосферы сможет ракета. Циолковский думал о мощных космических ракетах в то время, когда люди знали главным образом маленькие пороховые ракеты для фейерверков и для сигнализации.

КАК ЗАПУСКАЮТ СПУТНИК

Силу земного тяготения действительно удалось преодолеть только с помощью ракеты. Очень сложные задачи стояли перед ракетостроителями. Тут и поиски жаропрочных, тугоплавких материалов для двигателя, и поиски подходящего топлива, и конструирование легкого и в то же время прочного корпуса ракеты. И если самый спутник со всеми его точными автоматическими приборами можно было сделать уже три — четыре года назад, то ракета-носитель смогла быть построена лишь совсем недавно.

Ни в самой ракете, ни внутри спутника нет человека, который бы управлял полетом. Как только ракета отделяется от поверхности Земли, управление переходит к приборам-автоматам, спрятанным в самой ракете. Все необходимые «команды» хранятся в приборах в виде электрических импульсов. Повинуясь этим командам, ракета поднимается на высоту около ста километров. Здесь сопротивление воздуха уже очень мало, и ракета начинает увеличивать и увеличивать скорость. Теперь понятно, почему ни ракета, ни заключенный в ее головной части спутник не сгорели из-за трения о воздух! Ведь ракета не сразу получила нужную для спутника скорость, а постепенно. Чем ниже была ракета, тем меньше была ее скорость, чем она поднималась выше, тем ее скорость становилась больше. Наконец ракета достигла таких разреженных областей нашей земной атмосферы, в которых сопротивление воздуха ничтожно мало. Тогда ракета получила «команду» от своих приборов и, повернув струю раскаленных газов, бьющую из хво-

стовой части, развернулась так, чтобы начать движение вокруг Земли. Спутник был выведен на свою орбиту и получил восьмикилометровую скорость. Двигатели сделались уже ненужными. Единственным «двигателем» стала инерция. Тогда пришло в действие особое автоматическое устройство, ракета освободилась от своей хвостовой части, оставшаяся головная часть стала спутником. При запуске первого спутника отделялся еще защитный конус головной части ракеты, освобождая алюминиевый шар диаметром 58 сантиметров и весом 83 килограмма. Это и был спутник.

Мы запускали двух спутников, а оказалось их три, потому что ракета-носитель, отделившись, имела достаточную скорость, чтобы продолжать свое собственное путешествие вокруг Земли. Но так как у ракеты-носителя торможение было сильнее, чем у шаровидного, обтекаемого спутника, ее скорость уменьшалась быстрее, и ракета начала обгонять спутник...

— Как обгонять? Это не обмолвка? — спросите вы.— Вероятно, отставать?

Нет, никакой обмолвки нет. Как только ракета-носитель, тормозя о воздух, начала терять скорость, она стала притягиваться к Земле. Ее путь вокруг Земли сделался короче, чем у спутника. С каждым оборотом ракета уходила все дальше и дальше вперед, так как для одного оборота ей уже нужно было меньше времени. Вспомните: к концу

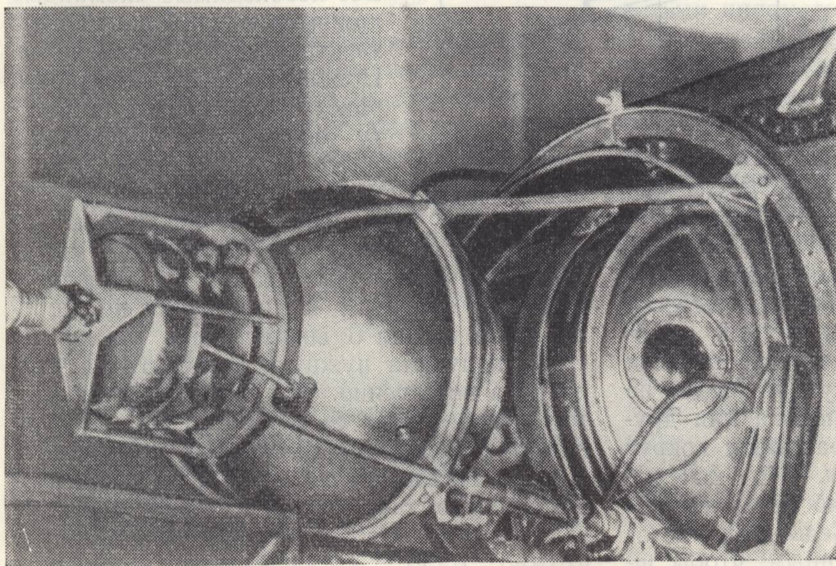

Это собака Лайка. Ее имя будут знать и через века. Лайка — первая разведчица космоса.

ноября она успела сделать на восемь оборотов больше, чем спутник. Ракета-носитель вошла в опасные плотные слои земной атмосферы, и ее обгоревшие остатки упали на Землю в районе Аляски, а спутник все еще продолжал свой бег вокруг Земли.

— И опять что-то не то,— скажете вы,— ведь там, где летел первый спутник, воздуха нет. Что же тормозило его движение?

Остатки земной атмосферы все же есть и на той высоте. Чтобы представить себе, как разрежен там воздух, вообразим куб с ребрами в один километр. Если куб наполнить воздухом у поверхности Земли, то вес воздуха в кубе будет больше миллиона тонн. Если же наполнить куб разреженным воздухом, взятым с высоты пятисот километров, то такой кубический километр воздуха весил бы меньше грамма. Но даже и в этом разреженном воздухе спутник, летящий со скоростью восьми километров в секунду, будет испытывать трение. Только на высоте больше тысячи

Второй искусственный спутник со снятым защитным конусом.

двухсот километров можно считать, что торможения спутника из-за трения о воздух не будет. Но это теоретические расчеты. Второй спутник покажет, насколько верны они.

ОРБИТА

Сделайте обруч из проволоки. Если вы наденете его на глобус, наклонив на 65 градусов к экватору глобуса, то получите модель орбиты спутника. Орбита — это путь, по которому движется какое-нибудь небесное тело вокруг другого. Орбита нашего спутника не совсем круговая. Для того, чтобы получить более похожую модель орбиты спутника, наш проволочный обруч нужно немного сжать с двух сторон. Такая геометрическая фигура называется эллипсом.

Попробуйте, держа проволочную модель орбиты спутника, толкнуть глобус. Как только он начнет вращаться, под обручем будут проходить различные местности. Вот почему в разное время спутник бывает виден людям различных мест Земли.

— Виден?— скажете вы.— Как же может быть виден за тысячу километров шар, меньше метра диаметром? Или на нем горит прожектор?

Конечно, на спутнике нет ни прожектора, ни других источников света. Он сам ярко блестит, отражая свет Солнца. Ведь и наша Луна и все планеты видны лишь потому, что они отражают солнечный свет.

Когда на Земле уже стемнеет, для спутника все еще день... Пролетая на большой высоте, он еще освещен Солнцем, а внизу, в тех местностях, над которыми он летит, уже наступила ночь. Однако, двигаясь дальше, спутник тоже углубляется в тень, отбрасываемую земным шаром, и перестает тогда быть видимым. Рассвет для спутника также наступает раньше, чем для тех мест, которые в это время находятся под ним. Поэтому он виден и под утро.

Нечто подобное вы можете наблюдать и на Земле. Когда заходящее Солнце совсем скрывается за горизонтом, облака, верхушки деревьев, крыши высоких домов, заводские трубы еще бывают освещены. А кто встает рано утром, тот хорошо знает, что первые лучи солнца падают опять-таки на самые высокие предметы.

Днем спутник не виден. Его свет тонет в ярком свечении голубого неба. По той же причине днем не видны и звезды.

ЧТО ГОВОРЯТ МАЛЕНЬКИЕ ЛУНЫ

Еще долго будет летать вокруг нашей планеты второй искусственный спутник, забравшийся выше своих собратьев. Они не просто летают, наши маленькие луны. Они трудятся для науки.

Их тоненькие веселые голоса, пойманные радистами всей Земли, уже рассказали, как проходят радиоволны через наэлектризованный слой воздушной оболочки — ионосферу.

Спутники измерили плотности воздуха на высотах, где человек сам еще не побывал: ведь не только приборы, но и самый срок жизни спутника, скорость, с которой идет торможение его полета,— все это позволяет сделать нужные расчеты.

Спутники опровергли предположения о метеорной опасности. Пролетев уже многие миллионы километров, ни один из них не погиб от встречи с метеором.

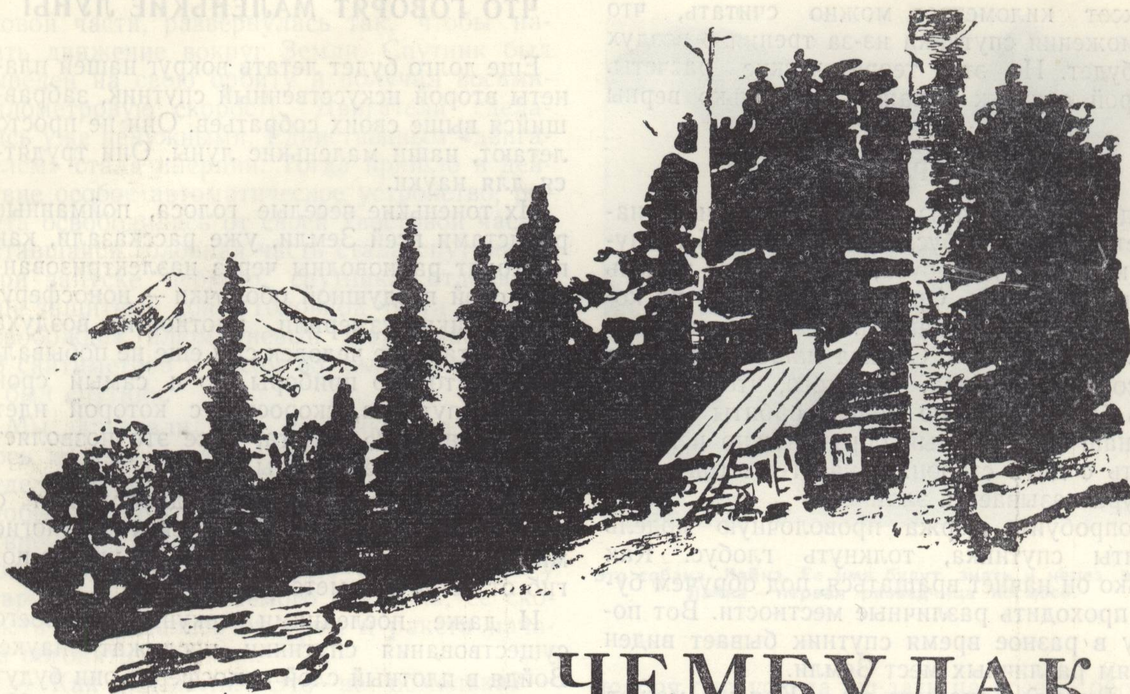
И даже последними секундами своего существования спутники послужат науке. Войдя в плотный слой атмосферы, они будут вести себя так же, как крупный метеор. Но крупные метеоры появляются всегда неожиданно и необязательно там, где есть ученые, чтобы их наблюдать.

А тут будет как бы запланированный метеор. За ним непрерывно следят радиолокаторы и астрономические трубы. Не один случайный зритель, а множество подготовленных наблюдателей, вооруженных нужными приборами, будут подстерегать последние мгновения его полета.

Счастливой дороги, быстрые разведчики космоса! На смену и на помощь вам придут новые луны-малютки. Хотя и младше вас, они будут крупнее, будут забираться выше, а некоторых, кроме умения летать, ученые наделят умением приземляться. Вернувшись «домой», они принесут нам отличные портреты нашей Земли и ленты с точными записями температур, давлений, изменений в магнитном поле планеты и в излучении Солнца.

Все это приблизит день, когда первые межпланетные корабли оторвутся от Земли, чтобы навестить ее ближайших соседей — Луну, Венеру, Марс.

Полеты маленьких лун, рожденных талантом советского народа,— залог того, что эти давние мечты ученых станут былью, научной действительностью.

ЧЕМБУЛАК

Г. СНЕГИРЕВ **Рисунки П. Караченцова.**

Мой дедушка — охотник, мы живем в избушке около ручья. И еще с нами живет Чембулак. Это такая собака; она у меня кусочки выпрашивает, когда я ем.

Дедушка сердито скажет:

— Не стыдно попрошайке!

И Чембулак от стыда виляет хвостом.

Я у дедушки спросил, почему он мне ничего не говорит, а только Чембулаку.

— Потому,— сказал дедушка,— что ты еще маленький, а Чембулак уже седой!

И правда, у него в усах и на шее белые волосы. Садимся мы обедать, и Чембулак тащит свою миску в зубах. Дедушка наливает всем поровну: ведь Чембулак вместе с дедушкой ходит на охоту.

Недавно дедушка собрался в деревню за мукой, а меня оставил в избушке с Чембулаком.

— Вот ваш хлеб с маслом, а к вечеру я приду. Да не обижай собаку!

Я его не обижал, он меня первый обидел. Стал я есть хлеб, думаю: «Половину съем, а потом дам Чембулаку!»

Чембулак сидел на полу и смотрел мне в рот. А потом схватил со стола свечку и разгрыз. Дедушка подумает, это я свечку спрятал, чтобы потом зажигать!

Хотел я отнять свечку, а Чембулак как зарычит!

Залез я на стол и бросил в Чембулака валенок. Он завизжал и выбежал из избушки.

Вечером пришел дедушка, а с ним Чембулак.

— Говори, за что Чембулака обидел, он ко мне в деревню прибежал и рассказал все-все!

Я испугался и сказал про хлеб. И про валенок тоже.

Я думал, и правда, Чембулак все дедушке рассказал. Ведь это не простая собака, а хитрая-хитрая!

МЕНЯ БЕРУТ НА ОХОТУ

Свое ружье дедушка всегда чистит осенью. Чистит он его уголька-ми. Вытащит из печки черный уголек, разотрет в порошок и порошком чистит.

Чембулак, как увидит ружье, сразу начинает ходить вокруг дедушки и показывать зубы. Это он так улыбается.

Дедушка чистит ружье, а Чембулак все улыбается, потому что его всегда на охоту берут, а меня нет.

— Я Чембулака больше за хвост дергать не буду. Честное слово! — говорю я.

Дедушка уж знает, что я на охоту прошусь.

— Вот если неделю не будешь трогать Чембулака, тогда возьму!

Я очень обрадовался и всю неделю не подходил к Чембулаку.

Я помогал дедушке собирать вещи в мешок. Сначала мы положили одеяло, потом пшено, а сверху — кастрюльку и чайник. В кастрюльку дедушка положил хлеб, а в чайник — соль и железную баночку со спичками.

Я спросил, почему спички в баночке. Дедушка сказал:

— Если мешок упадет в речку, все намокнет, а спички будут сухие. Можно разжечь костер и все высушить.

— Дедушка, а мы тоже упадем в речку?

Дедушка подумал и сказал, что мы тоже можем упасть в речку. Тогда я еще больше захотел на охоту.

Мы положили в мешок две ложки, дверь в избушке подперли бревном и пошли в лес.

ЧЕМБУЛАК ЗАЗНАЕТСЯ

В лесу я шел за дедушкой, а Чембулак бегал вокруг и искал дичь. Чембулак держал прутик в зубах. Я хотел отнять прутик и позвал его. Но Чембулак даже не посмотрел в мою сторону.

Я хотел дернуть его за хвост, чтобы не зазнавался, но Чембулак убежал. Его не видно в кустах, только слышно, как он тяжело дышит.

Дедушка вдруг остановился и стал слушать.

Я тоже стал слушать. Тихо в лесу, только ветер гудит в сосновых ветках и синицы попискивают.

И вдруг: гам-гам-гам, потом еще громче: гав-гав... И опять тихо.

Дедушка снял с плеча ружье, мне велел сидеть под сосной, а сам быстро пошел в ту сторону, где лаял Чембулак.

Дедушка выстрелил из ружья, и Чембулак больше не лаял, а я все ждал и ждал. Мне стало страшно. Может, это медведь?

Я хотел бежать к ним. Но в это время трава закачалась, и оттуда выбежал Чембулак.

За Чембулаком вышел дедушка. Он нес в руках большую черную птицу, голова у нее свешивалась до земли.

— Вот,— сказал дедушка,— какого глухаря убил!

А Чембулак сидел ко мне спиной и жмурился на солнце: он совсем зазнался!

ЧЕМБУЛАК И РЫСЬ

Дедушка положил глухаря на сухие иголки под сосной, позвал Чембулака и пошел в лес, а мне велел сидеть рядом, чтобы глухаря лиса не утащила.

Я лег под сосной и потрогал глухаря.

Глухарь бородатый — под клювом у него растут перья. А брови у него красные-красные, как раздавленная клюква.

Глухарь мне надоел, и я стал смотреть на сосну. Сосна высокая. Она тихонько поскрипывает от ветра. Я смотрю на сосну, и мне ка-

жется, что я плыву и земля плывет, а облака стоят на месте. Голова у меня закружилась, и я закрыл глаза.

Вдруг кто-то запыхтел и стал лизать мне щеки. Я громко закричал и вскочил на ноги: я думал, что это дикий зверь!

А это был Чембулак. Он терся боком о мои коленки и вилял хвостом. Я не смотрел на него. Я все думал: почему он подлизывается?

Пришел дедушка и вынул из кармана гриб. На шляпке гриба были глубокие следы от острых когтей. Это рысь прыгнула с ветки на землю и задела лапой за гриб.

— Дедушка, ты убил рысь?

— Нет,— сказал дедушка,— рысь убежала.

И тогда я понял, почему Чембулак подлизывается. Ведь рысь убежала, а Чембулак ее не догнал. Наверное, он испугался рыси.

МЕХОВЫЕ ЛЫЖИ

Есть у дедушки меховые лыжи, сверху они деревянные, а снизу прибиты кусочки шкуры лосенка. На таких лыжах хорошо ходить по глубокому снегу. Шерстинки вперед скользят, а назад не пускают.

Дедушка после охоты оставляет лыжи в сенях, чтобы они оттаяли.

Взял я раз потихоньку дедушкины лыжи, привязал к валенкам и пошел в лес. Там у дедушки на поляне целый стог сена.

Вышел я на поляну, а за стогом стоит лось и ест дедушкино сено. Он, как лошадь, только ноги длинные и на голове две коряги.

Лось поднял голову и посмотрел на меня. И тут я подумал: «Ведь лыжи-то из лосенка!» Я сильно испугался и попробовал скорее повернуть, да никак не мог: лыжи очень большие!

Хотел попятиться назад — шерстинки топорщатся и не пускают! А лось фыркнул и стал ко мне подходить. Может, он просто любопытный? Вдруг лось меня забодать хочет за лосенка, из которого лыжи сделаны?

Я выскочил из валенок и побежал босиком к избушке:

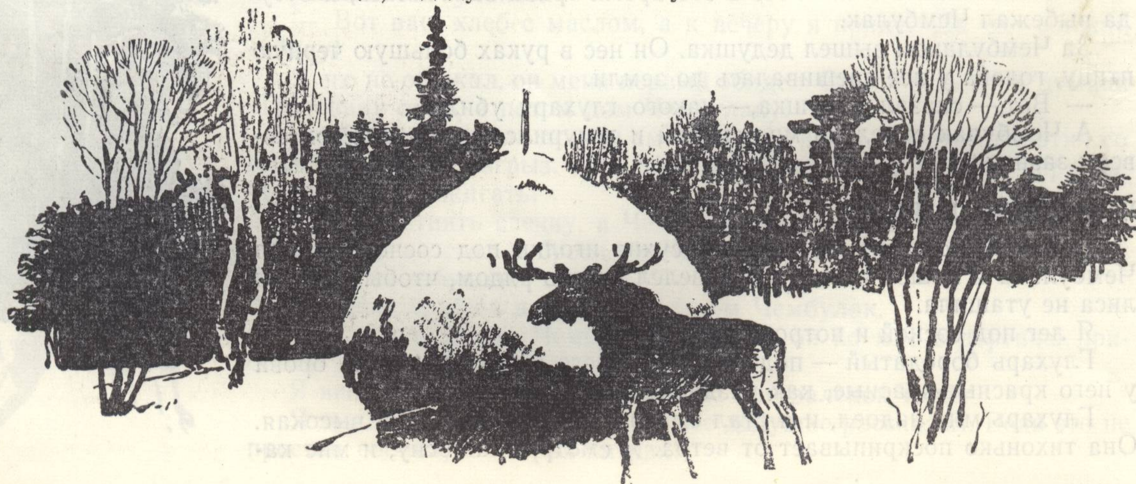
— Чембулак! Чембулак!

Чембулак открыл дверь в сенях и совсем не испугался лося, а бросился ему прямо под ноги. Лось остановился, нагнул голову и стал крутиться на одном месте, а Чембулак громко залаял. Я боялся, что дедушка проснется и спросит, где лыжи.

Чембулак прогнал лося, а потом притащил валенки вместе с лыжами. Он их прямо волочил по снегу в зубах.

Валенки я отвязал, а лыжи поставил в сени на старое место.

На поляне остались следы: две полоски от лыж и между полосками черные ямки от моих ног. Вечером поднялась метель, замела все следы, и дедушка ничего не узнал.

КОРОЛЕВА-НЕФТЬ И НЕФТЯНЫЕ КОРОЛИ

Из Краснодара пришло письмо:

«Дорогая редакция! Прошу вас разъяснить, почему разные страны грозят арабам войной и почему именно там, где живут арабы, могла начаться война.

Ученик 5-го класса Слава Васильев».

Слава задал очень важный вопрос. Давайте же, ребята, разберемся во всем по порядку.

ГДЕ ЖИВУТ АРАБЫ?

Арабы — коренные жители ряда стран Ближнего Востока и Северной Африки. Многие страны вам, конечно, известны: Сирия, Египет, Ирак, Алжир, Тунис, Судан... Больших арабских государств двенадцать, а кроме того, еще семь княжеств. Живет там семьдесят шесть миллионов людей, говорящих на арабском языке.

ЧТО ПРОИСХОДИТ СЕЙЧАС В АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВАХ?

Самое важное, что характерно сейчас для всех арабских народов,— это стремление освободиться из-под гнета иностранных капиталистов. Самим строить свою жизнь. Не зависеть ни от кого.

Арабы испытали тяжесть длительного колониального гнета. Ведь только после второй мировой войны империалистические державы вывели свои войска под напором национального освободительного движения, да и то не из всех арабских государств. И колонизаторы не успокоились, им очень не хочется, чтобы Арабский Восток мирно строил свободную жизнь.

ПОЧЕМУ?

Почему газеты изо дня в день пишут о событиях на Арабском Востоке? Почему там все время неспокойно? Почему заокеанские дипломаты носятся на самолетах из Багдада в Анкару, из Тель-Авива в Тунис? Почему государственный секретарь США (министр иностранных дел) Даллес то кричит о своей любви к арабам, то грозит им оружием?

Вот на снимке две горсти песка. Этот песок взят в пустыне. В правой ладони—обычный желтый песок. Горячий ветер пустыни вздымает его тучами. Он хрустит на зубах, этот песок, и только. Он не представляет никакого интереса для мистера Даллеса.

В левой ладони — черный, жирный песок. Он пропитан нефтью. В недрах арабских пустынь, оказывается, есть нефть!

КОРОЛЕВА

Ее называют «черное золото». О ней говорят: «Королева-нефть». Из нее получают бензин, керосин, машинное масло, горючие газы, лекарства, краски... Из нее фабрикуют синтетический каучук, пластмассы, искусственное волокно, взрывчатку. Но главное, нефть — это горючее.

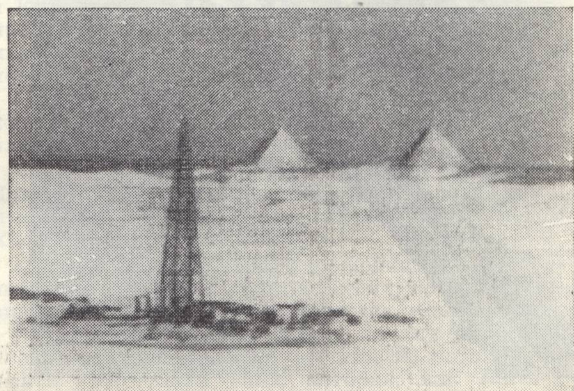
Миллионам автомобилей необходимы бензин и шины из синтетического каучука. Нефть движет тепловозы и теплоходы, приводит в действие генераторы тепловых электростанций. На нефтяном топливе работают фабрики и заводы. Нефть — кровь промышленности...

Самолет не поднимется в воздух, если в баки не налить горючего. Без топлива танк не сдвинется с места и военный корабль будет болтаться на волнах, как огромное стальное корыто. Нефть — топливо войны. Посмотрите на фотографию (страница 22) — эти ракеты не взлетят без керосина...

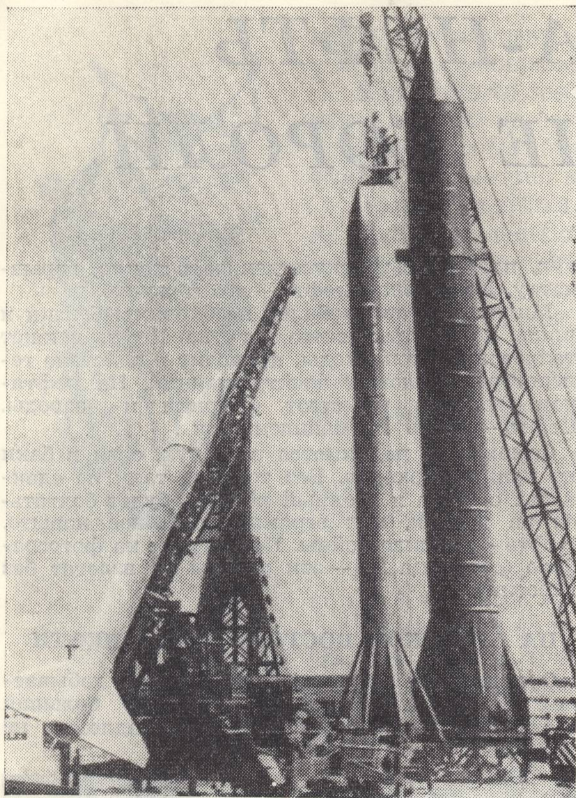
НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ МНОГО НЕФТИ

Отсюда идет почти четверть нефти, добываемой в капиталистическом мире. Но большая часть этих нефтяных богатств принадлежит не

В арабских пустынях найдено «черное золото».

Американские военные ракеты.

арабам. Иностранные капиталисты захватили в свои руки нефтяные месторождения арабских стран.

Нефтяные вышки встали в пустыне далеко от моря. Отсюда не вывезешь нефть на верблюдах. На машинах-бензовозах и на поездах перевозить ее очень дорого.

Через территорию Сирии протянулись огромные трубы нефтепроводов. Такие, как на снимке. По трубам сжатым воздухом нефть перегоняют от промыслов Ирака к портам Средиземного моря; там ее грузят на нефтеналивные суда — танкеры. Кроме этого, нефть вывозят на танкерах и через Суэц. Всеми этими дорогами «королева-нефть» плывет в капиталистические страны.

КОРОЛИ

Они не носят ни корон, ни горностаевых мантий, ни пышных парчовых одеяний. Мистер Рокфеллер, мистер Меллон и мистер Морган ходят в самых обычных костюмах. Им даже не говорят «ваше величество». Но власти у них побольше, чем у любого настоящего короля. Потому что они владеют почти всеми нефтяными промыслами капиталистического мира. Они особенно дорожат арабской нефтью: именно от арабской нефти идут наибольшие барыши. Крестьяне Ирака работают на промыслах за гроши, только бы не умереть с голоду. Рабочий-араб за день каторжного труда получает денег намного меньше, чем американский рабочий-нефтяник за один час. А всю разницу в оплате «нефтяной король» кладет в свой сейф. Каждый день! Выгодно.

Араб добывает арабскую нефть на арабской земле. Нефтепроводы проложены через территорию арабских государств. Арабскую нефть продают в разные страны, а богатеет на этом миллиардер, живущий в далекой Америке...

Каждый год английские капиталисты перевозили по Суэцкому каналу до сорока миллионов тонн нефти. За провоз нефти они платили деньги... самим себе. Да! Плата за провоз шла акционерной компании Суэцкого канала, которая состояла из тех же иностранных капиталистов. Нужно сказать, что Суэцкий канал — очень важное сооружение. Он соединяет кратчайшим путем моря Европы и Азии, а по количеству проходящих по нему пароходов и перевезенных грузов он занимает первое место среди всех морских

Нефтепроводами и дальше морскими путями уходит арабская нефть в Европу на нефтеперерабатывающие заводы. Этот огромный шар справа — хранилище газов, полученных из нефти.

В Порт-Саиде после бомбежки.

чинать заново. Очень выгодно было бы построить свои нефтеперерабатывающие заводы... Но для того, чтобы вести строительство, нужны деньги, а их у арабских стран мало. На этом и попробовали сыграть американские капиталисты. Они предложили арабским странам помощь — деньги взаймы. Вот какие, оказывается, добрые американские дядюшки! Но... «Но,— сказали они,— на наши деньги вы будете покупать товары только у нас. И именно те, которые мы захотим продать. Вы желаете строить? Стройте, мы дадим денег. Но за это мы тоже будем строить... военные базы. И введем туда американские войска...»

Для чего все это придумано?

Во-первых, империалисты США стараются

каналов. Суэцкий канал был раньше дорогой рабства. Он соединял метрополии с колониями.

Но Суэцкий канал проходит по территории Египта. Строили его рабочие-египтяне. Обслуживают его египтяне. Значит, Суэцкий канал является национальной собственностью. И вот египетское правительство ликвидировало англо-французскую компанию канала и потребовало, чтобы деньги за перевозку грузов платились египетскому государству. Примирились ли с этим капиталисты? Конечно, нет!

Взгляните на снимок. Это оставшиеся без крова жители египетского города Порт-Саида...

Но народ, который борется за свою свободу, за счастье, не уничтожить! От мала до велика встали египтяне на защиту родины. Их поддержали народы Советского Союза, стран народной демократии, передовые люди всего мира. Им на помощь пришли народы других арабских стран. Сирийские рабочие взорвали нефтепроводы, принадлежавшие английским капиталистам. И сразу же в Европе начался нефтяной голод. Танкам и автомашинам не хватало горючего. Были дни, когда по улицам Лондона ездили автомобили, запряженные лошадьми.

Вы все знаете, как окончилась война. Захватчики были отброшены с египетской земли!

Но борьба за арабские сокровища не прекратилась. Ушли французы и англичане. Теперь на пороге стоят американцы.

ЖАДНЫЕ РУКИ ТЯНУТСЯ К НЕФТИ

Колонизаторы оставили после себя разоренное, отсталое сельское хозяйство. В городах арабских стран почти нет промышленности. Все надо на-

везде построить военные базы. А во-вторых, они боятся, что в один прекрасный день арабы возьмут и отберут свои нефтепромыслы.

Сирия и Египет отказались от этого предложения. Они заключили договоры с Советским Союзом на основах равенства. Советский Союз предоставляет помощь и не требует, чтобы другие страны отказывались от своей независимости. Пусть каждый народ строит свободную жизнь.

Империалистам не по вкусу, что республика Сирия обошлась без их «помощи». Они решили любой ценой утвердиться в арабских странах. Они пытались совершить государственный переворот в Сирии. Но заговор был раскрыт. Тогда империалисты стали натравливать на Сирию соседние страны.

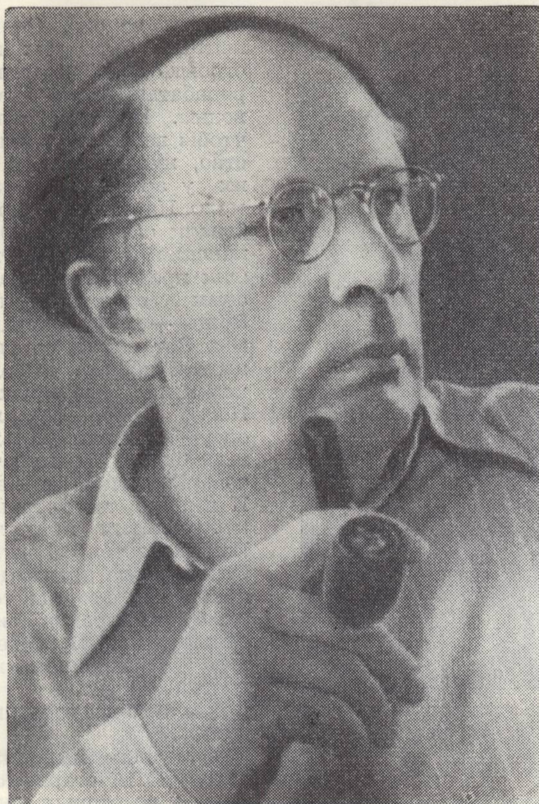
Снова все честные люди мира подняли свой голос в защиту арабских народов. Советский Союз и Китайская Народная Республика вновь предупредили агрессора, что в случае нападения на мирное государство Сирию они придут ей на помощь. Пришлось агрессорам утихомириться.

Так второй раз за эти два года был погашен костер войны, который мог бы охватить своим пламенем весь мир.

Вот что сказал первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев в беседе с редактором египетской газеты «Аль-Ахрам» Мохаммедом Хассанейном Хейкалом:

«...Благодаря усилиям миролюбивых сил, первый этап борьбы за срыв агрессии, которая готовилась против Сирии, завершился успешно.

Но надо быть бдительными, потому что колонизаторы полностью не отступили, потому что нефть — это такая сила, которая, как магнит, притягивает империалистов...»

ДОРОГАМИ СТРАНИЦ

А. ТУРКОВ

Скажите по совести: а не выглядывает ли еще на вашем столе из-под учебников и разных других серьезных книжек пестрая обложка, с которой подмигивает, дразнится длинноносый сорванец Буратино? Не тянет ли вас снова пробежаться вместе с ним по страницам, где что ни строчка — то шалость, озорная выходка или уж-ж-жасное, как выражается сам деревянный постреленок, приключение? Метко угодить шишкой в жадного и жестокого Карабаса-Барабаса, ускользнуть от погони и, наконец, облегченно вздохнуть за заветной дверцей, отворенной золотым ключиком?

Ну-ну-ну, не хмурьтесь, не принимайте важного вида, не ворчите, что вы, мол, уже не маленькие, и не смотрите свысока на веселых деревянных человечков. Я, например, немножко постарше вас, но с удовольствием проведу время в их обществе, а потом они всей оравой проводят меня на корабль, над которым развевается флаг неведомой вам страны: на зеленом поле красная, на задних лапах, лягушка...

Так и быть: я подвинусь и дам вам место на этом корабле — двухвесельном, с мачтой, где на верхушке медная маковка. Вы знакомы с адмиралом, который командует этой лодкой... то бишь кораблем? Это грозный Никита, тот самый, который побил даже самого Степку Карнаушкина. Он тоже живет в стране, куда я вас приглашаю. Она зовется «Детство Никиты».

Вот мы уже подплываем к берегу, где стоит Никитин дом, вот уже слышится морской марш, которым нас встречают. Его, особенным образом отдувая щеку, дудит отец славного адмирала Василий Никитьевич.

Это человек добрый, веселый, смелый и, наверное, вам понравится, особенно мальчишкам, самые горячие желания которых он всегда разделит.

Захотела было мать запретить Никите верхом ездить.

— Вот и отлично,— сказал на это Василий Никитьевич,— запрети ему ездить верхом, запрети ходить пешком: тоже ведь может нос разбить,— посади его в банку, обложи ватой, отправь в музей...

А потом добавил уже серьезно:

— Прости, пожалуйста, я вовсе не хочу, чтобы из него вышел какой-нибудь несчастный Слюнтяй Макаронович.

Правда ведь, ребята, в Василия Никитьевича за такие слова влюбиться можно?!

Но почему это вдруг при слове «влюбиться» наш старый морской волк, наш отважный адмирал так отчаянно покраснел? Ах да, я совсем позабыл про его тайну... Нет, нет, не тормошите меня! Я не могу выдавать чужие тайны. Могу вам только сказать, что узнал ее, читая «Детство Никиты». Прочтите сами — и все узнаете. Но только помните: никому ни слова!

Зато я могу рассказать вам о том, что адмирал временами, глядя на далекие звездные миры, мечтает о другом корабле — воздушном, который понесет его когда-нибудь на таинственные планеты... Вам смешно, что Никита представляет себе этот летательный аппарат с крыльями, как у летучей мыши, а не той могучей ракетой, над проектами которой уже работают сейчас наши ученые? Ну, конечно, вы-то видели в небе запущенные человеком звездочки — искусственные спутники Земли, а в те времена, когда Никита замышлял свой дерзкий полет, лишь немногие смельчаки рисковали доверить свои жизни неуклюжему и ненадежному аэроплану. Стоило летчику просто сильно чихнуть, и аэроплан вздрагивал и кидался в сторону, как испуганная необъезженная лошадь, и летчику приходилось с трудом утихомиривать его. Но и тогда людей

манили таинственные каналы на Марсе, призрачные лунные моря; и нетерпеливые мечты и догадки далеко обгоняли медлительный полет первенцев воздухоплавания.

Скорее прощайтесь с Никитой, теперь вы уже знаете дорогу к нему! Скорее, а не то они улетят без нас!

«В сарае оглушающе грохнуло, затрещало. Сейчас же раздались более сильные, частые удары. Задрожала земля. Над крышей сарая поднялся тупой металлический нос... Взрывы слились в сплошной вой, и четырехсаженное яйцо, наискось, как ракета, взвилось над толпой, устремилось к западу, ширкнуло огненной полосой и исчезло в багровом, тусклом зареве туч».

Мне сдается, что многие из вас летят на Марс с изобретателем Лосем и демобилизованным красноармейцем Гусевым не в первый раз!

«Аэлита», вы правы, ну, конечно же, это «Аэлита»!

И «Золотой ключик», и «Детство Никиты», и «Аэлита», и «Гиперболоид инженера Гарина» (эту книгу, наверно, тоже многие из вас читали) — все это написано одним человеком, Алексеем Николаевичем Толстым. Все это и многое другое.

Какие бы страхи и невзгоды ни поджидали веселого и опрометчивого Буратино в его скитаниях, все это со сказочной легкостью остается позади, счастливый конец — делу венец, и одураченный, околпаченный, проведенный за нос Карабас-Барабас предается веселому посрамлению.

Беззаботно течет детство Никиты, если не считать мимолетных мальчишеских неприятностей и огорчений... Но полно, так ли уж все вокруг благополучно, как это кажется на первый взгляд?

Время от времени появляется перед нами унылая фигура безлошадного батрака Артема, у которого ни

В 1938 году в Крыму, под Ялтой, снимался фильм «Золотой ключик». А. Н. Толстой на съемке этого фильма.

Этот снимок сделан тоже во время съемки кинофильма «Золотой ключик». А. Н. Толстой с шарманкой.

кола, ни двора, ни семьи. У него за много лет не плачены недоимки, и полицейский урядник то и дело сажает его в «клоповку» под арест. Каково там сидеть, видно уже по самому ее названию!

Вечно висит над засушливым Заволжьем угроза голода.

«— ...Еще один день этого окаянного пекла, и — вот тебе голодная зима, тиф, падает скот, мрут дети...» — горько говорит отец Никиты.

Уныло, мрачно, скудно, скучно живется и в деревнях и в помещичьих усадьбах. Даже до Никиты, целиком поглощенного своими ребячьими делами, порой доносятся тревожные отзвуки неведомых ему еще чужих бед. Вот почтмейстер на его глазах с такой яростью стукает печатью по письму, как будто хочет проломить череп отправителю. Пьяный, он высовывается из окошка и кричит на всю площадь:

— Душу мою съели, окаянные!

О том, как «съедали душу» провинциальная жизнь в царской России, полнейшее безделье невежественных помещиков, их дикие и разнузданные самоуправство и «забавы», рассказал Алексей Толстой во многих своих рассказах. Даже на окружающую их природу эти люди, по меткому замечанию писателя, глядят, как больной на надоевшие обои у кровати.

«Медлительный шаг жизни был уже невыносим,— вспоминал впоследствии об этом времени Алексей Толстой.— Захолустный тихий быт, доставшийся в наследство от начала века, томил и калечил... Солнце, казалось, остановилось над миром... Над деревней разливалась тишь да гладь, один исправник парил орлом над мужицким бытием, и

казалось, этого сонного царства хватит до скончания века».

Так душно бывает перед грозой.

И гроза разразилась! Громовой удар Октябрьской революции потряс всю огромную страну, и могучий вихрь, освежающий ливень промчались по ней из конца в конец, навек сметя с лица нашей земли помещиков и фабрикантов.

Раскройте-ка один из томов трилогии Алексея Толстого «Хождение по мукам», как шагают за порог навстречу грозе и порывистому ветру. Вы сразу очутитесь там, где сверкают орудийные зарницы и молнии буденновских клинков, где героев целая армия и главный из них — Революция.

Многолюдье, гомон, пестрота — впору заблудиться, если бы не такой надежный провожатый, как автор. Вслед за ним вы каким-то волшебством пробиваетесь сквозь толчею людей и событий, и вдруг перед вами — как на ладони — оказывается кипящее, как на огромной площади, человеческое море, и вы, словно с высокой горы, различаете все глубины и мели, угадываете подводные течения и озираете простор до самого горизонта.

Похожее чувство охватит вас и при чтении другого создания Алексея Толстого — большого романа «Петр Первый».

В начале «Хождения по мукам» героини романа «Сестры» Даша и Катя еще не покидают уютного.

А. Н. Толстой в детстве.

А. Н. Толстой в 1933 году, во время путешествия по Кольскому полуострову.

насиженного семейного гнездышка, привычных развлечений, но затем Алексей Толстой, как хорошо сказал об этом известный советский писатель Константин Федин, «впустил во все двери и окна бурю истории, и она забушевала во взбудораженной, трепещущей жизнью книге, завертев, как песчинки, маленькие, милые и отчаянные судьбы героев романа».

Так и в «Петре Первом», повстречавшись с тремя мальчишками-однолетками на речке Яузе, трудно угадать среди них будущего зачинателя крутых перемен в русском государстве и его, тоже будущих, соратников.

Вы знаете, наверное, что на картинах и иконах постепенно тускнеют и выцветают краски, мельчайшие пылинки тоже мало-помалу, как мухи, «засиживают» изображение, искажая его подлинные цвета... Но вот приходит художник, так называемый реставратор (по-русски это значило бы примерно «восстановитель»), и после долгой, сложной, кропотливой работы очищает картину от всевозможных наслоений, и мы поражаемся свежим, ярким, будто только что положенным краскам.

Вот так поступил и Алексей Толстой с событиями петровского времени. Двести пятьдесят с лишним лет прошло с той поры. Сбивчивы воспоминания современников, одни из них противоречат другим, потускнели в народной памяти многие подробности тех давних происшествий, а многие и совсем забы-

лись; утрачены — сгорели, пропали, съедены мышами в архивах или просто пришли в полнейшую ветхость многие документы, письма, дневники; вмешалась в дело клевета... Казалось бы, невозможно воскресить прошлое, прошлое, о котором даже Пушкин, куда ближе к нему стоявший, писал задумчиво:

Прошло сто лет — и что ж осталось
От сильных, гордых сих мужей,
Столь полных волею страстей?
Их поколенье миновалось —
И с ним исчез кровавый след
Усилий, бедствий и побед.

Но такова сила художнического воображения Алексея Толстого, что мы с вами, как на экране, видим и округленные от гнева глаза Петра, и озлобленного каторжной жизнью мужика Федьку Умойся Грязью, который с надсадным хрипом вбивает в топкий берег первые сваи строящегося Петербурга, и метельный день первой Нарвской битвы, и разгул стрелецкого мятежа.

— Так что ж,— скажете вы,— Алексей Толстой колдун, что ли?!

Как вам сказать...

Знаете что, давайте заглянем в его рабочий кабинет. Он давно опустел: Алексей Николаевич умер в 1945 году; но его библиотека, его рукописи, письма помогут нам представить, как он сидел здесь, читая судебные записи XVII века, протоколы допросов и пыток: «...там рассказывала, стонала, лгала, вопила от боли и страха народная Русь»,— говорил Алексей Толстой.

Мудрено ли, что ему, человеку с огромной фантазией, за каждой строкой мерещились человеческие лица, то искаженные судорогой боли и ненависти к мучителям, то оставшиеся величаво спокойными даже на дыбе или под кнутом палача! Он соображал все обстоятельства дела, как запечатленные скрипучим пером приказного дьяка, так и утаенные подсудимым, чтобы не выдать товарищей, и перед ним вставали и просились на бумагу чужие судьбы, беды и горести.

...Где мы только с вами ни побывали! А ведь это — еще только начало путешествия по тому огромному материку, каким мне представляются книги, написанные Алексеем Толстым.

Сколько новых встреч, незабываемых впечатлений, нежданно навертывающихся на глаза слез, веселых минут и часов раздумья ожидает вас! Счастливцы!

Доброго вам пути!

Пакет генералу Шкуро

Из романа «Хождение по мукам»

Алексей ТОЛСТОЙ **Рисунки П. Пинкисевича.**

В утреннем белом тумане, плотно лежащем по всему полю, мчались пятеро всадников,— на гнедой кобыле со стриженой гривой — Рощин, на полкорпуса впереди него, на вороном жеребчике,— маленький Дундич, серб, командир одного из буденновских эскадронов; на своем непримиримом пути Дундич нашел вторую родину и со всем пылом простодушного, жизнерадостного и отчаянно смелого человека полюбил необозримую Россию и ее необозримую революцию; он и Рощин были одеты в светлые офицерские шинели с золотыми погонами; позади, понукая, скакали, в лихо смятых фуражках с кокардами, в полушубках с урядническими погонами, Латугин, Гагин и Задуйвитер.

Им была поставлена задача: проникнуть в Воронеж, высмотреть расположение артиллерии, наличие конных и пеших сил и напоследок вручить командующему обороной — генералу Шкуро — запечатанный пакет, в котором находилось письмо Буденного.

Дундич любил жизнь и любил играть с ней в опасную игру, а в эти бодрящие октябрьские дни, когда мускулы так и потягивались под гимнастеркой,— лишь потяни ядреный воздух утреннего тумана, полный всяких отличных запахов,— ему в особенности не терпелось без дела. Он сам вызвался передать Шкуро запечатанный пакет. Он пошел разыскивать Рощина и сказал ему:

— Вадим Петрович, вы очень подходящий человек для одного небольшого приключения,— вы знаете офицерские обычаи и всякую обходительность. Вы бы не согласились сбегать со мной в Воронеж? Это займет один день. Будет добрая проскачка. Буденный обещал нам личных коней, Петушка и Аврору...

Смешно было — соглашаться или не соглашаться. Вадима Петровича неприятно только кольнуло упоминание об офицерской обходительности. Но и вправду ему пришлось провозиться весь вечер, обучая товарищей, как нужно нижним чинам тянуться,

козырять и отвечать и какой должен быть внешний вид у офицера-добровольца: у дроздовцев — в лице ирония, любят носить пенсне — в честь их покойного шефа; у корниловцев — традиционно тухлый взгляд и в лице — презрительное разочарование; марковцы шикарят грязными шинелями и матерщиной.

Было условлено: если остановят и будут спрашивать, отвечать: «Везем в Воронеж секретный пакет от командира резервного добровольческого полка, прибывшего с юга в район Касторной». Это и туманно и убедительно.

Часа через три хорошего хода в белесом свете, прорвавшемся ненадолго из-под свинцовых туч, показался Воронеж — купола, пожарные каланчи, красноватые крыши. За все время пути не привязалась ни одна разведка,— посмотрят в бинокль на пятерых всадников, скачущих в направлении города, и шагом едут дальше. Первая задержка произошла на мосту. Деревянный, на живую нитку построенный мост охранялся. По нему похаживали какие-то солидные люди в бескозырках, в белых нагольных кожанах, какие носят бабы на Украине, и все почему-то с окладистыми бородами. На той стороне около предмостных окопов курила кучка юнкеров.

Дундич остановил коня, спрыгнул и начал подтягивать подпругу.

— Показывать липовые документы не совсем желательно,— сказал он вполголоса.— Река вздулась, переезжать где-нибудь вброд,— замочимся по шею, это еще более нежелательно. Придется ехать через мост.

— Ладно, отругаемся,— мрачно сказал Латугин.

Задуйвитер тут же задавился смехом:

— Ой, товарищи, лопни глаза — так ведь это ж попы на мосту, жеребячья команда...

— Шагом и весело, вперед,— сказал Дундич, как кошка вскакивая в седло. Бородатые люди на мосту разноголосо зашумели: «Стой, стой». Дундич ехал на них, туго держа повод и щекоча шпорами Петушка. Но они подняли такой крик, размахивая винтовками, что конь под ним начал поджимать зад, зло охлестываться хвостом. Пришлось остановиться. Несколько рук потянулось, чтобы схватить за узду. Латугин закричал, напирая лошадью:

— Очумели: у его высокоблагородия повод трогать! Кто вы такие вообще,— покажи документы!

— Молчать! Осади коня! — спокойно через плечо сказал ему Дундич и — с белозубой под торчащими усиками улыбкой — нагнулся с седла к бородачам:

— Вы требуете пропуск через мост? У меня его нет... Я подполковник Дундич, со мной — моя охрана... Вы удовлетворены? Благодарю вас...

И он, засмеявшись, послал Петушка так, что тот храпнул, взвился, показывая серозамшевое брюхо, и прыгнул мимо бородачей, едва отскочивших в сторону. Но сейчас же Дундич осадил его и перевел на шаг. На том берегу началась тревога. Юнкера побросали папироски и, путаясь в полах длинных до земли шинелей, побежали к глинистым окопам, откуда на всадников повели стволами два пулемета. Командир предмостного укрепления, высокий офицер с вялым усатым лицом, крикнул, лениво растягивая слова, таким знакомо наглым голосом, что Рощин от омерзения стиснул зубы:

— Эй, там на мосту, спешиться, приготовить документы!.. По счету два — открываю огонь.

Дундич, свернув рот в сторону Рощина:

— Ничего не поделаешь, придется атаковать.

Рука его потянулась к шашке. Рощин быстрым движением остановил его.

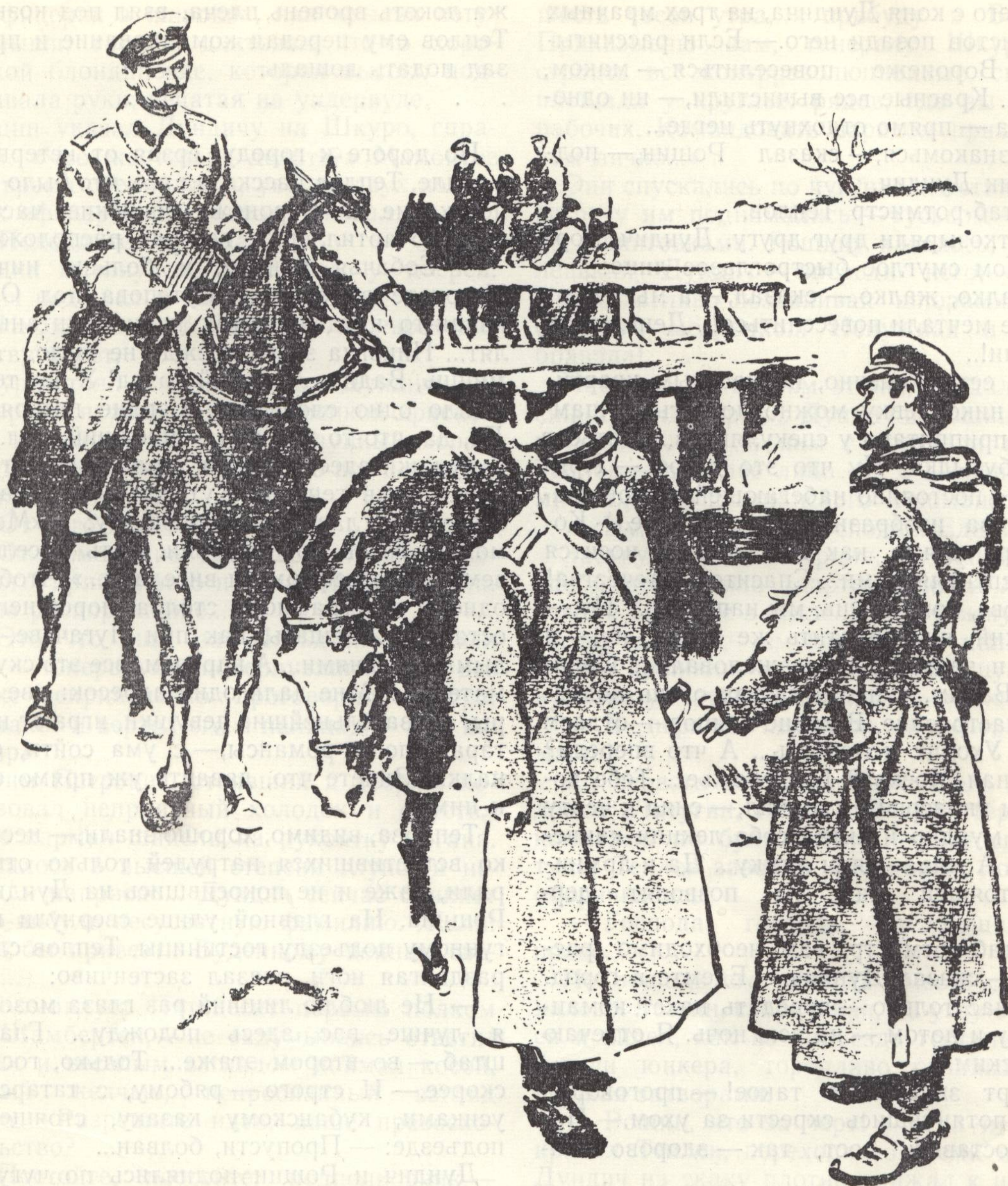
— Теплов! — крикнул он высокому офицеру.— Оставь пулеметы. Это я — Вадим Рощин...

И он неторопливо слез с лошади и, ведя ее в поводу, один пошел через мост. Офицер этот был тот самый Васька Теплов — когда-то его однополчанин — пьяница, хвастун и дурак, которого Рощин однажды серьезно предупредил, что набьет ему морду за сплетни и пошлость. Теплов подозрительно глядел на приближающегося Рощина, медленно пряча наган в кобуру.

— Не узнал... С перепою, что ли? Здравствуй, елки точеные.— Рощин, не снимая перчатки, подал ему руку.— Чего ты тут делаешь? Набрал себе команду пузатых бородачей, вот идиотина! Тебе же время полком командовать!.. Опять разжалован, что ли? За пьянство, конечно?

— Фу ты, елки точеные! — проговорил Теплов, шепелявя из-за того, что под усами у него чернела дыра вместо передних зубов.— Вадим Рощин!..— И лиловые под глазами мешочки у него задрожали.— С неба свалился... Мы же считали тебя дезертиром.

— Спасибо!..— Рощин взглянул упорно и горячо в глаза ему (Теплов, чувствуя неудобство от этого взгляда, счел за лучшее не продолжать разговора о дезертирстве).—

Очень вы хорошего мнения обо мне... Я все время был в Одессе у Гришина-Алмазова... А теперь начальник штаба Пятьдесят первого резервного. Может быть, тебе все-таки предъявить мои документы?..— вызывающе спросил он, обернулся и махнул: — Дундич, подъезжай, можешь не слезать с коня...

Теплов только сердито засопел, он всегда побаивался Рощина:

— Брось, в самом деле, дурака валять... Ты усвоил какую-то особую манеру со мной разговаривать, Рощин... Куда вы едете?

— К генералу Шкуро. Подошли с полком вам на выручку. Говорят, вы тут очень Буденного испугались...

— Да, понимаешь... все гражданское население мобилизовали, отставных генералов, какую-то сволочь чиновников... Попов нарядили, мне прислали...

Рощин вынул портсигар, в нем были иностранные папиросы, захваченные вчера в штабном обозе. Теплов закурил, побросал себе на усы душистый дымок.

— Вот! — удивился.— Елки точеные, настоящие заграничные! Откуда? А нам махру выдают... Адская изжога от нее... Дай, пожалуйста, хоть парочку, про запас...

Ну, как, в общем, живешь, Васька?

— Живу сволочно,— денег нет... Все надоело...— Он исподлобья покосился на со-

скочившего с коня Дундича, на трех мрачных кавалеристов позади него.— Если рассчитываете в Воронеже повеселиться — маком, господа... Красные все вычистили,— ни одного кабака — прямо отдохнуть негде...

— Познакомься,— сказал Рощин,— подполковник Дундич.

— Штаб-ротмистр Теплов.

Они откозыряли друг другу. Дундич, морща смехом смуглое быстроглазое лицо:

— Жалко, жалко,— сказал,— а мы на самом деле мечтали повеселиться!.. Деньжонок захватили!..

— Да есть, конечно, по частным квартирам... и николаевку можно достать, и шампанское припрятано у спекулянтов... Пятьсот рублей бутылка! Ну что это такое! — Припухшие, с постоянно набегающей слезой глаза Теплова изобразили негодование.— Комендатура прямо, как со святыми, носится с этими спекулянтами... Спасители отечества! В Тамбове, понимаешь, мы напились... Ну,— счет дикий, ну,— платить же нечем, ну,— я в рожу и заехал... И разжаловали... Понимаешь, Вадим, у нас в частях очень подавленное настроение. В конце концов — отдаем жизнь... Уходит молодость... А что впереди? Разоренная Москва? Безденежье... Тебе хорошо, ты университет кончил,— снял к черту вшивый мундир и читай себе лекции какие-нибудь... А мне — тяни лямку... Да и армии-то настоящей нам не позволят держать...

— Штаб-ротмистр, вам необходимо рассеяться,— сказал Дундич.— Едемте в город. Дела у нас только — передать пакет командующему и потом — на всю ночь. Я отвечаю шампанским...

— Черт знает, что такое! — проговорил Теплов, потянувшись скрести за ухом.— Неудобно оставить пост, так — здорово живешь...

— А ты передай команду старшему по взводу,— сказал Рощин.— А коменданту скажешь, что у тебя закралось подозрение, не переодетые ли мы красные разведчики... На худой конец обругают тебя дураком...

Теплов разинул беззубый рот и захохотал и — вытирая глаза:

— Это идея! И я еще даже хотел вас арестовать...

— Правильно!..

— Старший унтер-офицер Гвоздев! — уже раскатисто-бодро крикнул Теплов, обернувшись к окопу, где опять скучали юнкера около пулемета. И когда старший унтер-офицер, лет восемнадцати мальчишка с голубыми наглыми глазами, подошел и отчетливо, держа локоть вровень плеча, взял под козырек, Теплов ему передал командование и приказал подать лошадь.

. . . .

По дороге к городу, ерзая от нетерпения в седле, Теплов рассказал все, что было нужно: какие в Воронеже воинские части и сколько артиллерии, где она расположена...

— Собачья паника, и больше ничего... Извольте видеть — у Кутепова под Орлом какая-то неудача — так наши в штаны валят... Никогда этого прежде не было... А помнишь, Вадим, Ледовый поход! У нас теперь пошло одно словечко: «Сердце потеряли...» Да, да, что-то утеряно,— прежний пыл... Да и мужики здесь сволочи, волками смотрят... Прав, прав генерал Кутепов,— он, говорят, отрезал главнокомандующему: «Москву можно взять при условии: дать населению земельную реформу и виселицу...» Чтобы ни одного телеграфного столба порожнего не осталось... Вешать, как при Пугачеве,— целыми деревнями... А впрочем, все это скучная материя... Мне дали один адресок: две сестры, обязательнейшие девушки, играют на гитарах, поют романсы,— с ума сойти, елки-палки! Знаете что, давайте уж прямо сразу к ним...

Теплова, видимо, хорошо знали,— несколько встретившихся патрулей только откозыряли, даже и не покосившись на Дундича и Рощина. На главной улице свернули к чугунному подъезду гостиницы. Теплов слез и, раздвигая ноги, сказал застенчиво:

— Не люблю лишний раз глаза мозолить, я лучше вас здесь подожду... Главный штаб — во втором этаже... Только, господа, скорее.— И строго — рябому, с татарскими усиками, кубанскому казаку, стоящему в подъезде: — Пропусти, болван...

Дундич и Рощин поднялись по чугунной сквозной лестнице. На пакете Буденного стояло: «Генерал-майору Шкуро, лично, секретно...» Решено было — передать пакет через адъютанта. В зале ресторана с ободранными окнами помещалась канцелярия, Дундич и Рощин вошли туда, и сейчас же перед ними в другие двери вошли два человека: один, длинный и громоздкий, с пышными подусниками на грубо красивом лице, был на костыле, топорщившем подмышкой его светло-серую генеральскую шинель. Рощин узнал Мамонтова. Другой — в коричневой черкеске — с воспаленным, скуластым, хулиганским лицом с разинутыми ноздрями вздернутого носа, был генерал Шкуро. Войдя, они остановились около стола, где штаб-

ной офицерик в широких, как крылья летучей мыши, галифе диктовал что-то хорошенькой блондиночке, которая высоко подбрасывала руки, печатая на ундервуде.

Рощин указал Дундичу на Шкуро, спрашивая: «Что же теперь делать?» Мамонтов в это время обернулся и, увидев двух незнакомых офицеров, басовито приказал:

— Подойдите, господа...

Рощин вытянулся, оставшись у дверей. Дундич подошел к Шкуро:

— Имею передать вашему превосходительству пакет.

Шкуро стоял почти спиной к Дундичу, он не обернулся, только повел крепкой красной шеей, в которую врезался галунный ворот, и, не глядя в лицо, подняв по-волчьи верхнюю губу, спросил:

— От кого пакет?

— От командира Пятьдесят первого резервного, прибывшего на правый берег Дона в ваше распоряжение...

— Это что еще за Пятьдесят первый полк? — теперь уже повернувшись, но все так же неприязненно проговорил Шкуро, взял пакет и вертел его в пальцах.— Кто командир?

Вадим Петрович, стоявший в дверях, почувствовал неприятный холодок и опустил руку в карман шинели на рукоятку нагана. Получалось в высшей степени глупо, и неумело, и напрасно... Дундич сейчас брякнет какую-нибудь несусветную фамилию. Жаль! Могли бы привезти Буденному ценные сведения...

— Командует Пятьдесят первым полком граф Шамбертен,— не задумываясь ответил Дундич и веселым взглядом поймал косой, налитый желчью, непроспанный взгляд Шкуро.— Разрешите идти, ваше превосходительство?

— Постойте, постойте, подполковник.— Мамонтов неуклюже начал поворачиваться на костыле.— Что-то знакомая фамилия, позвольте-ка...— Мясистое красивое лицо его вдруг болезненно исказилось: неловким движением он разбередил ногу в лубке, раздробленную пулей на прошлой неделе, когда он на тройке уходил от Буденного.— А, черт! — пробормотал он.— А, черт! Можете идти, подполковник...

Дундич, откозырнув, сделал четкий полуоборот и пошел к двери. Рощин видел, как Шкуро, говоря что-то все еще сморщенному от боли Мамонтову, медленно разрывал пакет; в нем находилось письмо, подписанное Семеном Буденным; содержание было известно Дундичу и Рощину: «24 октября, в шесть часов утра, я прибуду в Воронеж. Приказываю вам, генералу Шкуро, построить все контрреволюционные силы на площади у круглых рядов, где вы вешали рабочих. Командовать парадом приказываю вам лично...»

Они спускались по чугунной лестнице. Навстречу им поднимались — гуськом — юнкера с винтовками. Рощину казалось, что маленький Дундич — впереди него,— задрав нос, отчетливо позвякивая шпорами,— идет слишком медленно... Ненужная и глупая бравада!..

Наверху, на втором этаже, раздался резкий, хриплый крик... Дундич и Рощин вышли в подъезд, где к ним с тротуара кинулся Теплов,— дряблое лицо его с висячими усами жаждало шампанского и романсов.

— Ну, слава богу, господа... Едем...

Засунув сапог в стремя, он запрыгал на одной ноге около заартачившейся лошади. Рощин был уже в седле. Дундич вынул портсигар, закурил,— смуглые сухие пальцы его слегка дрожали,— он бросил горящую спичку, взял у Латугина повод и — резко:

— В первый переулок, налево, рысью марш!

До первого переулка было всего десяток домов; Латугин, Гагин и Задуйвитер, цокая копытами по булыжнику, первые свернули туда; Теплов завопил, сдерживая лошадь и оборачиваясь:

— Господа, господа, следующий — направо...

Но лошадь его занесла вместе со всеми налево. Рощин, сворачивая, на углу обернулся и видел, как из подъезда гостиницы выбегали юнкера, торопливо оглядываясь и щелкая затворами.

— Рощин, что за черт! — едва не плача, кричал Теплов, переходя со всеми в галоп. Дундич на скаку плотно прижал к нему коня, перегнувшись, крепко схватил его за кисть руки и, обрывая шнур, выдернул у него из кобуры револьвер.

— Шампанское за мной! — крикнул он ему, скаля зубы. Теперь уже и он, и Рощин, и трое бойцов мчались по кривому переулку во весь опор мимо домишек, заборов, старых лип, которые цеплялись голыми сучьями за их шапки. Позади слышались выстрелы. Не сбавляя хода, они проскакали поле, близ моста опять перешли на рысь и уже шагом подъехали к предмостным окопам. Дундич позвал, похлопывая коня по дымящейся шее:

— Старший унтер-офицер Гвоздев! — и, когда тот, пряча в рукав папиросу, подо-

шел: — Штаб-ротмистр Теплов просил меня передать, что вернется через полчаса. Двадцать четвертого утром мы опять будем здесь, так вы нас пулеметами не пугайте...

— Слушаюсь, господин подполковник...

Когда мост остался далеко позади и были уже сумерки и взмыленным коням, начавшим спотыкаться, дали передышку, Дундич сказал Рощину:

— Мне очень неприятно перед вами и перед товарищами... Много раз я ругал себя за щегольство... Опасность пьянит, ум обостряется, влюблен в самого себя, забываешь о цели и ответственности... И потом всегда раскаиваешься... Если бы сейчас товарищи слезли с коней, стащили меня за ноги и отколотили, — я бы не обиделся, даже почувствовал бы облегчение...

Рощин закинул голову и громко захохотал, — ему тоже нужно было освободить себя от длительного, сдавившего его всего напряжения.

— А и верно, Дундич, стоило вас хорошенько отдубасить — особенно за ту папиросочку в подъезде...

. . . .

Хитрость Буденного удалась. Мамонтов и Шкуро, прочтя его письмо, переданное с таким неслыханным нахальством лично им в руки, пришли в неописуемую ярость. Чтобы так писать, да еще назначить день и час взятия Воронежа, нужна уверенность. Значит, она была у Буденного. Генералы потеряли чувство равновесия.

Его план поражения белой конницы строился на контратаке всеми своими сосредоточенными силами последовательно против трех колонн донских и кубанских дивизий, стремившихся окружить его. Они медлили с наступлением и ограничивались разведкой. Теперь он был уверен, что они бросятся на него очертя голову.

В ночь на девятнадцатое октября разведка донесла, что началось движение противника. Час кровавой битвы наступил. Семен Михайлович, сидевший со своими начдивами при свече над картой, сказал: «В час добрый» — и отдал приказ по дивизиям, по полкам, по эскадронам:

«По коням!»

Гиго ЦАГАРАЕВ

Перевел с осетинского В. Берестов.

Каменщик

Стену он ведет все выше,
На кирпич кладя кирпич.
Так, пройдя сквозь тучи,
Крыша
Может солнышка достичь.

Если б он все эти годы
Строил здание одно,
Верно, купол небосвода
Продырявило б оно.

Он бы мог до неба кладку
Дотянуть.
Но суть не в том.
Видишь рядом стройплощадку?
Надо строить новый дом!

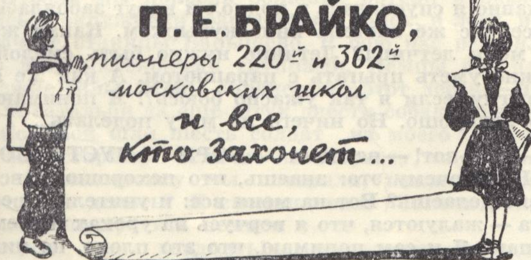
МОСКВА. ЮГО-ЗАПАДНЫЙ РАЙОН. В. Сигорский.

НА ЛЕНИНСКИХ ГОРАХ. В. Сигорский.

ВЕЧЕРОМ. Н. Кольчицкий.

Вы не забыли про наш клуб, ребята?..
Мы снова собрались в нем впервые в новом году.
На этот раз разговор зашел о том, кем быть.
Ребята делились своими мечтами и планами: один хотел стать врачом, другой — летчиком-испытателем, третий — океанографом...

КТО КЕМ БУДЕТ?

— А хорошо бы встретиться всем нам лет через десять! — сказал ВОЛОДЯ КУЗЬМИНСКИЙ.— Так ли оно выйдет, как мы мечтаем?

— Конечно, так! — крикнула ОЛЯ КУДРЯШЕВА.— Непременно выйдет, непременно.

— А у меня может ничего не выйти. Очень даже просто,— сказал ВИТЯ НОВИКОВ, который до этого говорил, что хочет стать инженером-электриком.— Не повезет — и все тут. Мне всегда не везет. Я давно заметил, что я какой-то «невезучий». Летом поеду в лагерь — обязательно дожди. Дожидаюсь трамвая — ни за что этот номер не придет сразу...

Или вот с уроками. Другой не выучит урока, так его и не вызовут. А меня — обязательно. Еще и так бывает: выучишь почти все, но совсем немножечко не прочитаешь... И ведь обязательно спросят, и вот именно этот кусочек!.. Вообще как не повезет, так не повезет. Вчера, например, сижу тихо, спокойно на немецком. А Колька как меня ущипнет! Ну, я, конечно, подскочил. А учительница сейчас же записала, что, мол, я прыгаю на уроке. А я не прыгал. Я же не виноват, что меня щиплют.

Ну, это все пустяки, конечно. А если говорить серьезней, мне и в более важном не везет. Колька, например: чего ему не заниматься? У него и комната отдельная и вообще в квартире тишина: муха пролетит, и то слышно. А у меня сестренка крикливая. Кричит, кричит, а что с ней поделаешь, если она маленькая? А мне в этой комнате уроки учить.

И потом... у Кольки дел других нет. Ему мама даже еду в комнату подает. А мне по хозяйству помогать приходится. И в магазин сходить и, ну, там еще... Мало ли на это времени идет?..

Вот я и думаю. В институт ведь как трудно поступать! И у меня, при моем счастье, может и не выйти. Подготовлюсь плохо или другое что... У иного, например, тетка — профессор. А у меня никаких таких теток нет. Понятно? Одним словом, неудачник, и все.

Тут поднялся ужасный шум. Ребята стали спорить, есть ли «везенье» и «невезенье», от чего зависит судьба человека. Тогда попросил слово наш взрослый гость, ПЕТР ЕВСЕЕВИЧ БРАЙКО — человек, который всю войну воевал в тылу врага и заслужил звание Героя Советского Союза.

— Вот говорили здесь о неудачниках,— сказал БРАЙКО.— По-вашему, удачлив такой человек, перед которым просто не возникает никаких серьезных препятствий. В таком случае я неудачник. И то, что вы услышите сейчас, это

РАССКАЗ НЕУДАЧНИКА

Когда-то и мне было столько же лет, сколько вам. Жил я на Украине, в Черниговской области. Родители мои были крестьяне. А мне с малых лет запала в голову мысль: буду военным. Военным, и никем больше.

В нескольких километрах от нас стояла дивизия и проводились военные учения. Я ходил за военными по пятам, наступал с ними и отступал... И это было для меня самой большой радостью, самым сильным впечатлением, решившим всю мою жизнь.

Отец умер, когда мне исполнилось четырнадцать лет, я учился в седьмом классе. У матери была маленькая сестренка на руках, мать ничем не могла мне помочь... А я не оставлял свою мечту стать военным. Я решил пробиваться самостоятельно.

Из семилетки в военное училище не принимали, нужно было закончить десять классов. И вот я ушел из деревни, поступил в техникум. Подрабатывал, бывало и голодновато и трудно. К тому же все, что проходили в техникуме, меня не так уж интересовало, но я учился стара-

тельно. Ведь техникум был для меня путем к самостоятельной жизни, а главное — к военному училищу. В первый же год я подал заявление в военную школу.

Вызывают на медицинскую комиссию. Человек я крепкий, сердце в порядке. Все было хорошо, пока дело не дошло до ростомера. Измерили, двух сантиметров росту не хватает. «Одевайтесь,— говорят,— и идите домой». Я заплакал и пошел. И в тот же день подал заявление в другую школу.

И опять мне приходится проходить комиссию. Да еще — а я и не подумал об этом — в том же самом военкомате. И, конечно, опять не хватает двух сантиметров.

Прошел год. За этот год я одолел стрелковое дело, даже стал старшим инструктором. Снова подаю заявление, прохожу комиссию. На этот раз не дотянул одного сантиметра. И вот этот самый недостающий сантиметр встает между мною и самым сильным, самым заветным моим желанием!

Я опять в другую школу. Там вышло еще хуже: поругался с врачом. Он поставил нас в ряд, подошел ко мне, обнял, и... я оказался у него ниже подмышек. Он скомандовал: «Шаг вперед!». Я понял, что сейчас он отправит меня домой. Тут я учинил скандал. Но врач взглянул на меня сверху вниз и скомандовал: «Вон отсюда!». И пришлось мне опять уйти ни с чем.

Пять раз проходил я медицинские комиссии, а одного сантиметра все не хватало, и никто меня слушать не хотел. Стоит передо мной, как стена, эта самая неустранимая физическая причина. Что тут будешь делать? Словом, как выходит по-вашему, был я самый что ни на есть неудачник?

И все-таки я не отступал. Я кончил техникум, начал работать и снова стал писать заявления. Писал в Верховный Совет, писал министру обороны, начальникам училищ. И представьте, все-таки добился своего: в 1938 году попал в училище и стал военным!

Вот мне и думается, ребята, что никакого такого «везенья» и «невезенья», «удач» и «неудач» не существует. Каждому из вас придется встретить немало самых разных препятствий. Чтобы преодолеть их, нужны упорство и целеустремленность. Если человек твердо идет к своей цели и все время бьет в одну точку, он непременно добьется своего.

Судьба наша в наших руках; от нас зависит, красиво или некрасиво мы пройдем свой жизненный путь. Потому что гладкий-то путь, он редко бывает красивым. Тетка — это, конечно, удобно, но только красоты в такой жизненной дороге мало. И потом, бывают в жизни такие переплеты, что никакая тетка не поможет. Нет, судьба не от теток зависит, а от своего собственного характера... Человек с характером добьется своего.

Тут поднялась с места школьница ТОНЯ ЕРЕМЕЕВА.

— А что делать, если хочешь одного, а характер совсем неподходящий? Вот я очень хочу стать летчицей, но боюсь, что не смогу, потому что

У МЕНЯ ТАКОЙ ХАРАКТЕР

— Понимаете, я всего боюсь. Боюсь спускаться по лестнице-стремянке, боюсь темной комнаты...

Говорит Петр Евсеевич Брайко.

И на лыжах хожу плохо. Как покачу с горы, непременно упаду: от страха ноги дрожат.

Конечно, это смешно и глупо, но что тут поделаешь?! Я все время твержу себе: «Нельзя бояться! Нельзя бояться!». И все равно боюсь. Вот недавно я спускалась в подпол и вдруг забоялась. И сейчас же слетела вниз кувырком. Какая же из меня летчица? Летчице нужно быть смелой, нужно уметь прыгать с парашютом. А как же я спрыгну, если я так ужасно боюсь?! Я понимаю, что нехорошо. Но ничего не могу поделать...

— Вот-вот! — вскочил БОРЯ ПУСТОДВОРОВ.— Почему это: знаешь, что нехорошо, а все равно делаешь? Вот на меня все: и учителя и ребята — жалуются, что я верчусь на уроках и всем мешаю. Я и сам понимаю, что это плохо, но ничего с собой поделать не могу, стараюсь, а не получается. Как бы сделать, чтобы получалось?

— Погодите, надо подумать...— сказал БРАЙКО.— Вот ты, Тоня, говоришь, что боишься. А ты знаешь, что страх испытывают все люди, иной раз и самые храбрые? Ты думаешь, что солдаты не боятся в первом бою? Боятся, но преодолевают страх. Потому и становятся храбрыми. Я тебе про себя скажу: в первом бою я так струсил, что даже вспомнить стыдно... А потом, в другом, в третьем сражении, попривык, перестал бояться.

И очень тут важно, о чем человек думает в страшную минуту. Если о том, что тебе сейчас плохо, что сейчас в тебя пуля попадет, тогда, конечно, струсишь. А солдату об этом думать некогда. Ему воевать надо.

Но знаешь, когда мы оказались в окружении, многим из нас, даже опытным воякам, стало страшно. Ведь одно дело, когда воюешь в кругу своих товарищей, когда над тобой стоят опытные командиры, когда за тобой есть тыл, откуда подвозят хлеб, сухари, снаряды... Но представьте себе, что ваш полк теряет соседа справа и соседа слева, и даже не полк, а взвод, отделение. Что

вы от всего отрезаны и не подвезут ни хлеба, ни патронов... Куда ни повернешься,— кругом одни враги: едут, ползут на танках, летят на самолетах... В такой обстановке бывало, что даже опытные воины, умеющие воевать, терялись... И случалось, что человек бросал оружие, прятался в кусты, ну и, конечно, попадал в лапы эсэсовцам. И везли его в Лейпциг или Штеттин изготовлять оружие против своих же братьев или погибать мучительной смертью, если он не согласится...

Какой человек оказывался тут храбрее всех? Тот, кто думал не о себе, а о своем деле. Вот именно мысль о деле помогала принять самое верное решение. Вот я вам, ребята, такой вопрос задам. Скажем, человек расстрелял в бою с врагом все патроны, последнюю пулю — себе. Хорошо это?

— Да,— сказали все ребята.— Это высшая храбрость!

— Нет,— ответил БРАЙКО.— Раньше я думал, как вы. Да и сейчас считаю, что для слабого человека, если он не рассчитывает на свои силы и, попав в плен, боится выдать товарищей, лучше всего умереть. Но для человека твердого, для храброго воина

В ЧЕМ ВЫСШАЯ ВОИНСКАЯ ДОБЛЕСТЬ?

Этот вопрос однажды мне надо было самому решать в начале войны. Помню, по приказу высшего командования мы отходили из-под Киева на новый оборонительный рубеж. Наш полк прикрывал отход главных сил и взрыв мостов на Днепре.

В боях мы понесли большие потери и оказались в окружении фашистских войск, в лесу, восточнее станицы Барышево. В бою нас рассеяло по лесу маленькими группами. Немцы бросили свежие силы, чтобы «прочесать» этот лесок,— целый батальон да еще штук двести собак-овчарок.

Со мной шли шесть солдат из моего взвода. Я был старшим если не по возрасту, то по рангу. Ориентировку мы потеряли, никаких карт нет. Что делать? Я скомандовал: «Залечь в кустах и подпустить немцев метров на двадцать!». План был такой: расстрелять все патроны по врагу, последний— в себя. Это мне казалось тогда единственным достойным выходом.

Сидим, ждем. Собачий лай все ближе. Вот они движутся... И вот что я тебе скажу, Тоня. Я уже бывал в боях и на многое насмотрелся. Но все же, когда поглядел на цепь фашистских солдат, медленно двигающихся на нас, увидел оскаленные собачьи морды, коленки у меня задрожали. Но на моей ответственности было шесть человек.

Больше всего хотелось дать команду: «Огонь!». Ведь легче стрелять, чем так сидеть... Тут мне вспомнилось... Под Киевом, когда мы оборону держали, мне попалась в руки книга — вы все ее хорошо знаете — «Как закалялась сталь». И запали мне в ум слова Павла Корчагина, что умереть всякий дурак сумеет, а остаться живым и победить врага может не каждый... Я подумал: как же мы обрадуем врагов, если сами застрелимся! А наших здесь, в этом лесу, несколько сот человек. Кто же будет бороться с врагом?

Я оглянулся: позади болото, камыш и непроходимая река Трубеж. Я подал знак. Мы поползли в болото, ушли поглубже в камыши и ждем. Фашисты, должно быть, что-то заметили и стали косить камыш из пулемета. Через каждые пять — десять минут приходилось уходить под воду. Так продолжалось до вечера. Двое наших были убиты. Но четверо все-таки остались в живых и всю войну провоевали. Мне кажется, мы тогда поступили верно. Не так ли?

Теперь возвратимся к вашим вопросам. Вот ты, Тоня, спускаешься за молоком и, наверно, думаешь не о том, что тебе нужно выполнить поручение как можно лучше: не разбить кувшин,— а только о том, что темно, правда? И когда через лес идешь, тоже... А представь себе, что тебе очень нужно успеть пробежать этот лес как можно скорее, что тебя ждет больной. Испугаешься ты леса? Я думаю, что ты не будешь тогда думать о своем страхе.

Вот ты еще про лыжи говорила... Скатись с горы несколько раз, упадешь — не беда. Трудно себя заставить? А ты представь себе, что от этого зависит самое важное — вся твоя жизнь. Ведь иначе ты никогда не станешь летчицей. Захочешь по-настоящему — и все получится.

Это и к тебе относится, Боря. Ты говоришь, что хочешь измениться и не можешь. А по-моему, ты просто недостаточно сильно хочешь. Нет в тебе настоящей настойчивости.

— Нет! Я настойчивый! — сказал Боря.— Уж если я решу куда-нибудь пойти, пусть даже мама не пускает, все равно пойду!

— Так это же не настойчивость, а упрямство! Упрямство ни ума, ни воли не требует. Оно ча-

Эту фотографию показал ребятам П. Е. Брайко. Партизанскому отряду, в котором он был, надо переправиться через реку. Командир соединения Ковпак осматривает в бинокль переправу. Впереди стоит Миша Семенистый.

сто бывает просто глупым и вредным... Я тебе говорю: возьми себя в руки по-настоящему, вот так, как люди брали на фронте...

— Так это же на фронте! Если бы я попал на фронт, я бы тоже...

— Ошибаешься. Если человек не выработает у себя воли и характера в обычных обстоятельствах, он и на войне будет никудышным солдатом. Волю, так же как и храбрость, нужно воспитывать постепенно и на самых обычных вещах. Здесь, как и во всем, нужна тренировка.

И есть в этом, в преодолении себя, большая радость. Я думаю, она обязательно есть у альпинистов. Вот взошел на самый высокий пик. Очень было трудно. Казалось раньше, что это даже невозможно. А ты сделал себя сильнее самого себя. Ты не отступил. И радуешься: все, оказывается, может человек, если захочет.

И у каждого человека есть свои пики. Одолевать их — большое счастье. Докажите, что есть у вас настоящий, стойкий характер...

— Ну, откуда же он у нас будет? Вы ведь здесь все про взрослых рассказывали...

— Так...—помедлил с ответом БРАЙКО,—а Мише Семенистому, когда мы с ним встретились, только что исполнилось тринадцать. А какой был характер!

НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА

Было это в партизанском соединении, которым командовали дважды Герой Советского Союза Ковпак и Герой Советского Союза Руднев. Мы только что разгромили крупный фашистский гарнизон и захватили город Путивль. Гитлеровское командование подбросило крупные силы, и мы с боями уходили в Брянские леса. Однажды на дневке к нам в лес прибежал мальчик — худенький, щуплый. Подходит ко мне и спрашивает:

«Где тут начальник, который принимает в отряд?»

«Зачем тебе?»

«Хочу вступить в отряд».

«А сколько же это тебе лет?»

«Пятнадцать».

«Ну, а если по совести?..»

Помолчал...

«Четырнадцатый год...»

Я потом узнал, что ему тогда только десять дней за тринадцать лет перевалило.

Долго мы друг друга убеждали. Он требовал, чтобы я его взял, а я отказывался. Наконец он ушел, сказав: «А я все равно к вам приду!» Я, конечно, тут же забыл про эти слова.

Солнце закатилось. Мы двинулись на следующий марш. Ночью были две перестрелки, столкновение с немцами... Пятьдесят километров за ночь прошли.

Только расположились, вдруг вижу — бежит вчерашний малыш, босой, без сапог. Оказывается, мать, не желая его отпускать, попрекнула, что на нем новые сапоги... Тогда он снял сапоги, оставил их и пятьдесят километров босиком, да еще и под огнем за нами бежал.

Вот это характер! У кого из вас хватило бы духу прогнать Мишу?.. Так мы и оставили его в отряде, и он оказался замечательным разведчиком. В первом же боевом задании он показал и находчивость и умение.

Это случилось недели две спустя. Нам нужно было разведать три гарнизона. Миша буквально плакал: «Я всюду пройду. Я маленький, на меня внимания не обратят». Мы подумали-подумали и решили его послать. Я предупредил, что разведчик ничего не должен записывать, только запоминать.

Ушел Миша.

Он должен был вернуться в восемнадцать часов. Но вот уже девятнадцать десять, а его нет. Мы начали волноваться. Вдруг смотрю, бежит мой Миша, очень взволнованный, но веселый.

«Ваше задание выполнил!»

«А почему задержался?»

«На поле работали полицейские, а я пережидал...»

Я ничего не заподозрил и говорю:

«Докладывай!»

И вот вместо доклада он вытаскивает из-за пазухи тетрадь. Там записано все: весь план обороны, все пулеметы, все пушки. Отругал я его за это, но прямо скажу: записано было толково.

Через день мы разгромили эти гарнизоны полностью, захватили много пленных, в том числе нескольких полицейских. Один из них и рассказал нам, как на самом деле происходило дело.

Оказывается, Миша не прятался от полицейских. Выполнив задание, он возвращался в отряд. Шел полем, на котором какие-то мужчины убирали рожь. Это были местные полицейские. Винтовки свои они оставили под копнами. Поэтому Миша шел, ничего не подозревая. А один из полицейских был из Мишиной деревни. Он узнал Мишу, схватил его, но тот укусил его за палец.

Это фотография юных разведчиков, о которых рассказывает тов. Брайко: справа — Миша Семенистый, слева — его закадычный друг Валя Николаев.

Полицейский выпустил Мишу, бросился за оружием, а Миша побежал к лесу. Полицейские за ним. Миша выхватил пистолет и в упор одного за другим застрелил четырех полицейских.

Понимаете, как он провел первую свою операцию! Здесь не только смелость, но и догадка, умение решать задачу.

Вы говорите, вы маленькие. А вот, скажем, Володя Шишов из Путивля, первый наш разведчик... Какой был парень! Он спас только что организовавшийся небольшой отряд от разгрома в ноябре 1941 года. Немцы собирались бросить на семьдесят наших партизан около трех тысяч солдат с танками. И если бы Володя не предупредил командование, что нападение готовится на такой-то день, отряд был бы уничтожен.

Но я хочу рассказать о другом.

Помню, зашли мы в село. Один из только что пришедших к нам в отряд партизан — совсем новый для нас человек — заходит в дом и, не спрашивая хозяйки, берет со стола крынку молока. Это увидел Володя Шишов. Недолго думая, он снимает карабин с плеча.

«Стой!»

Новичку — сорок лет, а Володе — четырнадцать.

«Убью! Отнеси молоко назад!» — кричит четырнадцатилетний.

И взрослый несет молоко обратно.

«Поставь на место!»

Тот поставил.

«Извинись!»

Тот извиняется.

Вот видите, какой сложившийся характер может быть и у ваших сверстников... Есть вопросы?.. Мне хочется знать, что скажут девочки из 362-й школы.

— Вопросы есть,— сказала **ЛАРА ШУРУБУРИНА**.— Что делать, если у человека уже сложился характер, но характер плохой, можно его изменить?

МНЕ ВСЕ НАДОЕДАЕТ

Я все очень быстро бросаю. Занималась гимнастикой; сначала она мне нравилась, а потом стало скучно, и я бросила. Училась играть на домбре. Очень увлекалась. А потом тоже надоело... Вот Найду только не надоело дрессировать. Но я все время на нее кричу, а потом мне становится ее жалко. Найда очень меня любит, ни от кого больше еды не берет. А я как начну с ней заниматься, непременно разозлюсь и кричу. Можно ли такой характер перевоспитать?

— А что делать, если человек от рождения такой?

— Каждый характер можно перевоспитать,— сказала **ЛЕНА ТЮРИНА**.

— Нет, не каждый! — возразила **ТАМАРА ДАВИДОВИЧ**.— Вот и мама говорит, что бывают такие черты—врожденные. Скажем, похож человек характером на папу или даже на деда. Что ж ему делать? Если человек от рождения такой, его никак не изменишь!

Тамара затронула интересный вопрос. Но не отложить ли нам его на следующий раз? Пусть выскажется побольше ребят. Пишите, что думаете вы об этом. Какие у вас есть вопросы о характере? С кем из выступавших сегодня членов клуба вы согласны, с кем хотите поспорить?

Пишите нам в редакцию. Принимайте участие в споре, ведь это ваш клуб.

— Как начну с Найдой заниматься, непременно разозлюсь и кричу.

Колька с нашего двора

Владимир ФАЙНБЕРГ

Рисунки А. Каневского.

Я папиросу в зубы взял,
а он зажег мне спички.
Я знал, что вредно, что нельзя.
Тошнило с непривычки.
Но Колька с нашего двора
вдруг крикнул что есть сил:
— Глядите, пацаны! Ура!
Володька закурил!
А я ведь выбросить хотел.
Я думал, просто проба.
Но двор весь на меня глядел,
тут выбросишь, попробуй...
И, сделав гордое лицо,
пошел я, дым пуская...
Вы скажете: в конце концов
трагедия какая...

А я с тех пор привык во рту
держать табак в бумажке
и зажигать бумажку ту,
производить затяжки.
Иду по улице — курю,
курю, когда я дома,
когда читаю, говорю,
курю, зайдя к знакомым.
Я был у доктора в четверг.
И он сказал мне так:
— Что ж, дорогой мой человек,
дела у вас — табак...

Ведь с легкими совсем беда,
прокурены они.
Курить не бросите — тогда
сочтите ваши дни.
Зачем привыкли вы во рту
держать табак в бумажке
и зажигать бумажку ту,
производить затяжки?
— Ну что ж,— ответил я,— пора
бросать и впрямь.— И бросил.
И написал стихи вчера
о Кольке с нашего двора
и первой папиросе.

О пожарных, больших и маленьких

Юрий СОТНИК

Павильон юных пожарных в Харьковском парке культуры и отдыха имени Горького.

Еле переводя дух, маленький черноглазый Толя Пассерман вбежал во двор.

— Новость! Эй, слышите, новость!

Витя Тимошенко и Толя Явец молча уставились на него. Пассерман передохнул немного и выпалил:

— В парке культуры пожарную дружину организовывают! Детскую! Настоящая машина будет! И каланча! И каски настоящие! Бежим записываться!

В Харьковском парке культуры и отдыха имени Горького шло строительство павильона юных пожарных. Строили его своими силами бойцы пожарных частей. Человек тридцать школьников, уже прослышавших о будущей дружине, помогали строителям, подтаскивали кирпичи, доски и бревна, месили цемент.

Строительство подвигалось быстро. Не прошло и месяца, как павильон с пожарной каланчой, караульным помещением и гаражом был готов. В гараже, поблескивая красной краской, стояла маленькая пожарная машина с полным комплектом оборудования, специально изготовленного по росту ребят. В караульном помещении висели маленькие брезентовые костюмы и металлические каски — боевая одежда юных пожарных. В специальной комнате стоял телефонный коммутатор, а от него шли провода к аппаратам, установленным в гараже и на каланче.

В дружину уже записалось много ребят. Новички спрашивали инструктора Турчанинова:

— Скажите, а мы настоящие пожары тушить будем?

— Если что-нибудь в парке у нас под боком загорится, конечно, не станем сидеть сложа руки. Но вообще тушение пожаров у нас программой не предусмотрено.

— У-у!.. Так зачем же тогда организовали дружину?

— Чтобы познакомить вас с пожарным делом, чтобы помочь вам выработать в себе ловкость, смелость, решительность.

— Да что же тут знакомиться с пожарным делом? — удивлялись некоторые.— Лей воду — и все!

Услышав такой разговор, Толя Пассерман обычно вмешивался:

— Погоди! Начнутся занятия, тогда узнаешь, как это «просто» лить воду.— Отец Пассермана — пожарный, и Толя много слышал об этой трудной и опасной профессии.

— Как, по-вашему, когда надо начинать борьбу с пожаром? — спросил у ребят инструктор.

Все очень удивились такому вопросу.

— Ну, конечно, тогда, когда что-нибудь загорится.

— Вот и ошибаетесь, друзья! Борьба с пожаром начинается гораздо раньше. Потушить пожар — дело хорошее, но сделать так, чтобы тысячи пожаров, которые могли бы возникнуть, так и не возникли, еще луч-

Толя Пассерман, когда он был дружинником.

ше. Этим занята у нас в стране целая армия специальных работников — инспекторов пожарной охраны. Вы их редко замечаете: на них нет ни касок, ни боевой брезентовой одежды. Но если бы они не вели повседневно своей кропотливой работы, пожаров было бы у нас так много, что, пожалуй, выгорели бы целые города.

Уголек, упавший из печки на пол, печные трубы, вплотную примыкающие к деревянным перегородкам, неправильно сделанная электропроводка и десятки других «мелочей» могут вызвать пожар. Учесть все эти «мелочи», разработать целую систему противопожарных правил для строителей и следить, чтобы они строго соблюдались,— обязанность работников пожарной охраны.

Здание еще не построено, оно еще существует лишь в виде чертежей на бумаге, а пожарные уже отстаивают его от огня: они не разрешают приступать к строительству, если обнаружат в проекте хоть малейшее нарушение противопожарных правил.

Не только строящиеся дома, но и все здания, уже построенные, а также все фабрики и заводы, все предприятия и учреждения находятся под наблюдением пожарных. А каждое производство имеет свои особенности, свои опасные в пожарном отношении стороны. О том, как сложна работа инспектора, судить можно хотя бы по таким примерам.

Мало кто из вас знает, что обыкновенная мучная пыль на мельнице может взорваться. А инспектор обязан это знать. Сухие пылинки, со всех сторон окруженные кислородом воздуха, сгорают с такой быстротой, что получается взрыв. И не только мука взрывается. Так ведут себя многие распыленные в воздухе порошки. Однажды был случай, когда на парфюмерной фабрике взорвался мыльный порошок для бритья.

Пожарный инспектор должен знать, что целлулоид (например, кинопленка) может загореться и без огня. Когда листовой целлулоид наматывают на рулоны или сматывают с них, от трения он может наэлектризоваться, подобно дискам электрофорной машины. Где-нибудь проскочит искра... А к чему это приведет, вы и сами догадаетесь...

Сотни подобных тонкостей должен предусмотреть пожарный инспектор, оберегающий от огня наши заводы, фабрики и города.

И все же пожары бывают у нас довольно часто и приводят к большим потерям. Почему? Да потому, что никакой инспектор не в состоянии уследить за легкомысленным курильщиком, который бросает где попало непогашенные окурки, за невыключенными утюгами и плитками, за ребятами, шалящими со спичками. Вот тут-то на помощь нашим инспекторам должны прийти вы, юные пожарные. Если вы сами научитесь предупреждать пожары, а потом научите этому ваших товарищей по школе, соседей по дому, то, значит, наша дружина была организована не зря.

Как-то раз, когда шофер вывел машину из гаража, инструктор подозвал к себе одного из ребят.

— Ты, Вова, кажется, говорил, что пожарное дело очень простое, что его и изучать нечего: лей, мол, воду — и все! Так вот: представь себе, что наш павильон горит, а в твоем распоряжении эта машина. Давай действуй!

Вова стоял, не шевелясь.

— Ну, действуй же скорей, ведь павильон-то сгорит. Проводи рукавную линию, пускай насос, «лей воду», одним словом.

Вова подошел чуть поближе к машине, посмотрел на путаницу кранов, труб, рычагов, но «действовать» так и не решился.

Не так-то просто оказалось «лить воду». Овладевая этим искусством, ребятам пришлось немало попыхтеть.

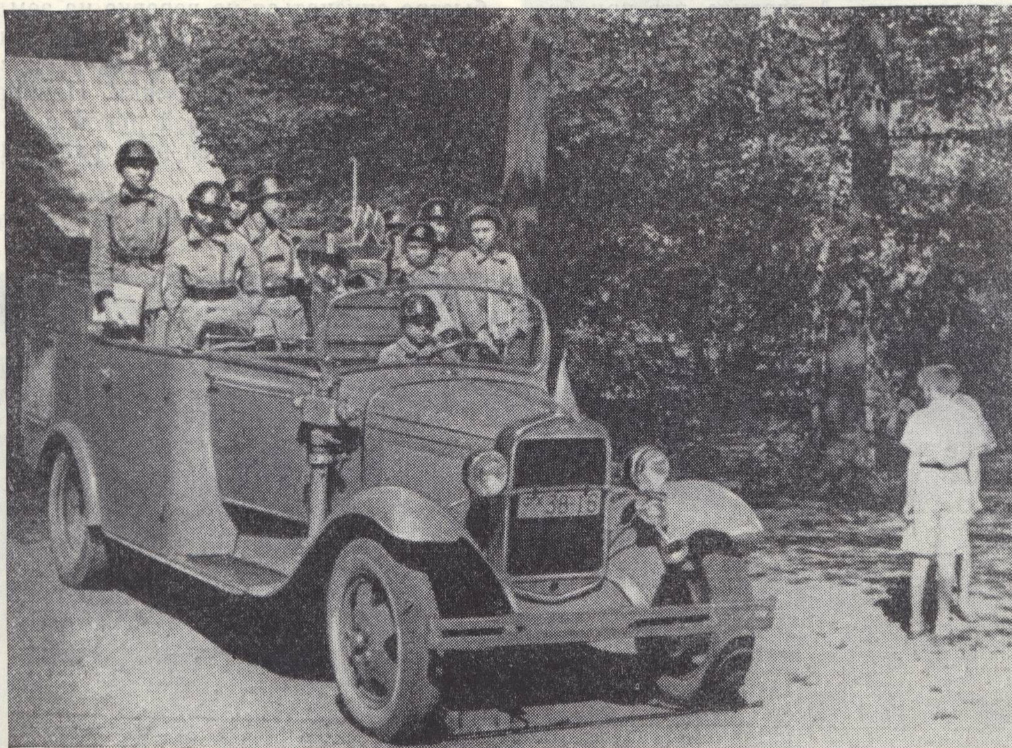
Прежде всего они познакомились со своей машиной. Она называлась автоцистерной в отличие от машин другого типа — автонасосов. Инструктор объяснил ребятам, что автонасос может работать только там, где есть какой-нибудь источник воды: речка, пруд или пожарный колодец. Автоцистерна же, когда это бывает нужно, работает и не подключаясь к водоисточнику — она возит запас воды с собой.

Каждый знает, что пожарные не ведрами льют воду в огонь, а пользуются для этого брезентовым рукавом с металлическим наконечником-стволом. Иногда, если машина не может подойти близко к пожару, рукавную линию приходится тянуть за сотни метров от машины, да еще с таким расчетом, чтобы подать на пожар не одну, а две или три струи воды. Быстро проложить эту брезентовую водопроводную сеть — значит вовремя захватить пожар, не дать огню наделать бед. Но это не дается без упорной тренировки. Первые занятия по «боевому развертыванию» принесли ребятам немало огорчений.

Группа пожарных, едущих на одной машине, называется отделением или боевым расчетом машины. На такие отделения были разбиты и ребята.

Каждый член боевого расчета имеет свой номер, каждый «номер» точно знает обязанности, которые он должен выполнять. Ребята давно уже изучили устройство рукавной линии и частей, из которых она состоит: стендера — большого крана, с помощью которого машина подключается к пожарному колодцу, комплекта рукавов «разветвления» — устройства, позволяющего соединять магистральный рукав со шлангами, идущими к стволам. Все знают ребята, и все им удавалось правильно соединить, когда они это делали не спеша.

Но вот тревога! Проехав немного по аллеям парка, расчет прибывает к месту условного «пожара». Командир отделения дает приказание начать «боевое развертывание». Теперь от дружинников требуется предельная быстрота. Тут-то и начинаются все неприятности! Вот два юных пожарных ухватились за тяжелый стендер... Через секунду один из них уже прыгает, поджав ушибленную ногу. Полугайки, которыми рукава соединяются между собой, почему-то не смыкаются, хотя для этого надо сделать два простых движения кистями рук... То же самое происходит и со стволами, когда их начинают присоединять к рукавам...

Юные пожарные едут на учение.

Наконец линия собрана. Ствольщики Толя Пассерман и Толя Явец держат наготове стволы. Подали воду. Рукав извивается, словно внезапно оживший удав, ствол сам собой поворачивается в руках у ребят, и струя воды хлещет в подвернувшегося дружинника. И это при том небольшом давлении, с каким качает воду насос детской автоцистерны!

Взрослым пожарным, чтобы струя била дальше, приходится пользоваться очень большими давлениями воды, и ствол в таком случае, подобно ракете, рвется в сторону, противоположную той, куда направлена струя. Эта сила отдачи так велика, что при давлении свыше пяти атмосфер один человек уже не в силах справиться со стволом, и на помощь ствольщику ставят второго пожарного —подствольщика. А если давление достигает семи — восьми атмосфер, тогда и вдвоем не управиться, нужен еще один подствольщик. Если ствол вырвется из рук, он начинает метаться с такой силой, что может убить человека.

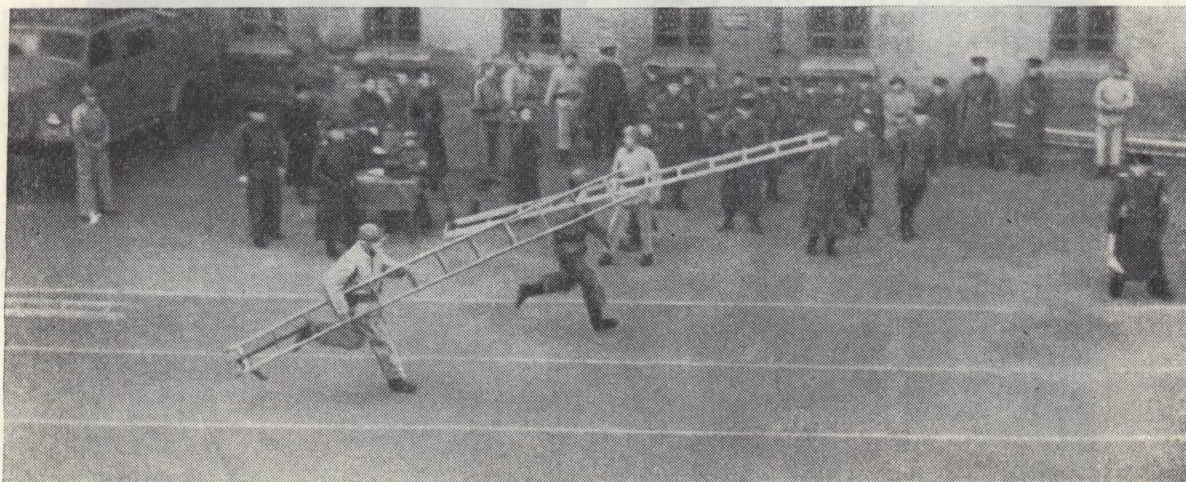
От занятия к занятию преодолевали ребята свою неловкость. Упорной тренировкой, множество раз проделывая одну и ту же работу, они добивались такой легкости в ее выполнении, когда руки сами собой делают нужные движения, когда ни секунды не надо раздумывать над тем, что к чему приложить, что куда повернуть. А главное, что приобрели ребята,— это собранность, умение не теряться, умение даже в самой отчаянной спешке сохранять ясную голову. Эти качества нужны не только пожарным, а решительно всем.

Но чтобы стать хорошим пожарным, надо уметь не просто работать, а работать в очень трудных, подчас опасных условиях. Пожарному нужны не только знания и сноровка хорошего рабочего, но и бесстрашие и ловкость акробата.

Бывают случаи, когда пожарный должен спасти людей, отрезанных огнем от выхода из квартиры, спустить их на веревке с верхнего этажа. Чтобы уметь это делать, ребята учатся вязать специальные узлы и петли, с помощью которых даже потерявшего сознание человека можно безопасно спустить вниз.

Бывает и так, что пожарному самому приходится пользоваться веревкой, чтобы спасти свою жизнь. Тут ему очень помогают верные друзья пожарного — его пояс с карабином. Маленькие карабины вы все, наверное, видали: с их помощью поводок пристегивается к ошейнику собаки. Карабин, висящий на прочном поясе пожарного, значительно больше. Этим карабином пожарный может зацепиться за перекладину лестницы, за металлическую конструкцию здания и работать на большой высоте, имея обе руки свободными. Карабин же позволяет пожарному быстро спускаться по веревке на землю. Делается это так: в карабин продевается веревка и спирально в несколько витков обматывается вокруг его дужки. Начиная спускаться, пожарный левой рукой в брезентовой рукавице держится за верхний, натяну-

Соревнования курсантов со штурмовыми лестницами. Надо пробежать со «штурмовкой» тридцать метров...

тый конец веревки, а в правой руке у него свободный конец. Стоит натянуть этот конец, веревочная спираль плотно сжимает карабин, и человек неподвижно повисает в воздухе. Ослабил натяжение свободного конца — и начинаешь плавно скользить вниз. Еще больше ослабил — и скольжение ускоряется.

Когда в дружине изучают этот прием самоспасения, совсем умолкают недовольные голоса тех, кто пришел в дружину, «чтобы проверить свою храбрость». Конечно, ребят не сразу заставляют спускаться с большой высоты, и, конечно, чтобы они не сорвались, их страхуют второй веревкой, да к тому же и под каланчой устроена «подушка», смягчающая удары в случае падения. И все же многие ребята имеют, как говорится, «бледный вид», впервые покидая подоконник третьего этажа.

Но есть у дружинников упражнение, еще более сложное. Представьте себе, что вход на верхний этаж отрезан огнем, а достаточно длинной выдвижной лестницы у пожарных нет. Оказывается, пожарные могут добраться до окна любого этажа с помощью лесенки, которую легко несет один человек. Называется она штурмовой лестницей. К верхней перекладине ее прикреплен длинный зубчатый крюк.

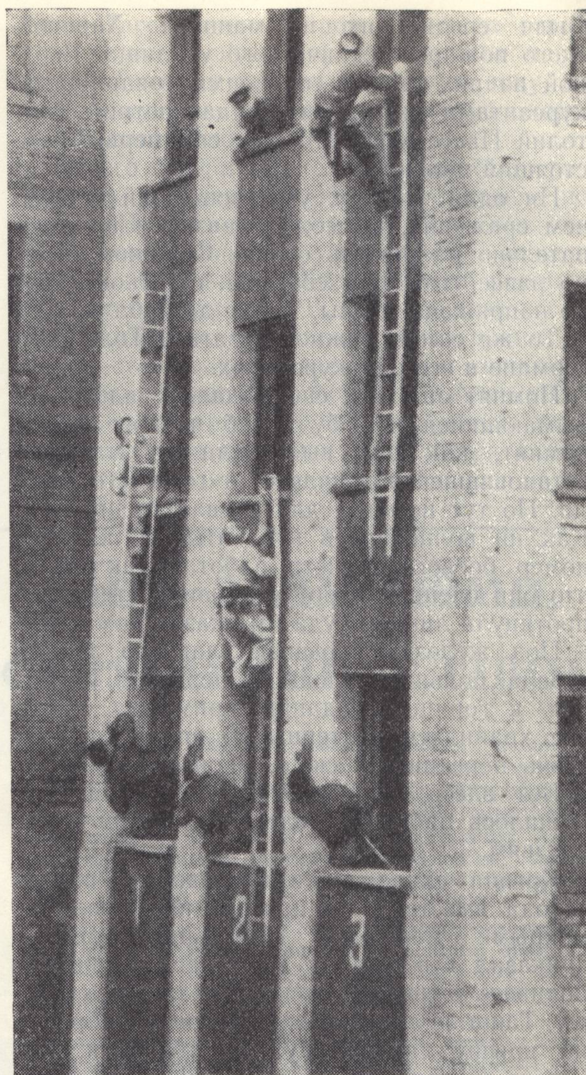
В парке стон стоял, когда посетители детского городка смотрели соревнования юных пожарных по подъему со штурмовыми лестницами.

В каждом «забеге» соревновались три противника. Вот они бегут с лестницами от старта к каланче. Вот забросили лестницы так, что крюки впились своими зубьями в подоконники второго этажа. Вот самый ловкий из этой тройки уже забрался на второй этаж, сел верхом на подоконник, плотно обхватив его ногами, изогнулся, подтянул лестницу к себе и забросил крюк на подоконник третьего этажа. Еще секунда — и он снова карабкается вверх.

Взрослому пожарному, чтобы пробежать со штурмовой лестницей тридцать метров до здания и вскарабкаться с ее помощью на подоконник четвертого этажа, надо двадцать — двадцать пять секунд.

Все, о чем я здесь рассказал, началось в 1950 году. Дружина в парке до сих пор работает каждое лето, но, конечно, ребят, поступивших тогда в нее, вы среди юных пожарных уже не найдете.

Но подождите огорчаться! Вот послушайте, что произошло в марте прошлого года.

...и подняться по ней на четвертый этаж. Всесоюзный рекорд тут — семнадцать и три десятых секунды.

В кабинете директора ликеро-водочного завода стал протекать потолок. На чердак послали слесаря. Там, в темном уголке, он обнаружил неисправный водопроводный вентиль, светя себе спичками, быстро починил его и ушел.

Был обеденный перерыв. Никто вовремя не заметил начавшегося пожара. Когда же спохватились, на чердак уже невозможно было войти.

Директор набрал по телефону «01» — и через минуту к заводу мчались машины сразу из нескольких пожарных частей.

Были среди них и машины Харьковского пожарно-технического училища. В одной из них вместе со своими товарищами-курсантами ехал восемнадцатилетний Анатолий Пассерман. Это был его первый настоящий пожар.

Ни один человек, участвовавший в горячем сражении, не может связно и последовательно рассказать о нем. Слишком быстро развертываются события, слишком сильно напряжены нервы. Тут не до наблюдений.

То же самое можно сказать о Толе Пассермане и его однокурсниках.

Помнят они, как еще издали увидели подымающийся к небу столб черного дыма, помнят, как они выскочили из машины, остановившейся недалеко от горящего завода. Но тут помогла длительная тренировка. Как ни волновались курсанты, но каждый номер боевого расчета работал так четко, что они очень быстро установили стендер и протянули линию, куда им указал командир.

Под железной крышей главного здания горела большая площадь чердака. Вплотную к горящему зданию примыкал склад, где хранились цистерны со спиртом. Если огонь перекинется сюда, произойдет взрыв.

Вот здесь, со стороны этого склада, и пришлось работать Толе Пассерману и его друзьям.

Крыша склада уже нагрелась. Рабочие завода вместе с пожарными накрывали ее мокрыми мешками. Начальник караула приказал ствольщику Вячеславу Фомичеву поливать водой эти мешки, охлаждать крышу. Таща за собой рукав, Фомичев забрался на крышу склада. Тут он убедился, как опасна может быть даже маленькая оплошность. Поднявшись на крышу, он должен был закрепить на ней свисающий шланг так называемой задержкой. Вячеслав это сделать забыл. Как только в рукав подали воду, он стал раз в десять тяжелей и так потянул Вячеслава вниз, что тот еле удержался на крыше.

Толя и другие курсанты поднялись со склада на крышу главного здания, протянув туда рукав со вторым стволом. Вот здесь-то курсанты впервые как следует почувствовали, что значит быть пожарным.

Внизу, под листами железа, шумел огонь. С нагретой крыши сползали пласты таявшего снега. Крыша представляла собой раскисший наклонный каток — не только ходить, но стоять здесь было опасно. Густой дым не давал возможности войти на чердак. Когда же Саша Глазков направил в слуховое окно струю воды, дым повалил оттуда с утроенной силой. Кашляющего Глазкова сменил другой курсант. Когда тот начал задыхаться, ствол взял в руки Толя Пассерман.

Анатолий Пассерман — курсант Харьковского пожарно-технического училища.

Пока ствольщики лили воду, другие курсанты разбирали крышу, чтобы дать выход дыму. Вот несколько листов железа сорвано. Из бреши вырвались клубы густого дыма, и ветер понес их на Виктора Дорошенко, стоявшего на самом углу крыши. До сих пор вспоминает Виктор эти минуты: «Дым такой густой, что даже рук не видно. В горле першит. Голова кружится. Под ногами на покатой крыше мокрый, скользкий снег, а в нескольких десятках сантиметров — пропасть».

Я рассказываю только о курсантах, но, помимо них, десятки бойцов из других частей вели наступление на пожар. Крыша была вскрыта в нескольких местах. Дым стал реже. Один за другим стали проникать на чердак ствольщики... Шесть часов боролись люди с огнем. Внутри — жар и дым, снаружи — мороз, на котором быстро обледеневает залитая водой одежда. Вода на чердаке стояла чуть не по колено, когда с огнем было покончено.

Покончено? А вдруг он где-нибудь затаился? Пожарные долго не уходили, осматривали каждую щелочку.

Вот начальник караула лейтенант Лешкин и курсанты Виктор Дорошенко и Роберт Балоян заметили длинный вентиляционный короб, тянущийся под скатом крыши. А нет ли там огня? Короб вскрыли. Виктор полез в него. Так и есть! В дальнем конце короба огонь! Виктор крикнул, чтобы ему подали ствол. Чтобы передать ствол товарищу, в короб забрался Роберт. Они лежали один за другим в узкой трубе, где трудно повернуться. Подали воду. Виктор направил ее на огонь, и через несколько секунд оба курсанта почувствовали, что задыхаются от хлынувшего на них дыма. Виктор рванулся назад, но двигаться ему было некуда. Роберт застрял у выхода из короба. Наконец полузадохнувшиеся, они выбрались оттуда. Тогда Толя Пассерман с бойцом одной из городских команд вскрыл короб в другом месте. Затем Толя лег ничком в ледяную воду, покрывавшую пол чердака, и, просунув в короб ствол, загасил огонь.

Нечего говорить о том, сколько было разговоров у курсантов об этом большом пожаре! И нечего говорить о том, как они были горды, когда в училище был зачитан приказ начальника Харьковского управления внутренних дел! В этом приказе в списке пожарных, отличившихся во время пожара, стояли имена курсантов и сержантов училища: Вячеслава Фомичева, Александра Глазкова, Отария Чебукиани, Алексея Киселева, Роберта Балояна, Александра Белоусова и Анатолия Пассермана.

Под знаменами, овеянными славой

Эти ребята учатся в разных классах и даже в разных школах, но их всех объединяет одно общее дело: они тимуровцы. Люда Митрофанова (первая слева) — председатель штаба тимуровцев 50-й школы. Двадцать пять тимуровцев из ее дружины взялись помогать дворникам, следят за чистотой во дворах, выставляют пионерские патрули по улицам.

В 214-й школе семнадцать тимуровских команд по пять — шесть человек. И у каждой свои хорошие дела. Но команды Раи Павловой, Люси Кондратьевой и Люси Башмаковой (стоят рядом с Людой) признаны лучшими в школе.

Семиклассница Наташа Акимова (третья справа) рассказала у себя в классе об интернате слепых, который находится недалеко от их 362-й школы. И ребята вот уже второй год аккуратно через день, через два приходят к больным слепым людям, помогают им навести порядок в комнате, читают книги, газеты.

Два друга, Володя Стукалов и Володя Платонов, вместе учатся в 6-м «Б» классе 283-й школы и живут рядом. В классе долго никто не знал, что эти мальчики взяли на себя заботу о больной одинокой женщине — соседке Стукаловых. Каждый день принесут ей воды, купят продукты, в субботу вымоют полы.

Настоящие тимуровцы не ходят без дела, не спрашивают тоскливо у всех: «Ну что бы такое сделать? Какое дело придумать?» Ведь на то они и тимуровцы, чтобы всегда оказаться там, где больше всего нужны их умелые, работящие руки.

На городском слете пионеров лучшие тимуровцы Москвы были сфотографированы у знамен. Одно из этих знамен развевалось на баррикадах 1917 года, с ним рабочие Бауманского района Москвы боролись за Советскую власть, другое — победное знамя воинской части, которая одной из первых в 1945 году вошла в Берлин.

Высокая честь — быть сфотографированным у таких знамен!

Лучшие тимуровцы города Москвы.

СЧЕТ № 58596

Это необыкновенный счет. Такого счета никогда не видели служащие Государственного банка: деньги на него присылают мальчики и девочки в красных галстуках со всех концов Украины.

Пионерские звенья, отряды, дружины собирают металлический лом, старую бумагу, аптечные склянки, флаконы от духов. Ребята зарабатывают трудодни в колхозах — на прополке, на сенокосе, на уборке, они устраивают субботники. И каждый заработанный трудом рубль, каждый десяток и сотню рублей отправляют на текущий счет № 58596. На эти деньги школьники Украины хотят поставить памятники пионерам-героям.

И вот недавно в специально назначенный день пионеры в различных городах и селах торжественно, со знаменами, вышли, чтобы заложить памятники своим погибшим товарищам-героям.

Кто же они, эти герои? Какими подвигами заслужили вечную славу?

Давайте совершим, хотя бы в мыслях, путешествие по тем местам, где золотом на мраморе сияют их имена.

Село Шумск, Тернопольской области. Здесь жил Вася Шишковский. Васю в селе знали все. Это он осенью 1943 года вместе со своей старой бабушкой спрятал от фашистов, рискуя жизнью, раненого партизана. Он скрывал его у себя в сарае, пока у партизана не зажили раны, и тогда помог ему переправиться в лес, к своим.

Это в дом к Васе глухой, темной ночью пришли разведчики Советской Армии, и Вася показал им, как расположились в селе фашисты, где у них огневые точки, где сторожевые посты. Наутро советские части заняли село. Фашисты и их пособники бандиты-бендеровцы разбежались по окрестным лесам.

В освобожденном Шумске открылась школа. Вася и его сверстники стали учиться, первыми в районе организовали пионерский отряд. Много полезных дел сделали эти ребята.

Бандиты, которые все еще скрывались в лесах, в своей ненависти к коммунистам и ко всем, кто за Советскую власть, стали грозить Васе. Ему подбрасывали записки с угрозами, его пугали жестокой расправой, если он не снимет красный галстук и других ребят не уговорит сделать то же. Вася ответил бандитам. Он выступил на митинге в своем селе в день 27-й годовщины Октября и сказал, что врагам не запугать пионеров.

Бендеровцы подстерегли и убили Васю. Но правду сказал Вася. Узнав о его гибели, тысячи ребят вступили в ряды юных ленинцев.

Город Николаев. Здесь жили Витя Хоменко и Шура Кобер. В годы фашистской оккупации Витя и Шура по заданию подпольной организации отправились в далекий и опасный путь — из Николаева в Москву. В бамбуковой тросточке они несли важное секретное донесение...

Ребята сумели перейти линию фронта и добраться до Москвы. А выполнив задание, они вернулись в свой город и продолжали борьбу с врагом. Гитлеровцы выследили смелых подпольщиков, схватили их и повесили, думая запугать этой казнью советских людей.

Город Феодосия. Здесь жил юный разведчик Витя Коробков. Город Шепетовка. Здесь жил отважный партизан пионер Валя Котик.

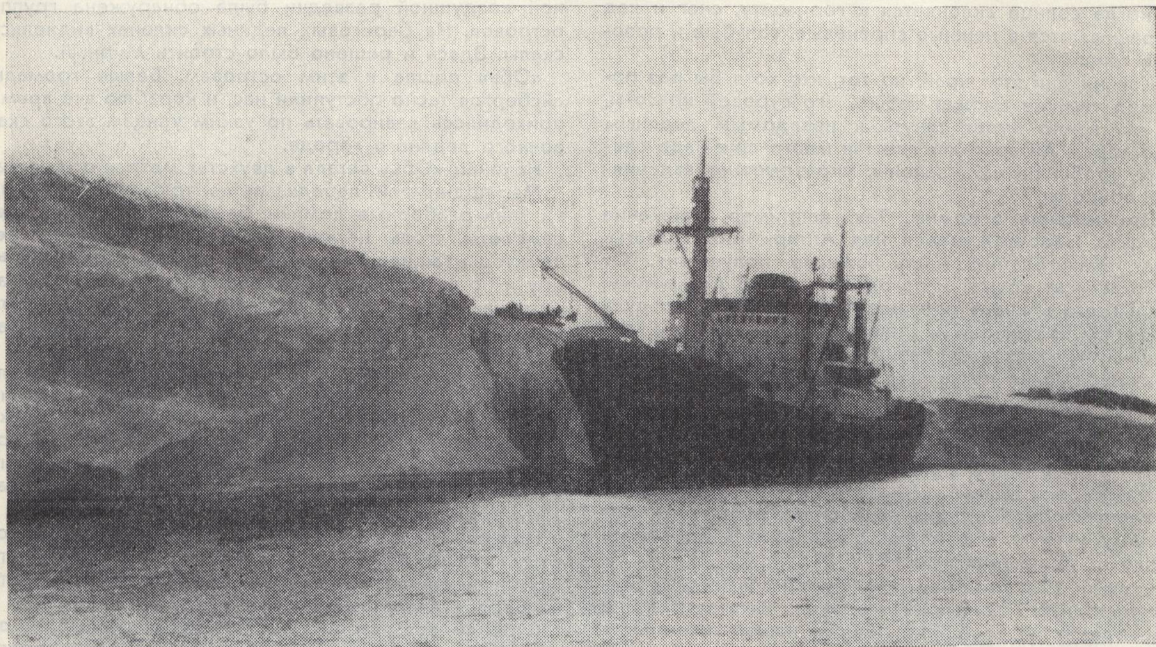
Город Лубны. Здесь жили и боролись с фашистами Боря Гайдай, Ваня Сацкий, Толя Буценко.

И везде, по всей Украине: в Николаеве, Феодосии, Шепетовке, Шумске, Лубнах,— в торжественный день закладки памятников склонялись алые пионерские знамена.

Так чтит пионерия юных героев, отдавших жизнь за Родину, за коммунизм.

Здесь, в селе Шумске, будет сооружен памятник пионеру Васе Шишковскому.

Дизель-электроход «Лена» у ледяного барьера в районе Мирного.

МАТЕРИК ТАЙН

А. ГУСЕВ,
начальник первой зимовки
на станции Пионерская.

Далеко, там, где «ехать дальше некуда», потому что, куда бы вы ни поехали, вы начнете приближаться к исходной точке пути, за многими морями и двумя океанами лежит окутанный облаками ледяной материк Антарктида.

Чтобы рассмотреть его на глобусе, вам придется перевернуть шар Южным полюсом вверх. Если, глядя на глобус, вы представите себя стоящим на берегу Антарктиды, то убедитесь, что вы стоите вверх ногами по отношению к тем, кто провожал вас на родине.

Все необычно в Антарктиде. В июне, июле и августе на ледяные ее просторы спускается долгая полярная ночь, и зимние штормы окутывают материк снежными вихрями. Солнце хотя и восходит, как везде на земном шаре, на востоке, но движется не слева направо, как в северном полушарии, а справа налево. И луна ущербляется необычно, а экваториальное созвездие Орион видно в перевернутом виде.

И звездное небо здесь другое. Не видно Большой и Малой Медведиц, Полярной звезды и других знакомых нам созвездий. На юге горизонта ночами здесь сияет созвездие Южного Креста

Необыкновенны и жители Антарктики — пингвины. Вместо крыльев у них ласты. Они не летают и неуклюжи на суше. Но зато в воде сразу становятся проворными. Они машут ластами, как крыльями, и с большой скоростью «летают» под водой.

Особенно своеобразны императорские пингвины. В отличие от всех птиц они не уходят на зиму в теплые места; наоборот, зимой они идут с моря, где более тепло, к ледяному материку и там выводят птенцов в самое холодное время года.

Если вы будете смотреть на шестой материк планеты сверху, то вы увидите огромное белое пятно с коричневыми точками и полосками по краям, окруженное синими просторами океанов. Антарктида — белое пятно на карте и в натуре. Это — белое пятно и в прямом и в переносном смысле. Мы еще очень мало знаем об этом огромном ледяном материке и особенно о его внутренних районах.

И стоит эта дикая, еще не изведанная земля «на краю света», окруженная, как стражами, громадами айсбергов, с разверстыми пастями бездонных ледяных трещин, готовых поглотить тех, кто попытается проникнуть в глубь материка.

Зимой и осенью над ледяным континентом клубятся мрачные облака, и вихри снега мечутся по его поверхности. Летом, когда полярное солнце совсем не заходит за горизонт, оно просвечивает сквозь

сверкающую пелену облаков, состоящих из мельчайших кристаллов льда. Яркие круги, светящиеся столбы вокруг солнца, разноцветные радуги круглые сутки сияют в эту пору над просторами Антарктиды. А когда солнце склоняется к горизонту, снег и лед окрашиваются в нежные сиреневые, голубые и розовые тона.

Как ни дик этот край, но тот, кто хотя бы раз побывал там, не сможет забыть его суровой красоты, и его вечно будет тянуть к неведомым ледяным просторам Антарктиды, где так много еще надо сделать, чтобы познать законы, управляющие явлениями природы.

Эти явления огромны. Так, например, движение воздуха, зарождающееся над Антарктидой, охватывает значительную часть южного полушария. От него зависят климат и погода не только Антарктики, но и всего южного полушария. А движение воздуха в южном полушарии, в свою очередь, связано с воздушными течениями северного полушария. Чтобы научиться точно предсказывать погоду, надо изучить законы движения воздуха над всей поверхностью земного шара.

То же самое можно сказать и про другие явления, происходящие в недрах земли, в морях и океанах: все они едины.

Ученые одной страны не в силах изучить их. Вот почему ученые всех стран договорились проводить такие исследования вместе.

С июля 1957 года начались третьи совместные международные научные наблюдения. На этот раз они проводятся на всей поверхности нашей планеты, в ее атмосфере, недрах и океанах. Это мероприятие получило название: «Третий Международный геофизический год». Большое внимание в программе исследований уделено изучению Антарктики, материка Антарктиды и особенно его внутренних районов. Советский Союз принимает в этих исследованиях активное и широкое участие.

И вот, выполняя свои обязательства по плану исследований во время Международного геофизического года, флагманский корабль первой советской антарктической экспедиции дизель-электроход «Обь» 5 января 1956 года подошел к берегам шестого континента планеты, к берегам Антарктиды. В это время начиналась подготовка к предстоящим в 1957 году работам, и корабли экспедиции различных стран спешили с разных сторон к материку, чтобы использовать короткое южнополярное лето Антарктики для выбора места и построить береговые научные базы на континенте. «Обь» была одним из первых кораблей, подошедших к материку.

Первым долгом нам предстояло построить научную обсерваторию и поселок Мирный, названный так в честь одного из шлюпов первой русской экспедиции в Антарктику. А прежде чем строить, нужно было выгрузить на ледяной барьер, отвесно поднимающийся из воды на двадцать и более метров, восемь тысяч тонн различных грузов и среди них тяжелые тракторы, вездеходы и самолеты.

Начался штурм ледяного континента. Я с группой лыжников вышел на склоны береговых ледников, чтобы выяснить пригодность их для строительства поселка. Мы долго блуждали среди трещин, пока не поднялись на ледник. Но то, что мы принимали за склон ледника, оказалось огромным айсбергом, отколовшимся от него, но сидящим на мели. Поэтому он и не отправился пока в плавание по океану.

Когда мы наконец все же взобрались на склоны ледяного купола к гряде камней, то оказалось, что это не скалы, вышедшие из-подо льда, а всего лишь огромные обломки, принесенные ледником откуда-то из внутренних районов материка. Значит, ледник подвижен, от него откалываются айсберги и строить здесь поселок опасно.

Место для поселка нашли с воздуха. Во время одной воздушной разведки была обнаружена группа островов. На береговых ледяных склонах виднелись скалы. Здесь и решено было строить Мирный.

«Обь» пошла к этим островам. Белые громады айсбергов тесно обступили нас, и кораблю все время приходилось лавировать по узким улицам этого сказочного ледяного города.

Наконец «Обь» встала в двухстах метрах от берега.

Мы поднимали лебедками из трюмов и грузили на сани разборные домики, бензин, продовольствие, самолеты, уголь, научные приборы и оборудование. Тракторы тащили сани к ледяному береговому барьеру и по проходам, вырубленным во льду, поднимались на склоны, где вскоре должен был возникнуть поселок. С большими трудностями и даже с жертвами была выполнена эта задача.

Теперь мы могли взяться за строительство поселка. Февраль был на исходе. Это последний летний месяц в Антарктиде. Надо было спешить. Затяжка со строительством была особенно опасна для кораблей: вода уже начинала замерзать, и спаянный молодым льдом старый морской лед мог преградить кораблям путь на север, на родину.

Нельзя было опаздывать со строительством и потому, что от его успеха зависела судьба девяноста двух участников экспедиции, остающихся зимовать на берегу Антарктиды.

Строили все: строители, моряки и ученые, и за невероятно короткий срок на диком ледяном берегу вырос большой, благоустроенный поселок — около двух десятков различных зданий.

Во всех домиках было центральное водяное отопление, вода подогревалась с помощью электричества. Терморегуляторы поддерживали в помещениях определенную температуру. Был электрифицирован и камбуз. Радиостанции надежно связывали с далекой родиной. Научная база была обеспечена на несколько лет отличным, разнообразным питанием, снаряжением и оборудованием.

Так была построена база советской научно-исследовательской экспедиции на берегу Антарктиды, и с тех пор огни Мирного приветливо блистают ночью среди скал, льда и снега, а на мачте, установленной на самой высокой скале, развевается советский флаг.

ДВЕ ЗАГАДКИ

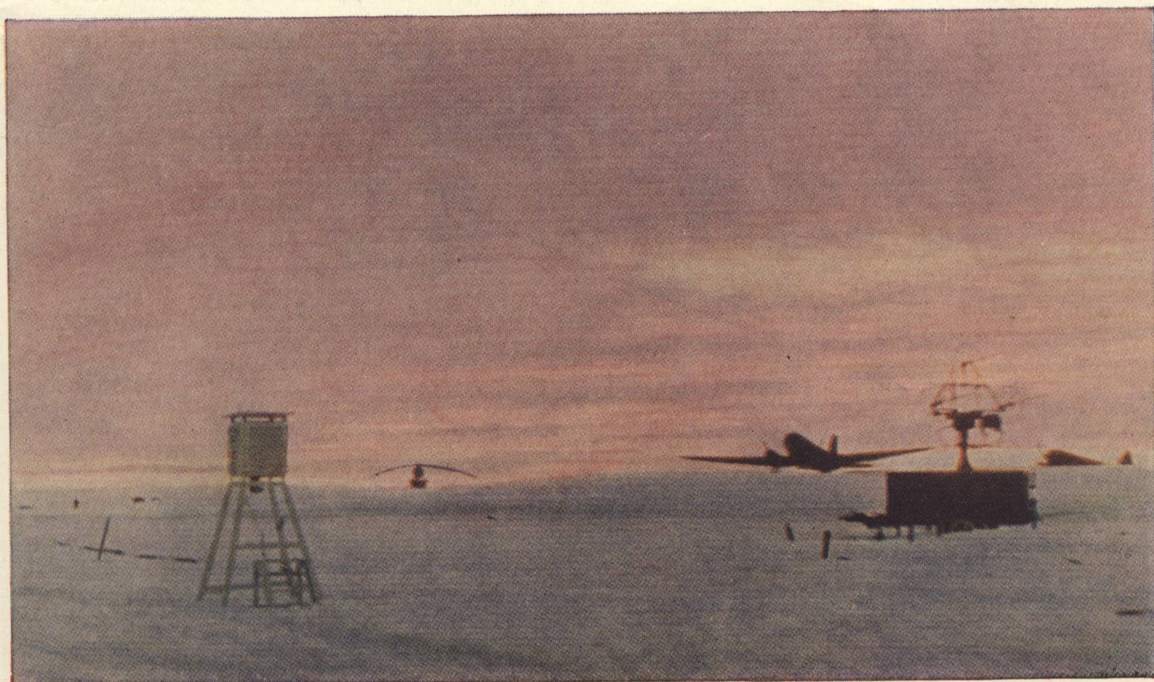
аже сейчас мы еще очень мало знаем об Антарктиде. До сих пор все исследования проводились в основном только в прибрежных районах, да и их было недостаточно.

А что делается в центре материка? Как высоко поднимается над уровнем моря ледяной щит, покрывающий Антарктиду? Какова природа внутренних районов ее? Вот вопросы, которые с давних пор не давали покоя исследователям.

Известно было только, что суровый климат у берегов Антарктиды становится еще суровее в центре материка. И тогда вставал другой вопрос: как среди бескрайних ледяных просторов Антарктиды наряду с областями космического холода могут существовать большие пространства, свободные от снега и льда? Эти районы, расположен-

Поселок Мирный. За поселком виднеется остров Хасуэлл, который зимовщики в шутку называли парком культуры и отдыха. Снимок сделан антарктической весной, в октябре, на острове уже стаял снег.

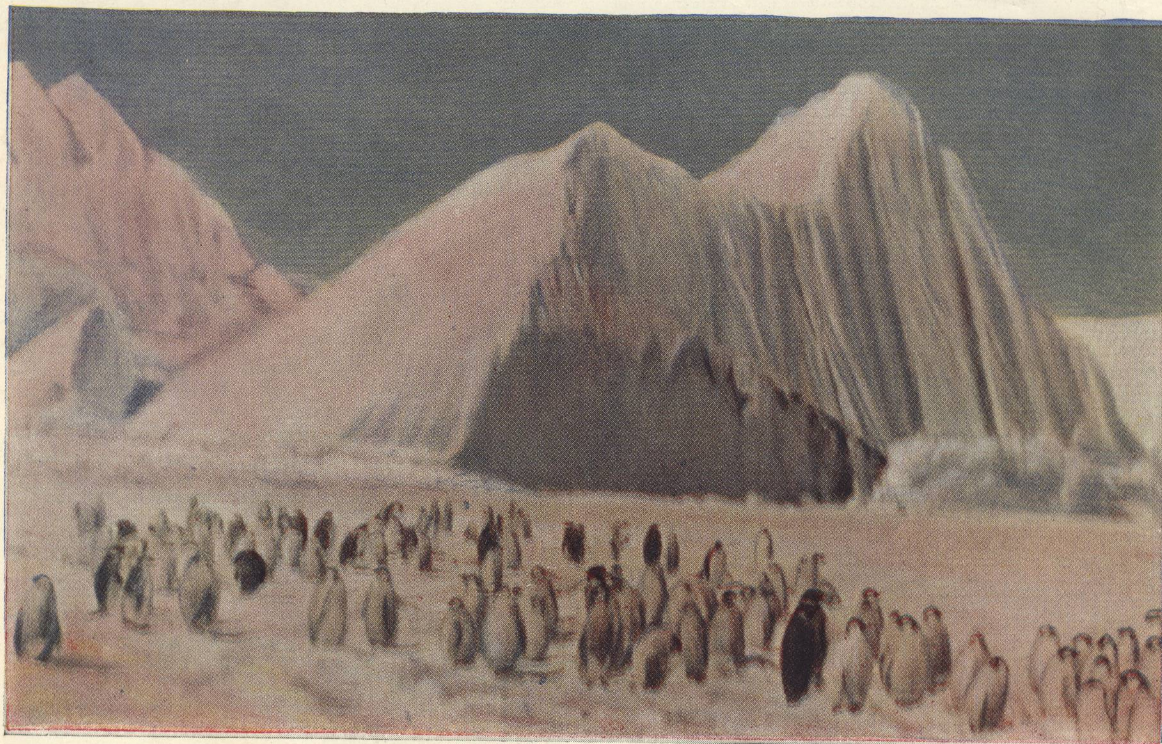

Аэродром в поселке Мирный.

Фотографии А. Гусева.

Самолет «АН-2» доставил из Мирного очередную партию грузов для научной станции, организованной в оазисе Бангера.

Колония императорских пингвинов. Вдали виден айсберг необычного вида. Когда айсберг сполз с материка, он перевернулся в воде, поэтому на нем видны следы почв, по которым он сползал.

Фотографии А. Кочеткова.

ные в прибрежной полосе и состоящие из не очень высоких скальных холмов, назвали «антарктическими оазисами». Оказалось, что в этих оазисах множество озер синего и зеленого цвета, причем вода некоторых из них, видимо, не замерзает в течение всей зимы.

Как появились эти оазисы среди ледяной пустыни? Откуда взялось тепло, расплавившее огромную толщу вековых льдов? Может быть, в недрах Антарктиды горят пласты угля? Или это результат распада радиоактивных веществ? Все это были лишь ничем не подтвержденные догадки.

БЕЗЖИЗНЕННЫЙ ОАЗИС

Однажды в ясный, безоблачный день при воздушной разведке пилот увидел к востоку от Мирного большое скопление плотных кучевых облаков. Сквозь облака виднелись темно-коричневые скалы с синими и зелеными пятнами озер между ними. Нагретые солнцем скалы нагревали, в свою очередь, воздух, и он поднимался, образуя над скалистым районом кучевую облачность. Так в 360 километрах от Мирного был обнаружен оазис, протянувшийся на десятки километров.

Ранним утром 20 января 1956 года из Мирного вылетели два самолета, «ЛИ-2» и «АН-2», и вертолет. Летя к оазису, мы, не отрываясь, смотрели в окна на расстилающийся под нами необычный ландшафт. Гладкая поверхность припая, еще державшегося местами у самого берега, сменялась волнистой поверхностью шельфовых ледников или хаосом ледопадов с черными пастями бездонных трещин. Шельфовые ледники — это ледники, спустившиеся в море. Их прибрежная часть лежит на дне, а язык ледника, далеко выдающийся в море, плавает на поверхности, хотя и не откололся еще от основного массива. Только изредка видны были черные пятна. Это нунатаки — небольшие скалы, пронизывающие толщу льда.

Впереди появились предвестники оазиса — кучевые облака. Тени от них на снегу казались озерами. Вскоре, когда мы подлетели совсем близко к оазису, мы увидели на поверхности ледников множество больших и маленьких озер, соединенных ручьями и небольшими речками. Большие реки стремительно бежали к оазису в причудливой формы ледяных ложах. Все это свидетельствовало о таянии льда и снега поблизости от оазиса.

Самолеты сели у края оазиса, а оттуда в центр его, где мы впоследствии разбили свой лагерь, нас доставил вертолет.

Мы летели над коричневыми вершинами скальных холмов. В долинах между холмами синели озера самой причудливой формы. Реки, соединявшие их, образовали сложную сеть, покрывавшую весь оазис. В узких скалистых каньонах вода кипела, водопадами низвергаясь с отвесных стен. Когда вертолет осторожно прикоснулся к незнакомой земле и, пожужжав немного, точно огромный майский жук, затих, опустив свои крылья-лопасти, мы с волнением вышли из его кабины. Сказочный мир скал и озер окружал нас.

Первое, что поразило нас,— это тепло. Измерили температуру воздуха: два градуса тепла, почти на пять градусов выше, чем на краю оазиса. Вблизи скал воздух еще теплее, а на поверхности почвы термометр показывает плюс 20 градусов.

Вскоре на месте посадки вертолета вырос палаточный городок, а на следующий день ученые занялись всесторонним изучением этого необыкновенного оазиса.

Обычно, говоря об оазисе, мы представляем себе роскошную растительность, возникшую в знойной пустыне благодаря живительной влаге ручья, выбившегося на поверхность. Ничего подобного вы не встретите в антарктическом оазисе. Он такой же безжизненный, как и окружающая его ледяная пустыня. Жалкие мхи и лишайники покрывают голые скалы. Хищный поморник, снежный буревестник да маленькая качурка, напоминающая нашу ласточку, гнездятся в небольшом количестве в диких скалах. А вода озер, в одних соленая, в других пресная, кажется совсем мертвой. Изредка встречаются в воде простейшие слаборазвитые водоросли. Да и тех немного.

На следующий день мы с волнением шагали по скалистым холмам оазиса. И волнение наше понятно: мы были первыми людьми на этой земле.

Каждый наш поход, каждый день приносили нам что-либо новое, и мы одну за другой раскрывали тайны оазиса.

Геологи исследовали строение гор и прошлое оазиса, вместе с гляциологами — «ледоведами» — они определяли то время, когда эти горы начали освобождаться ото льда. Географы изучали животный и растительный мир и собирали коллекции. Гидрологи и гидробиологи изучали природу озер.

Однажды мы с гидробиологом Е. А. Виноградовым исследовали одно из озер оазиса, названное за причудливые очертания его берегов Фигурным. Вода его была холодной, голубой и очень прозрачной. Несмотря на большую глубину, на дне виднелся зеленоватый донный лед. Было тихо, и казалось, наша металлическая лодка-понтон повисла в воздухе. Мы измеряли глубины, температуру воды, брали пробы для различных анализов. Я помню, как задрожала рука моего товарища, когда он просматривал на свет очередную пробу воды: в стеклянной банке стремительно метались кроваво-красные циклопы. Ледяная вода этого озера оказалась обитаемой!

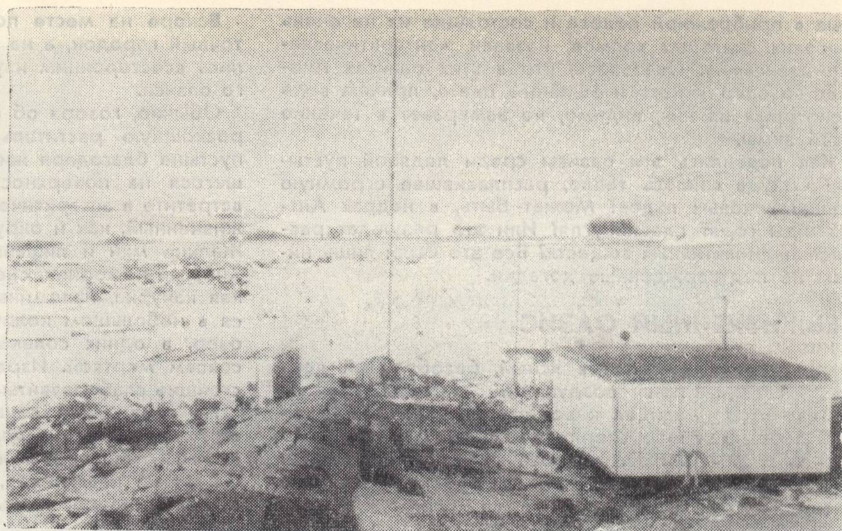
Вскоре Е. А. Виноградову посчастливилось сделать еще одно интересное открытие. Наше внимание часто привлекал очень большой по сравнению со всеми другими озерами водоем, на тихой глади которого плавали небольшие айсберги. С одной стороны водоем граничил со скалами оазиса, другой его берег представлял собой ледяной барьер. Как показала разведка с воздуха, лед за водоемом простирался на сотню километров. Это был шельфовый ледник. Во всех больших озерах была пресная вода, вода же этого водоема оказалась соленой.

Как могло накопиться здесь так много воды и почему она соленая? Это было загадкой для нас.

Как-то с Е. А. Виноградовым шли мы по берегу этого водоема и любовались отражением прибрежных скал и айсбергов в неподвижной воде. По остаткам водорослей и морских организмов и кускам припайного льда, которые мы находили на берегу, мы могли предположить, что уровень водоема время от времени менялся. По-видимому, это был морской залив. Но как он соединяется с морем, было непонятно, и это останавливало нас от окончательного суждения. И вдруг у самого берега мы увидели в воде какие-то белые пассивно плавающие существа. Когда мы их выловили, то удалось установить, что это простейшие морские организмы — асцидии. Теперь связь этого водоема с морем стала очевидной. Оставалось предположить, что водоем сообщается с морем подо льдом шельфового ледника. Вскоре было обнаружено еще одно бесспорное под-

тверждение нашей догадки: на льдинах, плавающих в водоеме, был обнаружен тюлень.

Метеорологи тоже сделали много интересных и важных наблюдений. Они изучали особенности климата и погоды оазиса, непохожих на климат и погоду в районе Мирного и в других местах, покрытых снегом и льдом. Если там почти все тепло отражалось белой поверхностью, то здесь, в оазисе, темные скалы поглощали его почти целиком, поэтому в районе оазиса был более теплый микроклимат. Наши наблюдения позволили раскрыть тайну происхождения оазисов. В результате потепления климата Антарктиды ледники ее постепенно таяли и отступали на юг. Вершины возвышенностей, прежде покрытые льдом, постепенно стали освобождаться ото льда, площадь скалистых районов все увеличивалась, и все больше солнечного тепла поглощала темная поверхность скал.

Вот как выглядел построенный нами поселок Мирный в конце антарктического лета.

Наконец, тепла стало так много, что оно начало растапливать окружающие льды. Оазис как бы перешел в наступление на льды и снега. Бурное таяние их мы видели на границе оазиса.

Закончив первые исследования оазиса, мы снова собрались на ледовом аэродроме у самолетов. Летчики сокрушенно покачивали головами, глядя на груды камней и другие экспонаты, добытые нами в оазисе. Все это надо было доставить в Мирный.

Поворчав немного, они все же бережно уложили ценный груз в самолеты, прихватив еще по десятку килограммов камней для личных коллекций.

Сделав круг над оазисом, мы берем курс на Мирный. До новой встречи, сказочный мир скал и озер!

ПОХОД В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Сразу за Мирным, к югу от него, начинается ледовый панцирь материка. Из центральных областей Антарктиды непрерывно дули ледяные ветры, иногда переходившие в ураган. Что таила в себе эта ледяная пустыня, никто не знал: там еще никогда не ступала нога человека.

В начале апреля, второго месяца южнополярной осени, из Мирного в глубь материка вышла первая санно-тракторная экспедиция. Время для похода было неподходящее: редкий день проходил без метелей, температура начала падать. Но ждать было нельзя: мы должны были собрать первые сведения о природе внутренних районов для следующей смены зимовщиков, которые займутся более глубоким исследованием их.

Наша экспедиция состояла из одиннадцати человек: метеорологов, аэрологов, гляциологов, магнитологов и трактористов. Два трактора тащили на санях наш домик, научные лаборатории и установки, продукты, топливо и горючее для тракторов.

Уже с первых дней, когда по вечерам мы еще видели, если не было пурги, огни Мирного, стало ясно, какой тяжелый поход предстоит нам. Сани и тракторы вязли в рыхлом снегу, и мы продвигались вперед не более чем на десять километров в сутки.

Вскоре скрылись и Мирный и черная громада острова Хасуэлл. Нас окружила безмолвная ледяная пустыня. Непрерывно дул ветер, температура падала. Все труднее и труднее было продвигаться вперед, высота над уровнем моря все увеличивалась. Вскоре стало трудно дышать из-за недостатка в воздухе кислорода и углекислоты, появились первые признаки горной болезни: нарушение дыхания и временами головокружение и головные боли. У нас пропали аппетит, сон, и даже память ослабла. Недостаток кислорода сказывался и на работе тракторов: моторы их теряли мощность, и от этого движение еще более замедлялось.

На седьмые сутки началась пурга. Мы сделали остановку на час, и наш поезд замело снегом так, что его уже не удалось сдвинуть с места. Не помогли и раскопки: мы не успевали расчищать снег. Попробовали вытаскивать поезд по частям. Но из этого ничего не вышло: не успевали мы вытащить одни сани, как другие уже заносило снегом. Наконец мы поняли, что, пока метель не кончится, нам не сойти с места. Так началось наше «великое сидение».

Пурга продолжалась девять суток. Нас засыпало совсем. Чтобы выйти из домика, надо было выбираться через снежный лаз, сделанный в снегу у дверей. А не выходить было нельзя: ведь надо было вести наблюдения и приготовлять пищу в камбузе, который находился на соседних санях. И вот, перелезая через сугробы, мы шли вереницей, держась друг за друга, из жилого помещения в наш маленький камбуз, рискуя безнадежно заблудиться в белой пустыне среди стремительно летящих вихрей снега. Однажды утром камбуз засыпало так, что ночевавший там дежурный не смог выбраться из него. Пришлось откапывать сани, на которых стоял камбуз, переговариваясь с дежурным по телефону.

А этот снимок сделан в июне 1956 года. С самого начала антарктической зимы дома в поселке Мирный были засыпаны снегом до крыш. Зимовщики заняты раскопкой дома, который вы видели на предыдущем снимке.

Шли мы очень осторожно: на нашем пути могли встретиться трещины, прикрытые ненадежными снежными мостами. Движение было опасно еще и из-за того, что трактор и сани могли наехать на крутой снежный сугроб или заструг и опрокинуться.

Водители тракторов часами не видели ничего впереди себя, кроме серой пелены снега; а езда «вслепую» их сильно утомляла. Поэтому почти все время впереди поезда шли два человека, связанные веревкой. Они предупреждали водителя об опасности и были ориентиром для движения.

Идти впереди было нелегко, и людей приходилось часто менять. На всю жизнь запомнилась мне такая картина: ночь, пурга, сквозь снежные космы едва видны неясные контуры саней и тракторов, а впереди, то исчезая, то появляясь в тусклой полосе света фар, упорно шагают навстречу ветру две согнувшиеся человеческие фигуры...

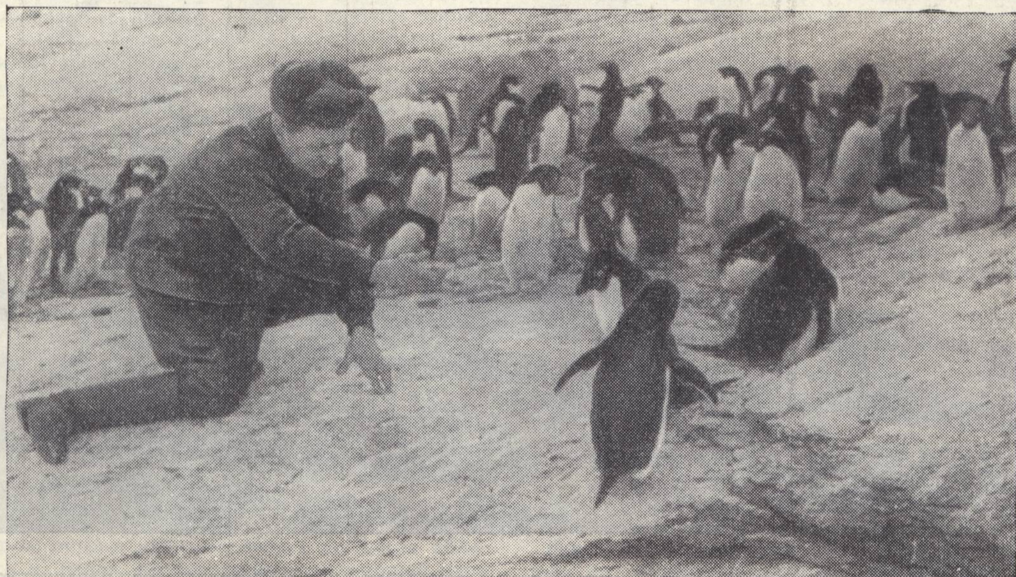
Скверно в ту пору было в снежной пустыне, но и в домике несладко. Трубу заносило снегом, и печь совсем не грела. Дым мешал и без того затрудненному дыханию и раздражал глаза. Ко всему этому прибавилась еще одна неприятность: стремительно летящий снег заряжался электричеством и заряжал антенны и другие наружные проводки нашего поезда. Человек, неосторожно прикоснувшись к проводам, получал сильный удар от разряда электричества. Непрерывные разряды мешали радиосвязи: треск и шум в наушниках глушили позывные Мирного, связь совсем прекратилась.

Только когда метель немного утихла, мы смогли вырваться из снежного плена и двинуться дальше, в неизвестность.

Шла третья неделя нашего путешествия. Устали люди, устали машины; зато тетради ученых все больше и больше заполнялись сведениями о неведомой еще стране снега, льда и ветров.

У меня накопились сведения о погоде, аэрологи собрали данные о температуре и о скорости ветра на различной высоте, магнитологи определили отклонение магнитной стрелки от меридиана — от направления на Южный полюс Земли.

К прежним трудностям прибавилась новая — морозы. Они достигали пятидесяти градусов. Начали ло-

Пингвины очень доверчивы и любопытны, они совсем не боятся человека.

паться водила, соединявшие сани между собой и с тракторами. Лопались, как нитки, и толстые тросы, которыми мы заменяли водила. Металл не выдерживал, но люди все шли и шли вперед.

Мы уже были почти в четырехстах километрах от Мирного, на высоте около трех тысяч метров над уровнем моря, когда получили приказ начальника экспедиции М. М. Сомова выбрать место, пригодное для посадки самолета, и остановиться.

Перед выходом экспедиции мы рассчитывали, что наш поезд вернется для зимовки в Мирный. Но горючего для возвращения у нас не осталось. Кроме того, очень важно и интересно было провести зиму на высокогорном плато во внутренних районах материка, чтобы вести наблюдения в наиболее суровое время года. Поэтому мы решили не возвращаться и превратить наш поезд в постоянную научную станцию.

Окончательно вопрос о судьбе станции должна была решить авиация. Сможет она забросить на станцию запасы продовольствия, одежды, топлива и оборудование — быть станции. Если этого не удастся сделать, придется вывозить людей на самолетах в Мирный.

И вот к остановившемуся поезду сквозь пургу стали пробиваться самолеты. Никто еще не летал в Антарктике в такое время! Они сбрасывали нам все необходимое. Сесть должен был только последний самолет, который прилетит для смены людей: посадка на большие и твердые снежные заструги была связана с огромным риском.

Но и эта трудная задача была выполнена, и 27 мая, когда уже наступила полярная ночь, на высокой радиомачте был поднят флаг Советского государства. Так мы ознаменовали открытие внутриматериковой станции Пионерская.

7 июня прилетел последний самолет. Он доставил на станцию смену для зимовки и увез в Мирный участников санно-тракторного похода и строителей станции. Зимовать в Пионерской остались, кроме автора, радист Е. Т. Ветров, гляциолог Л. Д. Долгушин и тракторист Н. Н. Кудряшов.

Началась первая зимовка на высокогорном плато.

ЗИМОВКА В ЛЕДЯНЫХ ОБЛАКАХ

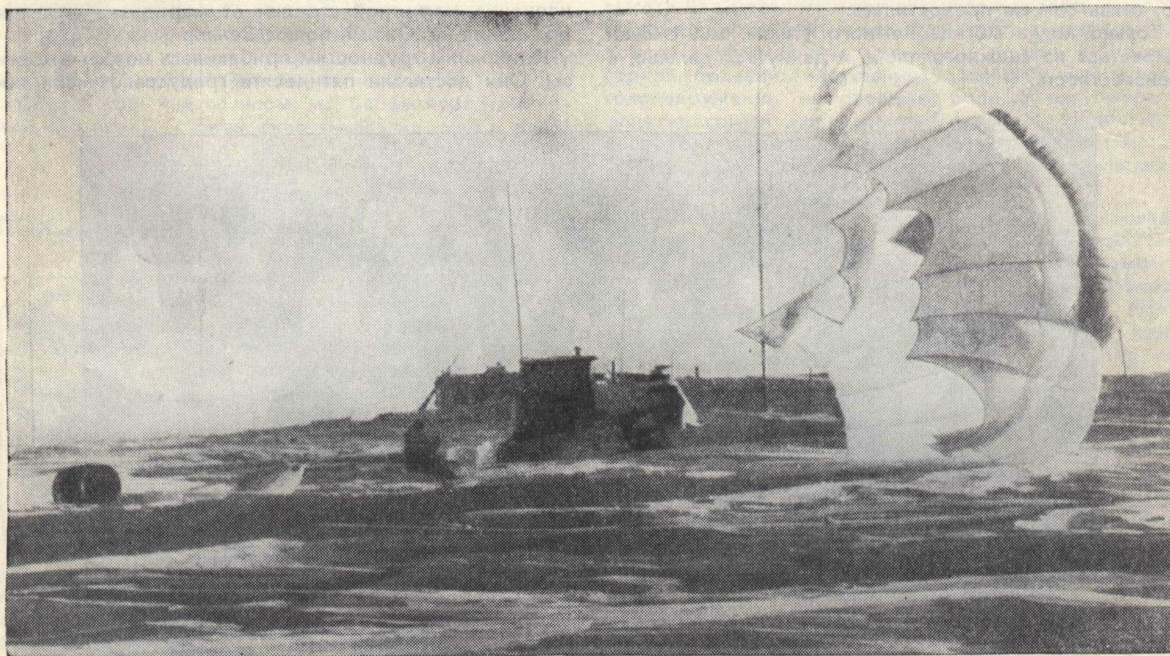

Многие дней уже бушуют метели на станции Пионерская. Полярная ночь накрыла темным крылом ледяной купол. Только в полдень чуть посереет на севере, но все равно ничего не разглядишь в сплошной пелене снега. Чтобы найти метеорологическую будку, приходится идти, держась за провода, идущие от нее к нашей хижине. Только несколько метров не доходя, начинаешь видеть огонек электрифицированной будки, зажженный при выходе из хижины.

Связь с Мирным часто прерывается из-за различных помех и магнитных бурь. В такие дни трещат искры в рубильниках антенны, а у острых концов металлических предметов или у концов проводов расцветают сиреневые пионы. Это стекает и светится избыточное статическое электричество. От разрядов воздух в комнате настолько насыщен озоном, что болит голова.

Домик станции состоял из жилого помещения, камбуза с газовой плитой, склада продуктов, соединительного тамбура, вспомогательных помещений и ветрозащитного тамбура. Все это было построено и соединено воедино из помещений, прибывших сюда на санно-тракторном поезде.

Жилой домик имел в длину пять метров, в ширину два с половиной и в высоту немногим более

Бочки с горючим доставлялись на станцию Пионерская на самолетах и сбрасывались на парашютах. Пока тракторы были засыпаны снегом, бочки приходилось перетаскивать самим зимовщикам с помощью парашюта, управляя им, как парусом.

двух метров. Стены, потолок и пол его были собраны из специальных щитов с тепловой изоляцией. В нем помещались двухэтажные нары, два рабочих стола, печь и радиостанция.

Дом был прочно укреплен на санях. На них он и остался, когда все сани были сдвинуты при строительстве станции. Так же построили и камбуз. Он был в два раза меньше жилого помещения. Склад, построенный из простых досок и фанеры, тоже был укреплен на санях.

Температура в домике резко менялась. Днем, когда топили печь, она доходила до пятнадцати градусов тепла на уровне лица, а под кроватями лежал лед. Утром температура опускалась до пяти — десяти градусов мороза, а в тамбуре было так же холодно, как и вне хижины.

Первые зимовщики на внутриматериковой научной станции Пионерская: начальник станции А. М. Гусев, тракторист Н. Н. Кудряшов и радист Е. Т. Ветров (слева направо).

Жизнь на станции шла по строго заведенному порядку. Первым, в шесть часов утра, поднимался метеоролог, в семь часов он должен был делать наблюдения. За ним вставал дежурный по камбузу, потом радист связывался с Мирным и передавал сводки погоды, статьи в газеты и различные радиограммы, которые радиостанция Мирного пересылала в Москву.

Днем все были заняты работой и научными наблюдениями. Вечером мы снова связывались с Мирным, слушали радиопередачи из Москвы и других городов Советского Союза, читали, играли в шахматы. Наш день заканчивался в час ночи, когда метеоролог производил, в четвертый раз, свои наблюдения.

Пищу готовили три раза в день. У каждого были свои излюбленные блюда. Но все любили варить кур, так как это было просто и вкусно. Вытащишь курицу из мешка, положишь ее в кастрюлю с водой, посолишь, добавишь крупы, и вот через некоторое время готово и первое и второе блюдо сразу. Вечером дежурный по камбузу мыл посуду, натапливал воды из снега для следующего дня и наливал ее в большие термосы. После этого в нагретом за день помещении он стирал белье и мылся.

Однажды мы проснулись среди ночи от неожиданно наступившей тишины. Не слышно было воя пурги, не тряслась печная труба, раскачиваемая ветром, только время от времени до нас доносились гулкие удары, и хижина сотрясалась. Потом послышались какие-то слабые удары о твердую поверхность снега. Точно кто-то в огромных сапогах шагал по снегу. Так продолжалось до утра. Когда утром мы вышли для наблюдений, то обнаружили, что ветер почти затих. На ясном небе полыхали зеленоватые огни полярного сияния, а мороз стоял такой, что дух захватывало. Термометр показывал шестьдесят градусов. Это от мороза гулко лопался лед, и на его поверхности возникали небольшие трещины. Подточенные ветром острые клювы снежных застругов обламывались и, падая, звонко стучали о твердый наст.

Зима становилась все суровее. Самый сильный мороз сковал зимовку в августе, последнем месяце антарктической зимы, когда солнце уже начало вставать над горизонтом. В середине августа была отмечена самая низкая за время зимовки температура: мороз достиг в этот день 66,8 градуса при ветре более десяти метров в секунду. Средняя температура августа оказалась равной 52 градусам мороза. Это самая низкая средняя температура, отмеченная на земном шаре.

Только в конце августа, после двухмесячного перерыва, солнце взошло над Пионерской. В первый день оно пробыло на небе лишь одну секунду. Потом с каждым днем оно поднималось все выше и выше. Наступала весна, но мороз по-прежнему был не ниже 15 градусов.

В первый весенний день — 1 сентября — мы послали советским школьникам поздравление с началом нового учебного года.

Шел уже шестой месяц, как мы ушли из Мирного.

В один из редких здесь ясных дней к нам прилетел первый самолет из Мирного. Сесть он не смог, и все присланное сбросил нам на парашюте и просто в ящике. При последнем заходе от самолета отделился какой-то продолговатый предмет. Это было знамя пионеров одной московской школы. С тех пор оно хранится на почетном месте в маленькой кают-компании, напоминая зимовщикам о советских пионерах, чье имя носит заоблачная станция на ледяном материке.

Мы рассчитывали, что нас сменят в октябре. Но непогода мешала полетам к нам, а надо было сбросить десятка два бочек горючего для трактора. После этого нам предстояло откопать засыпанный снегом трактор и с его помощью выровнять площадку для посадки самолета.

Время шло, погода не улучшалась. Тридцать девятую годовщину Октябрьской социалистической революции пришлось нам встретить не в Мирном, как мы рассчитывали, а на Пионерской.

Приближался полярный день. Наконец нам сбросили на парашютах горючее. Мы откопали и запустили тракторы, укатали площадку для приема самолета, запаковали научные материалы. Там были све-

дения о температуре воздуха на различных высотах над поверхностью и в толще ледового купола, сведения об особенностях климата и погоды этих районов. Нам удалось определить, что летом в толще льда сохраняются очень низкие зимние температуры, отчего и лето в этих местах очень холодное и температура воздуха не поднимается выше четырнадцати градусов мороза. Оказалось, что на высоте около трехсот метров на материк движется теплый морской воздух, и там значительно теплее, чем у поверхности земли, примерно на 15—20 градусов.

Весна на Пионерской была холодная, только пурга бывала не так часто, как осенью. Хотя и было светло, но видимость редко превышала один километр: почти все время станция была в облаках.

Это были не обычные облака, которые мы привыкли видеть на уровне моря, а ледяные. Они состояли из мельчайших кристаллов льда, таких мелких, что они плавали в воздухе. Ночью свет луны, а днем лучи солнца преломлялись в них, и воздух блистал миллионами миллионов ослепительных искр. Днем нельзя было выйти из домика без темных очков.

Эти кристаллы не только мешали смотреть. Стоило наклониться над поверхностью снега, как глаза начинало щипать, точно в них попала мыльная вода: это ледяные кристаллы, летящие с большой скоростью, кололи и резали слизистую оболочку глаз.

Лучи солнца, преломленные в кристаллах ледяных облаков, образовывали большие радуги. Солнце лишь ненадолго опускалось теперь за горизонт, и радуги оставались на небе почти круглые сутки.

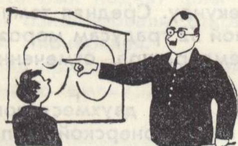
В ноябре мы со дня на день ждали самолета со сменой. Мешала погода. Наконец 17 ноября над Пионерской появилась краснокрылая машина: самолет «АН-2». Смена происходила быстро, так как пятидесятиградусный мороз и ветер в пятнадцать метров в секунду не позволяли самолету оставаться долго.

Вот мы уже и в машине. Перегруженный самолет с трудом оторвался от поверхности. Делаем круг над домиком, засыпанным снегом. Из люка в крыше, через который с конца зимы нам приходилось выбираться из хижины, машут сменившие нас товарищи.

Когда мы поднялись метров на триста, стало теплее. Как приятно было еще и еще раз пожимать руки наших товарищей-летчиков, которые в труднейших условиях пробились к нам на Пионерскую и сейчас несли нас на крыльях своей машины в Мирный, который стал для нас родным домом!

Подлетаем к Мирному. Уже видны острова архипелага Хасуэлл и поселок на склонах ледника. В этот момент мы все, не сговариваясь, оглянулись на юг, где провели семь долгих и трудных месяцев. Белый ледяной купол сиял в лучах поднимающегося солнца, покрытый легкой кисеей серебристых ледяных облаков.

УГОЛОК ЮМОРА

Учитель ткнул пальцем в географическую карту и спросил:
— Карло, что это такое?
— Указательный палец, синьор учитель.

— Дайте мне литр коровьего молока.
— Но твоя бутылочка слишком маленькая, малыш!
— Тогда дайте литр козьего.

— Вы обратили внимание, как вчера во время концерта мой голос заполнил весь зал?
— Да, кроме того, я заметил, что многие зрители отправились по домам, очевидно, чтобы освободить место для вашего голоса.

— Папа, это правда, что большие рыбы едят сардин?
— Да, сынок.
— А как же они открывают коробку?

Один маляр спрашивает другого:
— Почему ты красишь так быстро?
— Хочу закончить работу, пока не кончилась краска.

— Приехали, синьор, — обратился шофер такси к своему клиенту. — С вас 460 лир.
— Мне очень жаль, но придется вам отвезти меня на 60 лир назад. У меня с собой только 400.

— Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не играл с Чичо! Он грубый и невоспитанный мальчик.
— Тогда, мама, пусть Чичо играет со мной, я вежливый и воспитанный...

ИЗ ИТАЛЬЯНСКОГО ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»

Два друга несколько часов просидели с удочками на берегу ручейка и не поймали ни одной рыбешки.
Наконец один из них недоверчиво пробормотал:
— Я читал в какой-то книжке, что существуют племена, которые питаются только рыбой...

Приключения Тонино-невидимки

Повесть Джанни РОДАРИ.

Перевел с итальянского Г. Брейтбурд.

Рисунки А. Брея.

Глава первая, в которой Тонино становится невидимкой

Тонино Де Роза отпраздновал свой день рождения, а назавтра отправился в школу. Грустные мысли одолевали его по дороге: «Разве можно заставлять человека решать задачи и зубрить историю Юлия Цезаря в тот самый день, когда ему исполняется десять лет? Меня, правда, никто и не заставлял. Но что я теперь отвечу учителю? О дне рождения он и слышать не захочет. Поздравит, а затем велит показать, как я решил задачу».

По правде говоря, мама пыталась напомнить Тонино, что в жизни существуют не только такие приятные вещи, как день рождения, торты и подарки.

— Ты решил задачи, Тонино?

— Нам, мама, не задавали.

— А уроки выучил?

— Тоже не задавали.

Эту двойную ложь Тонино произнес с такой поспешностью, что ему даже не понадобилось над ней задуматься; она сама, как Петрушка на сцене кукольного театра, выскочила в нужную минуту (в ту самую минуту, когда пришло время идти с папой в кино).

— Ни задач, ни уроков, только фильм про индейцев.

В кинотеатре «Инден» на самом деле шел фильм из жизни индейцев. Глядя на экран, Тонино позабыл о задачах и даже о том, что соврал; сказать по совести, это было не так уж трудно.

«Что же теперь будет? — подумал Тонино, переступая порог школы.— Как же быть?» Он был до того озабочен, что уселся за парту — первую во втором ряду, в пятом классе «Б»,—даже не поздоровавшись с приятелями, даже словечком не перекинувшись с Белым Негром, то есть с Роберто Кастелли, своим самым сердечным другом, которого наградили этим прозвищем из-за кудрявых волос.

Роберто сидел на первой парте в пятом ряду, но, должно быть, и ему было над чем призадуматься, потому что он не бросился навстречу Тонино, чтоб рассказать ему одну из своих забавных историй. Тонино увидел только курчавую голову, склонившуюся над учебником истории.

В класс вошел учитель. Сегодня он казался еще строже обычного. Тонино с отчаянием поднял глаза на закрытую дверь, на окна, закрытые, чтобы в класс не проникал ноябрьский туман. Вот если бы можно было скрыться в этом тумане! Если бы хоть на один денечек стать невидимкой!

Учитель начал перекличку. Вот он произнес:

— Де Роза Антонио!

— Здесь,— ответил Тонино тоненьким голоском.

— Де Роза! — повторил учитель.— Отчего Де Роза не пришел?

— Я здесь, господин учитель,— ответил Тонино погромче.

— Никто из вас не видел Де Роза?

— Нет, господин учитель.

Это сказал Белый Негр, а половина школьников стала пристально разглядывать парту Тонино, который, несмотря на свои грустные мысли, расхохотался.

— Вы что же, не видите меня? Я вот он, сижу за партой!

Но куда там! Ребята рассеянно взглянули

на парту, словно желали проверить, достаточно ли чернил в чернильнице, и никто не заметил Тонино.

— Я здесь, господин учитель, здесь! — крикнул Тонино и поднялся с места.

Но его снова никто не услышал. Учитель даже сказал Белому Негру:

— Кастелли, после уроков зайдешь к Де Роза, узнай, не случилось ли с ним чего-нибудь.

Перекличка продолжалась. И вдруг Тонино понял: его желание исполнилось — он стал невидимкой. Оказывается, нужно было только пожелать как следует. А он пожелал так сильно, что невидимыми стали даже шнурки на его ботинках.

Теперь никто не мог ни видеть его, ни слышать. А если кто и заметил, как он шел в школу, то, должно быть, успел уже позабыть об этом.

«Ну и ну! — удивленно подумал Тонино и тотчас же вздохнул с облегчением: — Тем лучше, учитель ведь не может вызвать к доске невидимого школьника. Прощай, дорогой Юлий Цезарь!»

Ему тотчас же захотелось проверить, правда ли, что он стал невидимым. Тонино встал и направился прямо к доске. Никто не взглянул в его сторону, как будто его и не было; будь на его месте муха, на нее обратили бы больше внимания.

Тогда он стал расхаживать взад и вперед между партами: сначала осторожно, маленькими шажками, а потом принялся бегать по-настоящему. И что же? Никто не поднял головы, никто не обернулся. Тонино второй раз захохотал прямо в лицо Роберто. Но Белый Негр продолжал почесывать свою курчавую голову, должно быть, думая о подвигах Юлия Цезаря.

Глава вторая, в которой Тонино принимается извлекать пользу из того, что стал мальчиком-невидимкой

Раньше Тонино не раз задумывался над тем, сколько можно сделать интересных вещей, став невидимкой. Но теперь, когда это необычное счастье выпало на его долю, он не придумал ничего лучше, как потянуть за волосы Белого Негра. Запустил пятерню в кудри своего друга и дернул его за волосы не слишком сильно, но и не очень слабо.

Белый Негр сразу повернул голову и уставился недобрым взглядом на мальчика, который сидел позади него. А этот мальчик — звали его Мотта — был самым благодушным существом на свете, карманы и рот у него всегда были набиты карамелью, мятными, анисовыми, ликерными, солодовыми конфетами и прочими дешевыми сладостями.

— Хочешь, чтоб тебя превратили в лепешку?

— В лепешку? — удивленно повторил Мотта. Но потом улыбнулся: — Ты хочешь мятную лепешку?

Чтобы не терять времени, он вынул прямо изо рта лепешку, которую жевал, и протянул ее товарищу на кончике запачканного чернилами пальца.

— Держи свою лепешку при себе, а меня оставь в покое! — отрезал Белый Негр.

— А что я тебе сделал?

— Слушай, брось прикидываться!

Услышав, что его обозвали притворщиком, миролюбивый Мотта разом проглотил полтаблетки американской жевательной резинки, которую держал во рту.

Тонино захохотал и, чтобы насладиться происходящим, уселся за одну парту с пожирателем конфет: ведь его все равно никто не видел и никто не мог ему сделать замечание за то, что он без спросу уселся за чужую парту.

Но учитель, хоть и не мог видеть Тонино, все же заметил, что вот уже несколько минут, как между первой и второй партами идет потасовка.

— Что случилось? — спросил он строгим голосом.

— Ничего, господин учитель,— тотчас же соврал Белый Негр: он считал, что не следует выносить сор из избы.

Но Мотта пожаловался:

— Неправда, он меня лгуном обозвал!

Тут перешел в атаку Белый Негр:

— Он сам начал, потянул меня за волосы!

— Неправда! Неправда! — завопил Мотта со всей искренностью, на какую было способно его доброе, услащенное ликерной, ананасной и ягодной начинкой сердце.

Тонино легко соскочил на пол, пробежал в самый конец класса и дернул за волосы Паоло Бораби, самого растрепанного мальчишку в их классе, которого вполне заслуженно прозвали Чубатым.

— Господин учитель, и меня дернули за волосы! — завопил Чубатый, указывая пальцем на Ривелли, который в это время с большой сосредоточенностью ковырял у себя в носу.

— Я? — в изумлении заявил ни в чем неповинный бедняга и даже прервал на время

свою работу, не вынимая, правда, пальца из носа.

За несколько секунд Тонино-невидимка обежал весь класс, хватая то одного, то другого за волосы. Поднялась буря жалоб, обвинений, протестов, криков.

— Прекратить! Прекратить! — закричал учитель, постукивая линейкой по кафедре.— Пошутили и хватит.

У Тонино живот надрывался от смеха. Он так сильно хохотал, что в конце концов покатился под доску. В жизни ему еще не было так весело.

«Вот расскажу Белому Негру, что все это мои проделки, так ведь не поверит»,— подумал Тонино.

Чуть высунув голову из-под доски, он взглянул на Роберто, который теперь спокойно и серьезно слушал учителя, объяснявшего анализ предложения. Но за спиной у Роберто виднелось круглое лицо Мотта, на котором было изображено крайнее удивление и негодование: от волнения он не мог найти конфетку и тщетно рылся в своих многочисленных карманах и карманчиках.

«Что он, чешется, что ли? Блохи у него завелись? — подумал Тонино.— Да, шутка удалась на славу. До чего ж я рад!»

Но сколько он ни повторял себе, что рад, особой уверенности в этом у него не было. По правде сказать, шутка вышла глупая. Велика забава таскать кого-то за волосы! Неужто стоило превращаться в невидимку, чтобы до такого додуматься! Нет, нужно придумать что-нибудь на самом деле новое, что-нибудь такое, чего никогда еще не было.

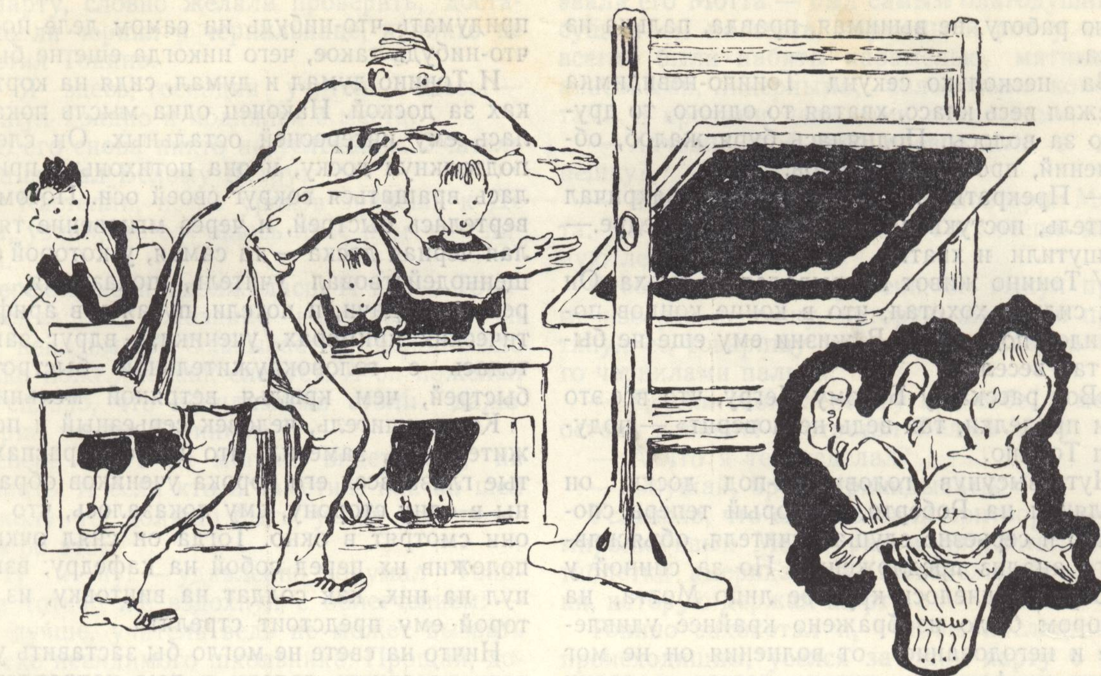
И Тонино думал и думал, сидя на корточках за доской. Наконец одна мысль показалась ему интересней остальных. Он слегка подтолкнул доску, и она потихоньку принялась вращаться вокруг своей оси. Потом завертелась быстрей, и через мгновение тяжелая черная доска — та самая, у которой священнодействовал учитель, показывая, как решать задачи, и потели, путаясь в арифметических примерах, ученики,— вдруг завертелась с головокружительной быстротой, быстрей, чем крылья ветряной мельницы.

Когда учитель, человек серьезный и положительный, заметил, что широко распахнутые глаза всех его сорока учеников обращены в одну сторону, ему показалось, что все они смотрят в окно. Тогда он снял очки и, положив их перед собой на кафедру, взглянул на них, как солдат на винтовку, из которой ему предстоит стрелять.

Ничто на свете не могло бы заставить учителя повернуть голову в том направлении, куда смотрел класс: он был слишком серьезным человеком, чтобы позволить себе увлечься каким-нибудь пролетающим самолетом, или жуком, либо причудами тумана за окном.

За несколько секунд Тонино-невидимка обежал весь класс, хватая то одного, то другого за волосы.

На долю Тонино-невидимки пришелся крепкий удар, и он очутился в корзине для бумаг.

— Как видно, то, что происходит за окном, вас, как всегда, интересует больше рассказа учителя. Что же вы там на этот раз увидели? Что вы разглядели в тумане? Летающие тарелочки? Марсиан? Лунатиков?

— Доску, господин учитель! — ответил ему Белый Негр, испуганно вскочив на ноги.

Доска теперь вращалась со скоростью циклона. Зрелище, нужно признать, вызвало в десять раз больше интереса, чем установление различий между глагольным и именным сказуемым. Ведь не каждый день удается увидеть доску с мотором.

Учитель решился нарушить свои твердые правила и повернул голову в запретную сторону. То, что он увидел, заставило его голову вращаться со скоростью еще большей, чем скорость доски. Уподобившись Дон-Кихоту в минуту атаки на ветряные мельницы, он выскочил из-за кафедры и после двух — трех напрасных попыток сумел ухватить доску за угол и остановить ее с такой силой, что на долю Тонино-невидимки пришелся крепкий удар по подбородку, а сам он очутился в корзине для бумаг.

Со всех сторон доносились смущенные возгласы:

— Это привидения!

— Какие-то духи!

— Нет, землетрясение!

— Молчать! Молчать, господа ученики!

Вы, наверное, догадались, чей голос произнес эти последние слова. Да, это был учитель. Лишь в самые тяжелые минуты он называл мальчиков «господа ученики», и голос его в таких случаях звучал так торжественно и возмущенно, что у всех от страха захватывало дыхание.

— Господа ученики, я терпеть не могу подобные глупости! Привидениям, марсианам и прочим духам не место в этой школе, куда приходят разумные люди.

Наступила тишина. И даже Тонино, который, скорчившись, сидел в корзинке из ивовых прутьев, почувствовал, что сердце у него застучало сухо и быстро, как пулемет. Конечно, учитель не мог его видеть, но Тонино-невидимке было стыдно, как, должно быть, бывает стыдно привидению, обращенному в бегство разумным человеком.

— Это была скверная шутка, — продолжал учитель. — Господа ученики не позже, чем в конце этого урока, скажут мне, чья это проделка. В противном случае никто не выйдет из класса. Мы останемся здесь до тех пор, покуда виновный не признается. Хоть до полуночи будем сидеть! А теперь вернемся к нашим занятиям.

Виновник тем временем потихоньку поднялся, вышел из своего укрытия и, никем не замеченный, прошел мимо сорока пар глаз (мимо сорока одной пары, если считать глаза учителя), достиг двери, открыл ее...

— Господин учитель, дверь! Она сама открылась...

Глава третья, в которой госпожа Кошелка перебранивается с кондуктором трамвая

Тонино не стал дожидаться, чем кончится дело и что на этот раз скажет господин учитель; с быстротой молнии проскользнул он в коридор, сбежал вниз по лестнице, толкнул школьного сторожа, который пришел в изумление, так и не обнаружив, кто же едва не сбил его с ног. И вот Тонино наконец на улице, он вскакивает в отходящий трамвай.

За билет он, конечно, не стал платить: нет на свете такого контролера, который смог бы заставить уплатить за проезд невидимого пассажира. «До чего ж хорошо быть невидимкой!» — вздохнут мои читатели. Можно бесплатно ездить не только на трамваях, но и в поездах, в самолетах... Можно совершить путешествие к островам южных морей, можно схватить за бороду пирата, не подвергая себя риску или опасности... Даже акулы не смогут тебя видеть... Можно взобраться на спину акулы и выдрать у нее плавники...

Но не станем забегать вперед. Приключения Тонино-невидимки еще не окончены. Подождем немного, прежде чем решить, стоит ли ему завидовать. Я не совсем уверен, что ему до конца все будет сходить гладко. Поживем — увидим.

В вагоне было два свободных места. Тонино сел на одно из них, другое заняли на следующей остановке. На третьей остановке село много народу, и толстая дама с большой кошелкой, полной овощей, поспешила к месту, которое казалось ей свободным, хотя на самом деле его занимал наш Тонино.

Первым делом даме захотелось поставить кошелку на сиденье, но кошелка на полпути повисла в воздухе.

— Ах! — воскликнула госпожа Кошелка в полнейшем изумлении.— Такого со мной еще не бывало.

Тонино пристроил кошелку у себя на коленях: морковь, картошка, яблоки, груши, салат и прочая зелень теперь, казалось, повисли на не слишком большой высоте, подобно шару, из которого выходит воздух.

— Это еще что за шутки? — закричала госпожа Кошелка, обращаясь к кондуктору.

— Что, снова кто-то натыкал булавок в сиденье?

— Нет, вы сами взгляните: место свободно, а я не могу поставить на него свою кошелку.

— Это все трамвайная дирекция придумывает, чтоб мучить пассажиров! — намекнул чей-то злой голос.

— Что ж, кондуктор, поможете вы мне занять это место или нет?

— Вы, милая моя, пожалуй, потребуете, чтоб я вам и картофель чистил. Неужели сами не можете усесться?

— Нахал! Как вы смеете со мной так разговаривать! Да знаете вы, кто я такая?..

Тонино пристроил кошелку у себя на коленях.

— Я-то знаю! Вы из тех пассажирок, которые заставляют меня терять время на совсем не остроумные шутки...

— Да знаете вы, кто мой муж?

— Нет, госпожа, не знаю. Вы меня с ним познакомьте.

— Вот наглец! Да знаете вы, кто мой брат? Он вас в два счета с работы уволит.

Услышав об увольнении, кондуктор со злостью стукнул билетной лентой по сиденью.

— Это вы кого увольнять собираетесь?

Тут начался немалый беспорядок. Пассажиры разделились на две партии: одна часть злилась на трамвайную дирекцию и обвиняла ее в том, что в трамвай допускают привидения, которые мешают пассажирам ездить с удобствами; другая часть отнеслась к происшествию весело, увидев в нем предлог для смеха.

— Там, должно быть, сидит марсианин: говорят, что все марсиане — невидимки.

— Их и на самом деле никто не видел!

— Может, это лунатик? Ведь даме показалось, что на нее что-то с неба свалилось.

— Дайте-ка я на это место сяду,— сказал со смехом один толстяк.— Вот увидите, я раздавлю марсианина в лепешку.

Тонино быстро прикинул, что в новом противнике не менее ста килограммов веса.

«Беда! Он превратит меня в кашу!» — решил мальчик, и, прежде чем толстяк успел осуществить свое намерение, Тонино вскочил со своего места и быстро направился к выходу, локтями пробивая себе дорогу среди пассажиров, толпившихся в проходе.

Толстяк крикнул:

— Раз, два, три!..— и с размаху повалился на сиденье, которое едва не обрушилось под его тяжестью.

— Хорошо! Молодец! — закричали пассажиры из партии шутников. Кто-то даже захлопал в ладоши.

— Вот видите, госпожа? — насмешливо произнес кондуктор.

Госпожа Кошелка стала красней перца, который торчал из ее сумки, и на следующей остановке с видом оскорбленной принцессы вышла из вагона. Вышел и Тонино-невидимка. Должен сказать правду: он не испытывал угрызений совести за свой очень дурной поступок.

Толстяк с размаху повалился на сиденье.

Может быть, впоследствии Тонино пожалеет о нем, может быть, он научится уступать место женщинам в трамвае, я не считаю его совсем уж негодным мальчишкой. Но в ту минуту Тонино испытывал не угрызения совести, а другое чувство, которое он и сам не знал, как назвать: аппетитом или голодом.

«Нет, это голод,— решил он,— причем голод настоящий и опасный».

Глава четвертая, в которой нехорошо отзываются о дедушке бухгалтера Паллотти

А тут еще прямо перед ним оказалась витрина кондитерского магазина, в которой выставлены напоказ сокровища из шоколада и

взбитых сливок. Тонино решил войти в магазин.

Признайтесь, что и вам иногда хотелось незаметно пробраться в кондитерскую и стать полным хозяином всех ее чудес.

Как раз в таком положении оказался Тонино, и он не замедлил им воспользоваться, чтобы стащить самые аппетитные и привлекательные на вид пирожные. Прошло всего несколько минут, как он уже устал жевать. Ведь даже невидимка не может съесть целую кондитерскую. Устало и нехотя протянул он руку, чтоб взять еще один глазированный каштан, как вдруг раздался сухой и строгий голос продавщицы:

— Ни с места! Стойте! Что вы делаете? Тотчас же положите обратно этот каштан...

Тонино так поспешно положил на место глазированный каштан, словно в руке у него было какое-нибудь ядовитое насекомое.

«Попался! — подумал он.— Наверное, я уже перестал быть невидимкой. Теперь меня, конечно, арестуют и посадят в тюрьму».

Тонино в растерянности поднял глаза на продавщицу, но, к немалому своему удивлению и облегчению, заметил, что она указывала пальцем совсем в другую сторону, туда, где стоял маленький и очень прилично выглядевший господин с усиками.

— Это вы ко мне обращаетесь? — спросил господин с усиками (скоро мы узнаем, как его зовут).

— Именно к вам! Я видела, все видела! Не успела отвернуться, как вы попытались стащить глазированный каштан. Я все видела в зеркало. И стоило мне крикнуть, как вы отпустили свою добычу.

— Добычу? — пробормотал господин с усиками, едва дыша от негодования.— Добычу? Вы меня, должно быть, за пирата приняли! Так знайте же: перед вами бухгалтер Паллотти! Запомните это!

— Буду помнить, на носу себе зарублю. Вот видите, даже записываю вашу фамилию, чтобы сообщить полиции. Будь вы хоть трижды бухгалтер, никто не разрешит вам воровать пирожные!

«Как хорошо! — трусливо подумал Тонино.— Значит, я еще невидимка. Какое счастье! Чуть было не угодил в тюрьму».

— Это я ворую пирожные? — воскликнул невинно обвиненный и стал бить себя в грудь кулаком.— Так знайте же, что я десять лет покупаю в этой кондитерской, а мой дедушка еще до вашего рождения приходил сюда пить кофе с рогаликами.

— Знать ничего не желаю о вашем дедушке! Вас-то я приметила!

— Ты еще вдобавок моего дедушку оскорбляешь! — крикнул, уже совсем выйдя из себя, бухгалтер Паллотти.

— Что здесь происходит? — спросил хозяин кондитерской, который выбежал из другого зала и теперь локтями расталкивал покупателей, с удовольствием наблюдавших за происходящим.

— Он пытался украсть пирожное,—поспешила объяснить продавщица.

— Ничего подобного! Это она оскорбила моего дедушку, нотариуса Джованни Баттиста Паллотти, который в этом, как и во многих других городах, слывет честнейшим человеком, доблестным патриотом, примерным отцом и мужем!

Короче говоря, ссора разрасталась. Число принимавших в ней участие росло. Все говорили одновременно, и уже ничего нельзя было понять.

Бухгалтер Паллотти неистовствовал. Вот почему его забрали первым, как только при-

Тонино не замедлил воспользоваться этим положением, чтобы стащить самое аппетитное пирожное.

Двое полицейских схватили бухгалтера Паллотти за руки, а третий отнял у него зонтик.

была полиция. Двое полицейских схватили его за руки, а третий отнял у него зонтик, которым он грозился избить бедную продавщицу. Затем его силой вытащили из кондитерской.

Тонино хотелось объяснить, как все получилось, он жалел бедного бухгалтера Паллотти и его дедушку — нотариуса Паллотти. Но для этого пришлось бы честно признаться, что он сам украл пирожные. Как трудно порой бывает сказать правду! Жаль! Тонино не сказал правды. Можете ругать его, можете обращаться с ним, как с лгунишкой, он этого заслуживает, а я тут ничего не могу поделать,— нужно все рассказать, как было на самом деле. Я уж не говорю о том, что за историей с пирожными последовало происшествие в кино.

Тонино-невидимка, чтобы позабыть о пережитом страхе и стыде, решил пробраться в кино. Нужно сказать, что во всем городе только одно это кино и бывает открыто по утрам; я не скажу вам, где оно помещается, а не то у вас может появиться желание заглянуть туда вместо школы: ведь фильм из жизни индейцев может вам показаться интереснее истории древнего Рима или десятичных дробей. Тонино забрался в кресло и, увидев, как бешено мчатся по экрану ковбои на необъезженных лошадях, решил позабыть о всех своих бедах.

Заплатил ли он за билет? Конечно, нет: ведь он невидимка, ни один контролер не может взять его за воротник и любезно проводить до кассы, как непременно поступит он с вами, если вы попробуете проскользнуть в кино без билета.

Но переживания сегодняшнего утра оказались слишком сильными для Тонино. Не успел он усесться в кресло, как глаза, не спросив у него разрешения и даже не поставив его в известность, закрылись сами по себе. Одним словом, он заснул и ничего не увидел, а проснувшись, едва успел досмотреть свадьбу ковбоя и женщины с золотыми волосами (кстати, почему в конце фильма ковбои обязательно женятся? Неужели они не могут придумать ничего более интересного?).

Тонино взглянул на часы своего соседа. Половина первого. «Ребята как раз выходят из школы,— подумал он.— Если поторопиться, я еще успею часть дороги пройти вместе с ними».

(Окончание в следующем номере)

Над Тиссой-рекой

Ю. НОВИКОВА

Рисунки Н. Кирпичевой.

Начинается сказка с бедного человека.

Звали его Иванко, и жил он в горах — высоко-высоко, под самым небом. И прослышал он, что есть где-то царь, которому надо сделать двенадцать стульев и тринадцатый в придачу. И все из одной доски.

Пришел Иванко к тому царю. Потребовал доску из явора — дерева, которое податливо под ножом, как масло,— и заперся в мастерской.

Миновал год. Входит царь в мастерскую.

— Ну, мастер, где мои стулья?

А сам видит, что ни единого стула в мастерской нет и только стоит в углу преогромная палица.

— Вот вам стулья,— говорит Иванко и подает царю палицу.

— Такие-то ты мне стулья сделал! — вскричал царь.— Знай: быть тебе короче на голову!

А Иванко взял из рук царя палицу, раскрутил винты, и из палицы начали растягиваться, как гармоника, двенадцать стульев и тринадцатый в придачу. Да и стулья-то не простые, а сплошь покрытые хитрой резьбой...

И посулил царь Иванке в награду за его мастерство золото и почести. Но Иванко от всего отказался. Он потребовал только, чтобы царь освободил девушку, замурованную в стене дворца. Взял Иванко красавицу за руку и повел ее к себе домой, в горы. Стали они там жить да поживать...

И сказка окончена.

Этими словами, как оно издавна повелось у гуцульских сказочников, заключают предание об Иванке седоусые чабаны, сидя вечером у костра на высокогорном пастбище — полонине. Сказку о мастере Иванке рассказывают карпатские лесорубы — бокораши, те, что летом гоняют плоты по Тиссе и другим стремительным горным рекам, а зимой отдыхают от удалого своего ремесла... И, прерывая сказку, хозяин иной раз усмехнется чему-то и обведет глазами свою горницу.

Почему же гуцулы — украинцы, живущие в Карпатских горах,— так любят эту сказку об искусном мастере?

Зайдите в гуцульский домик, красиво обшитый светлым деревом, в комнату, где стоят резные деревянные сундуки — скрыни — и стелется по полу «килим» — узорчатая дорожка,— где на затейливо выточенных полках рядом с покупной посудой блестят яркой, цветистой глазурью глиняные тарелки и «збанки» — кувшины,— и вы сами ответите на этот вопрос.

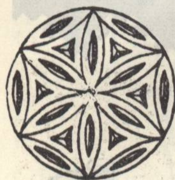

Под сенью Карпатских гор выстроились беленькие домики города Рахова.

Чудесным орнаментом — резным, вышитым, рисованным — украшены почти все вещи в гуцульском доме: кафели печки и рушники — полотенца, люлька — трубка, которую курит хозяин, и глиняная игрушка, которой забавляется его маленький сын.

Все это смастерил и изукрасил сам хозяин, его жена, его дед, его бабка или же другой, такой же человек из народа — резьбарь, гончар, живущий в соседнем селе. Нет числа на Гуцульщине искусным мастерам-самородкам, достойным правнукам легендарного Иванко.

Взгляните на эти скромные рисунки. Перед вами «колоски», «крестики», «кривульки». Из этих фигурок составляется орнамент на деревянных блюдах и мисках. Правда, они очень просты? Да и число их невелико: кроме тех, что изображены здесь,— всего несколько, можно по пальцам пересчитать. Но подобно тому, как композитор создает из семи звуков гаммы все новые и новые выразительные мелодии, так и гуцульские резьбари сплетают из этих фигурок орнаменты удивительной прелести. Вглядитесь внимательно в деревянное блюдо, изображенное на обложке, и вы сами почувствуете его строгую и простую красоту.

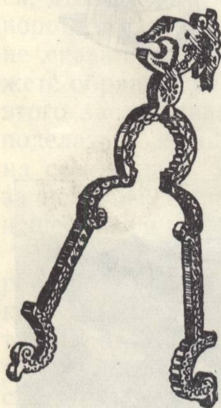

А внизу вещица совсем иного характера: причудливая, забавная, но, конечно, тоже красивая. Верно ведь, эти деревянные щипцы для орехов похожи на какое-то сказочное существо? Сколько тут выдумки, сколько веселой изобретательности! Должно быть, вытачивая эти щипцы, мастер сам улыбался, и, возможно, работая над ними, он в то же время рассказывал ребятам смешную и немного страшную сказку, каких много сложено в Карпатских горах.

Горы дают мастеру множество отличного дарового материала. Тут глина, камень, металл, оленьи рога, тут кожа и овечья шерсть. Гуцулы издавна занимаются охотой и скотоводством. Мастер использует всё: из кожи он делает великолепные сумки, пояса, конскую сбрую с металлическими украшениями, он режет по камню, мастерит вещи из оленьего рога...

И все же любимым материалом гуцульского мастера было и остается дерево.

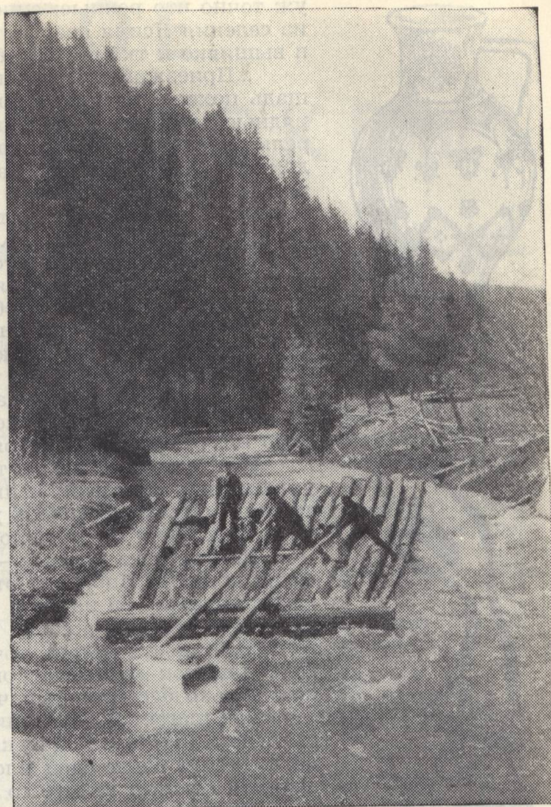

Праздничный день в селе Ясиня. Гуцулы танцуют свой любимый танец — «Колыбийку».

Гигантские сосны — смереки — и густолиственные буки осеняют склоны лесистых Карпат. Но нет для резьбаря ничего милее явора, того самого явора, который потребовал от царя Иванко. Недаром же село, где живут самые знаменитые гуцульские резьбари, так и называется — Яворово.

У яворских мастеров свой славный предок. Лет сто назад жил в Яворове неграмотный человек — Юрко Шкрибляк, слух о котором шел по Тиссе-реке, по всем Карпатам и Закарпатью. Он был резьбарем и токарем, и, хотя его чудесные изделия можно было купить за гроши, люди понимали их истинную цену.

По стремительным водам Черной Тиссы умело направляют свой тяжелый плот сплавщики.

На деревянных тарелках и шкатулках, которые делал Юрко, не было ни одного пейзажа, только орнамент. Однако же в строгой красоте этого орнамента было что-то родственное строгой красоте Карпатских гор.

На это мне хочется обратить ваше внимание. Не только материал, не только сырье дают гуцулам их родные горы. Величавая красота Карпат, хмурые обрывистые кручи, которые внезапно сменяются приветливыми долинами, зелень пастбищ — полонин, особенно свежая и блестящая в прозрачном горном воздухе темная хвоя над пенистыми речками — все это будит воображение, воспитывает глаз и заставляет мастера делать вещь не только удобной, но и красивой.

Могучая красота родного края влияла на Юрка Шкрибляка. Она воздействует и на современных мастеров из народа — на братьев Карпанюков, на Петра Гождурака — резьбарей, которые живут и работают в Яворове.

Если Яворово знаменито резьбой по дереву, то стоит гуцулу произнести название «Космач», и он сейчас же представляет себе прекрасную глиняную утварь. Космач славен своими гончарами. Сделанная здесь посуда — глиняные тарелки, «збанки», «колачи» (кувшины в виде круга) — расходится по другим селам и городам. Впрочем, надо сказать, что все гончарные изделия на Гуцульщине очень красивы. Они расписаны весело, ярко, но эта яркость не режет гла́за. Форма их разнообразна. Посмотрите хотя бы на «колач», изображенный на 63-й странице, или же на тарелки и другой «колач» и «збанок» — на обложке журнала.

Любимые красочные сочетания гуцульских гончаров — зеленое с белым: цвета полонины, на которой пасутся овцы. Так ведь и поется в старинной пастушьей песне:

У зеленій полонинці, в зеленій, зеленій
Стоїть стадо біленьке, вівці не доені.

Впечатления, близкие сердцу гуцула-чабана, сказываются не только в окраске сосудов, но и в форме их. Издавна распространены здесь «збанки» в виде баранов — один из таких «збанков» вы видите на следующей странице.

Это все — мастерство мужчин. Ну, а женщины, девушки?.. Что ж, гуцулки не уступают в искусстве мужчинам. Едва ли не каждую из них можно назвать мастером вышивания — так умело, с таким врожденным художественным чутьем прокладывает она на ткани яркие узоры. Вышивают гуцулки чаще всего «крестиком» в сочетании со «шнурком», «сосновкой», «елочкой» и другими известными всем швами. Но есть у гуцулок совсем особый, свой способ. Это так называемая «ныз», когда вышивальщица прокладывает основной узор — красный или черный — с изнанки, а с лица вышивает всеми другими цветами. При этом получается очень сложный орнамент, в котором цветные пятна эффектно выделяются на красном или черном фоне. Образцы гуцульских вышивок вы можете увидеть на обложке.

Красный и черный цвет принято считать цветами, характерными для гуцульской одежды. Но это не всегда так. Правильнее будет сказать, что в каждом гуцульском районе свои любимые цвета. В Космаче, о котором мы упоминали, предпочитают теплые, солнечные краски, а в селе Рики тона холодные,

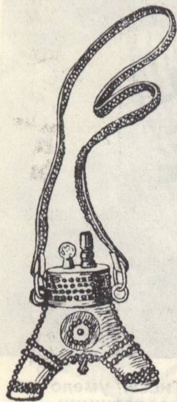

уж точно что речные: сине-голубой, серо-зеленый, лиловатый... Костюм девушки из селения Ясиня сверкает алым и желтым. В Рахове одеваются темнее — здесь в вышивке и тканях преобладают темно-зеленый, темно-красный, черный цвета.

...Приезжайте в Рахов или в Ясиня в праздничный день. В этот день площадь похожа на цветистый луг. Парами и группами прогуливаются по ней нарядные девушки. Самотканная материя, из которой сшиты их юбки-запаски, переливается золотом, как парча. Запаски — два фартука, они повязываются поверх длинной белой сорочки. Как великолепны эти праздничные сорочки! Полосы вышивки сверкают у ворота и на вставках, вшитых чуть пониже плеча. Какие неожиданные сочетания: вот оранжевые ромбы на густочерном фоне, вот золото, серебро, цветной бисер!.. А поверх сорочки надет кептарь — кожушок-безрукавка из белой овчины, краса и гордость гуцулки. Как причудливо изукрашен он аппликациями из кожи и сафьяна, шнурками, кистями, металлом, цветным стеклом, серебром! Сколько тут изобретательности, сколько своеобразного, смелого вкуса!..

«Перемитки» — головные повязки — тоже богато вышиты на концах. Впрочем, «перемитки» встречаются все реже, теперь гуцульские девушки, как и вы все, в летнюю пору ходят чаще всего с непокрытыми головами.

А парни!.. Их одежда по яркости не уступает женской. Так же цветисто вышиты их рубахи, так же причудливо отделан кептарь. Живописно накинут на одно плечо суконный «серяк», на поясе лихо побрякивает люлька.

Кое у кого в руках топорец — палка с ручкой в виде топора, резная или украшенная металлом и инкрустацией. В прежнее время такой топорец служил также и оружием. Теперь у него одно назначение: помогать при крутых горных подъемах. Поэтому у молодых его увидишь редко.

Но никто из гуцулов — ни молодой, ни старый,— как и прежде, не расстается со шляпой. Иной раз это даже велюровая шляпа, купленная в магазине, но гуцул надевает ее на свой манер. Поля шляпы непременно опущены, как у старинной «кресани», а сбоку приколот пучок барвинка, павлинье перо и чаще всего белый, жестковатый, точно вырезанный из фетра цветок эдельвейса. Эдельвейс — цветок мужества; он растет на отвесных скалах, добраться до него может только бесстрашный человек.

Так шагает по праздничной улице гуцул — крепкий, статный. Все в его живописном костюме подчеркивает ловкость горца, силу лесоруба, отвагу плотогона, который ведет свой плот по крутому водопаду, то погружаясь по колена в воду, то взлетая вместе со своим плотом на воздух, как лыжник, прыгающий с трамплина.

Но у этого силача и удальца острый глаз и искусная рука художника, который создает и будет еще создавать все более чудесные, радостные вещи. Нет, не правы старики: сказка о мастере Иванко не окончена. Лучшие, блистательнейшие ее страницы еще впереди.

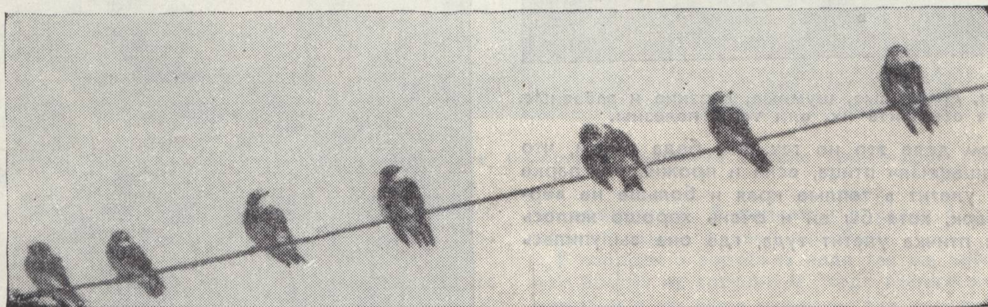
ПЕРНАТОЕ НАСЕЛЕНИЕ МОСКВЫ

П. СМОЛИН

Фотографии Ан. Анжанова, А. Моравова, Н. Немнонова.

В народных сказках встречается образ юного богатыря, который растет не по дням, а по часам. Со сказочным богатырем можно сравнить Москву: она неслыханно быстро растет и меняет свой облик. Вздымаются в небо стройные башни высотных зданий, вырастают целые улицы новых многоэтажных домов, на пустырях возникают скверы и парки. Ежегодно в Москве высаживаются десятки и сотни тысяч молоденьких и многолетних деревьев, миллионы кустарников.

Но, сажая деревья, нужно заранее думать о тех, кто будет их защищать от жуков, личинок и гусениц. Защитники эти — птицы! Веселые, милые певуньи птицы — великие труженицы, они неустанно истребляют врагов зеленого мира — деревьев, кустов и трав.

Приходилось ли вам видеть такую картину? Ласточки, словно бусины, усеивают провода.

Мне хочется рассказать вам, ребята, какая огромная работа ведется Московским Советом, работниками городского ветеринарного отдела и учеными для того, чтобы птицам хорошо, привольно жилось в Москве, чтобы они не пролетали мимо московских садов и парков, чтобы год от года многочисленнее становилось пернатое население нашей столицы.

ЗАПОВЕДНИКИ В ПАРКАХ

Есть в Москве парки (Главный ботанический сад Академии наук в Останкине, лесная дача Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева), где давно гнездятся птицы, потому что здесь заботятся о них.

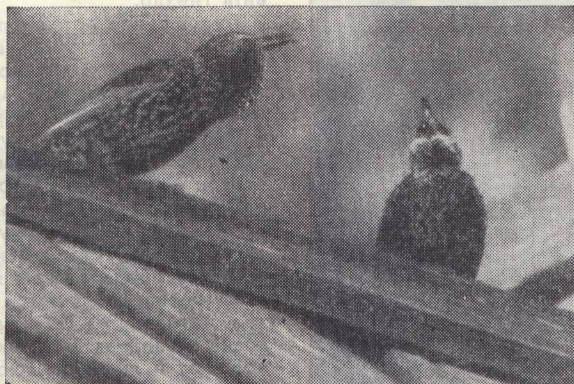
А вот как быть с садами и парками, где птицам очень уж беспокойно, где бывает много народу, где птичьи гнезда часто разоряют? Не закрывать же парки для людей!

В таких парках для птиц устраивают заповедные участки, где они чувствуют себя в полной безопасности.

Кроме безопасности и покоя, птицам нужны еще и «удобства»: надо, чтобы там были деревья и кустарники, подходящие для постройки птичьих гнезд. На таких участках сажают ветвящиеся кустарники, лучше всего колючие, вроде боярышника и шиповника. Кустарники защищают птиц от ворон и кошек.

Концы веток на кустарниках подрезают. Куст с подрезанными ветвями становится гуще, и птицам легче выбрать в нем подходящую развилку для гнезда, удобнее укрываться от врагов. Сажают на этих участках и кустарники, на которых могут кормиться птицы.

В эти парки придется переселять птиц. Но не думайте, что это так просто. Поймали, скажем, вы птицу, перевезли в парк, подержали ее некоторое время в просторной вольере, пока не привыкнет, и выпустили на свободу. Вот одним пернатым жильцом и стало больше в парке!

Пара скворцов на коньке крыши выводит свою веселую песенку. Впрочем... не свою. Вслушиваясь в пение скворца, вы можете вдруг узнать крик иволги, щебет ласточки, мяуканье кошки и даже... посвист мальчишек — разорителей гнезд.

Воробушки, драчливые, шумные, дерзкие и забавные. Не обижайте их, они тоже полезны.

На самом деле это не так. Вся беда в том, что ваша «подшефная» птица, если и проживет в парке до осени, улетит в теплые края и больше не вернется в парк, хотя бы ей и очень хорошо жилось там. Ваша птичка улетит туда, где она вылупилась из яйца.

Не зря долбит дятел кору. Толстая, жирная личинка — награда за труд.

Как же быть? Выходит, в новых садах никогда не поселятся птицы?

Много пришлось поработать биологам, чтобы справиться с этой задачей.

Оказывается, лучше всего переселять птиц семьями: птицу-мать вместе с выводком или птенцов с птицей-«кормилицей».

Как же происходит это переселение?

Отлавливают птицу-мать и помещают ее в одной клетке с выводком. Мать и в неволе продолжает выкармливать свое потомство. То же происходит, если к кормящей птице подсадить чужих птенцов.

Когда за несколько дней она привыкнет к клетке, клетку переносят на новое место, дают птице оглядеться, а потом открывают клетку. Птица-мать и на новом месте продолжает выкармливать своих птенцов, а они, вылетев на свободу, будут считать его своей родиной и обязательно вернутся сюда весной вить гнездо.

Щегол — щёголь, один из самых желанных зимних постояльцев для наших парков. Обеспечивайте ему сытую зиму.

То же самое произойдет, если перенести на новое место больших, оперившихся птенцов и подержать их в клетке или вольере до тех пор, пока они не начнут летать, а потом выпустить их на свободу. Весной они обязательно вернутся сюда же.

Уже несколько лет научный сотрудник Дарвинского заповедника Н. Н. Титаева занимается привлечением славок — красиво поющих насекомоядных птиц, гнездящихся обычно в кустарнике.

Оказалось, что если у молоденьких березок срезать вершину, то славки охотно устраивают свои гнезда в образовавшихся развилках.

В московских садах и парках встречаются, а иногда и гнездятся две различные славки — черноголовка и садовая, или смородинка. Обе они прекрасно поют и выкармливают птенцов насекомыми. Количество этих птичек в наших садах и парках можно увеличить.

В высокой траве между стволиками кустарниковой чащи может свить гнездо прекрасная певунья — садовая камышевка, которую довольно часто путают с соловьем.

Грачевник — тесная и дружная колония. Не разоряйте грачиные гнезда. Грач — друг садов.

Многих интересует вопрос: можно ли добиться того, чтобы в заповедных участках поселились соловьи?

И это возможно. Только надо иметь в виду, что соловей гнездится на земле или у самой земли. Он будет чувствовать себя спокойно на участке, недоступном для кошек и мало посещаемом людьми. Кроме того, соловей любит сравнительно влажные (но не сырые) места, расположенные недалеко от воды.

Гнездятся на земле и пеночки, и они тоже нуждаются в первую очередь в защите от всевозможных врагов.

Довольно много певчих птиц — зяблик, щегол, пересмешка, иволга — гнездится на деревьях. Гнезда всех этих птиц надо оградить от ворон и кошек и от тех мальчишек, которые разоряют птичьи гнезда.

ПТИЦЫ-МОСКВИЧИ

Это домовый и полевой воробьи, стриж, городская ласточка, серая мухоловка, белая трясогузка, грач, галка, серая ворона и сизый голубь.

Лет восемь назад в Москве было мало сизых голубей, Но число их растет, и теперь в центре Москвы живет много голубей. Москвичи любят этих мирных, доверчивых птиц.

Довольно часто раздаются голоса, что воробьи — птица вредная и о ней вовсе не надо заботиться. Но те, кто так говорит, забывают, что одна и та же птица в различных условиях может быть и вредной и полезной. И если жители нашей лесостепной полосы справедливо считают полевых воробьев вредителями посевов, а в Средней Азии по этой же причине приходится считать вредным домового воробья, то в Москве и в других городах домовые воробьи — основные защитники зеленых насаждений от вредителей. В парках и в садах в первую очередь полезен полевой воробей.

В городах о воробьях надо так же заботиться, как и о других их сородичах. Надо переселить полевого воробья в те сады и парки, где его еще нет. При этом надо иметь в виду, что он хорошо выкармливает подложенных ему птенцов певчих птиц.

В старых каменных зданиях Москвы живет много стрижей, неутомимых летунов, истребляющих за период выкармливания молодняка миллиарды мух. Стрижам помогают городские ласточки, серые мухоловки и белые трясогузки. Этих птичек смело можно назвать «активистами здравоохранения». И вот они-то сейчас переживают большие «квартирные затруднения». В новых, железобетонных домах стрижам и ласточкам негде гнездиться, и на залитых асфальтом улицах им не найти комочков грязи для своего гнезда, поэтому городские ласточки ушли из центра на окраины Москвы.

Плохо с жильем в городе и для мухоловок и белых трясогузок.

Но, конечно, и этому горю можно и надо помочь.

Меньше стало в Москве и шумных колоний грачей. Очень часто гнезда грачей беспощадно уничтожают, распугивают этих полезных птиц выстрелами. Вы, ребята, должны позаботиться о грачевниках и их обитателях, хотя бы на окраинах Москвы.

И галка перестает гнездиться в Москве. Только зимой громадные стаи галок и ворон слетаются на ночевку в город.

Галки не менее полезны, чем грачи, и очень важно, чтобы они гнездились в городе. Но сделать это не так просто. Галка — птица старозаветная: она любит гнездиться на колокольнях и в дуплистых деревьях старых липовых парков. В молодых скверах и парках, наверно, еще не скоро появятся дупла для гнездования галок. Для них нужно развешивать искусственные гнездовья — галочники. Нашим галкам

гнездовья не развешивают, и они не имеют никакого представления о галочниках, их придется еще приучать к ним.

Из всех птиц только одну ворону можно считать вредной. Зимой в Москве появляется множество ворон, и они никому не вредят, питаясь различными отбросами. Но зимующие в Москве вороны могут приносить большой вред в других местах, истребляя молодняк охотничьих птиц. Особенно вредны вороны весною, когда они беспощадно уничтожают яйца и птенцов других птиц.

Учет зимующих врановых, который проводят московские натуралисты, поможет выяснить, насколько вредны вороны.

ДВА ПРАЗДНИКА

Наверно, многие из вас, ребята, строили птичьи домики к весеннему прилету птиц. Встреча крылатых гостей стала у ребят веселым и радостным праздником, к которому по всем школам развертывается «птицестрой».

Но ведь зимним жителям садов и парков ничуть не меньше, чем летним, нужны наша дружеская забота и помощь. Вот почему московские юннаты решили праздновать еще один, осенний праздник, и назвали они его «Днем встречи зимующих птиц».

На открытии этого праздника юный биолог Галя Мазанцева рассказала о своих наблюдениях над певчими птицами, которые зимовали в открытой вольере зоопарка в суровую зиму 1956—1957 года. Оказалось, что при хорошем питании перелетные птицы хорошо перенесли зиму на открытом воздухе. Птиц гонит на юг не холод, а голод и темнота. В Москве и Подмосковье для них зимой достаточно света, но не хватает пищи. Подкормка помогает пернатым птицам пережить трудную для них зиму.

В парках Главного ботанического сада Академии наук, на лесной даче Тимирязевской сельскохозяйственной академии и в других местах уже несколько лет подкармливают птиц. Это можете делать и вы, ребята. Мне хочется дать вам несколько советов.

Кормушки устраивайте в спокойных местах, посещаемых птицами. Но мало устроить кормушку — надо следить, чтобы ее не засыпало снегом, и почаще подсыпать в кормушку корм.

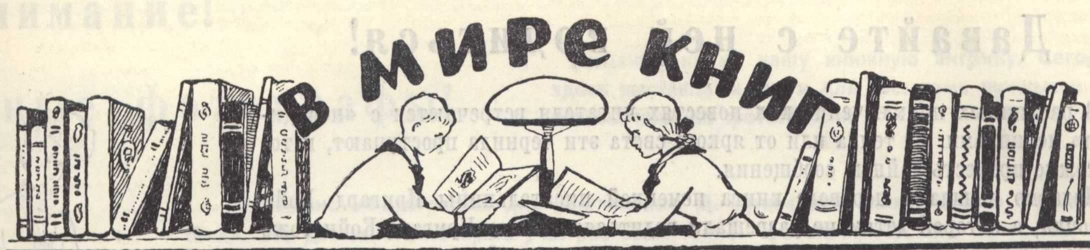
Самое трудное — приманить птиц на кормушку. Для того, чтобы приучить их, можно повесить около кормушки клетку с птицей, и она своим голосом приманит вольных птиц. А когда они обнаружат в кормушке приготовленный для них корм, они и сами станут прилетать. Тогда клетку с птицей можно убрать.

Постарайтесь привлечь на кормушку различных синиц и поползня. Зерноядные птицы, выкармливающие своих птенцов насекомыми, — щеглы и снегири — тоже желанные гости птичьей столовой.

Внимательно наблюдая за посетителями птичьих столовых, вы узнаете много интересного о них, а главное, поможете увеличению пернатого населения московских садов и парков.

Поползень прилетел в столовую. Приятного аппетита, пичуга! Ребята позаботились о тебе.

КНИЖКА ПРО УДИВИТЕЛЬНЫЙ НАРОДЕЦ

Не солдат, а воюет. Не инженер, не рабочий, а строит. Не крестьянин, а скотину держит. Не человек, а живет коммуной. Стоп! Не читайте дальше, пока не отгадаете эту загадку.

А тем ребятам, которые не отгадали, уж так и быть, скажем сами. Это муравей. О том, как живут муравьи, рассказывает в своей интересной книге профессор П. И. Мариковский. Вы уже познакомились с этим ученым, ребята, когда на страницах нашего журнала он делился с вами увлекательными приключениями и открытиями, которые выпадали на его долю во время энтомологических экспедиций в горах и пустынях Средней Азии.

Книга П. И. Мариковского называется «Муравей-путешественник». Прочитав ее, вы не только узнаете много нового о муравьях. Вы поймете, как интересно наблюдать жизнь этого маленького народца и как, в сущности, несложно вести такие наблюдения тому, в ком есть упорство, терпение и пытливость.

Может, и вы попробуете?

К ЧУЖОМУ СОЛНЦУ

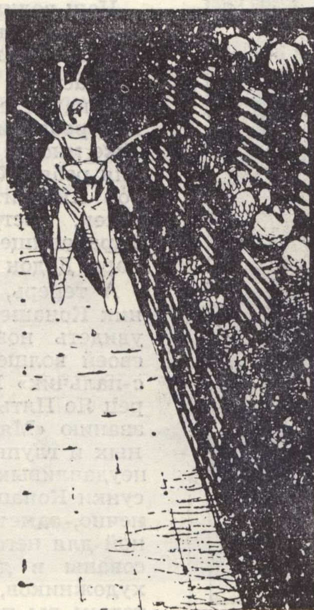
Два астронома, сотрудники Памирской высокогорной обсерватории, обнаруживают на звездном небе блестящую точку, передвигающуюся относительно звезд. Что это? Астероид? Комета?

Дальнейшие наблюдения показывают, что это и не комета и не астероид. Это — большое небесное тело размером с Землю. Это чужая планета, ворвавшаяся в пределы солнечной системы из далеких межзвездных пространств Галактики. Ученые дают ей имя: Немезида.

Так начинает писатель Георгий Гуревич свою научно-фантастическую повесть «Прохождение Немезиды».

Не станем рассказывать, что случилось дальше. Вам тогда будет не так интересно читать повесть. А прочесть ее может каждый, не дожидаясь даже, пока она выйдет отдельной книгой. Ее печатал журнал «Юный техник» в №№ 5, 6, 8, 9 и 11 за 1957 год.

Не только ребята, но и многие взрослые с нетерпением ждали очередного номера «ЮТа», чтобы узнать, что же случилось дальше, как там развиваются события с Немезидой, чем все окончится.

«Прохождение Немезиды» можно было бы назвать «Спасением Немезиды», потому что здесь речь идет о судьбе планеты, которая обращается вокруг угасающей звезды.

Ребята нередко с затаенной тревогой задают нам в своих письмах вопрос: «Правда ли, что когда-нибудь погаснет наше Солнце? Что же тогда будет с Землей и ее обитателями, раз Солнце — источник жизни?»

Солнце погаснет не скоро, ребята! Оно будет согревать Землю в сотни тысяч раз большее время, чем то, которое Земля уже существует. А за эти сотни биллионов лет человечество достигнет таких высоких ступеней развития науки и техники, что найдет способ спасти жизнь на планете. Судьба фантастической планеты Немезиды — одно из возможных решений этой задачи. Прочитайте повесть — и вы узнаете, какое.

Давайте с ней водиться!

В различных приключенческих повестях читатели встречаются с «невидимыми» чернилами. От тепла или от яркого света эти чернила проступают, и тогда можно прочесть тайные сообщения.

Недавно вышла в переводе книга немецкой писательницы Ирмгард Койн «Девочка, с которой детям не разрешали водиться». Книга Ирмгард Койн тоже как бы написана тайнописью. Но, чтобы раскрыть эту тайнопись, вам не надо ни нагревать, ни облучать страницы. Надо просто внимательно, вдумчиво читать — и написанное между строк открывается проницательному читателю.

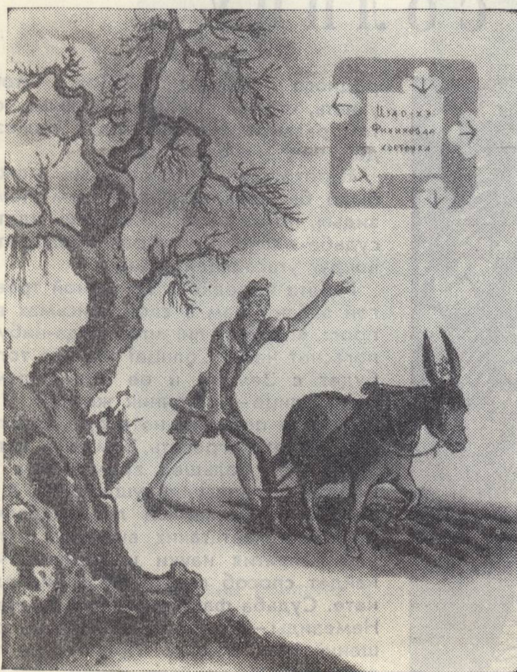
В книге главная героиня — девочка. На первый взгляд, речь идет об ее озорных выходках, об ее злоключениях и проказах. Но, читая внимательно, вы вдруг обнаруживаете, что это книжка и о взрослых. Мысли и поступки девочки, как в зеркале, отражают мир взрослых, живущих в капиталистической стране, думающих, чувствующих и действующих по законам и обычаям капиталистического мира.

Читая повесть, вы начинаете понимать, как отвратителен и враждебен всему хорошему и честному этот мир. А девочка, с которой буржуазные лицемеры не позволяют водиться,— на самом деле добрая, искренняя и милая, несмотря на все свои проделки.

Вы, конечно, будете с ней водиться и дружить, как вы дружите с Томом Сойером, Гекльбери Финном, Волькой-ибн-Алешей Костыльковым и многими другими героями ваших любимых книг.

Сказки нашего друга

Говорят, в сказках — душа народа, его мудрость. Это справедливо. Вот выпущенный Детгизом сборник китайских народных сказок: «Сказки старого Сюня». Они складывались веками, рассказывались по селам и городам Китая бродячими сказочниками — шошуды. Герои китайских сказок борются за справедливость и счастье, против жадных богачей и жестоких правителей. В борьбе им помогают и волшебные предметы, и волшебные звери, и собственный ясный разум.

Наш великий друг, братский народ Китая, раскрывает в своих сказках душу — и вы видите, какая это благородная, прекрасная душа.

Красивые и яркие иллюстрации к китайским сказкам сделал художник, который хорошо знаком ребятам: Владимир Михайлович Конашевич. Уже многие персонажи любимых книг нарисовал для ребят Конашевич: Человек рассеянный, доктор Айболит, неосторожный Шалтай-болтай, и Джек, построивший дом, и Муха-цокотуха, и Тараканище, и Федора, и пожарный Кузьма, и царь Дадон с Золотым петушком.

А теперь, в «Сказках старого Сюня», художник Конашевич своими рисунками помогает вам увидеть новых знакомцев. Добрый Ма Лян со своей волшебной кистью, китайский «Мальчик-с-пальчик» Цзао-хэ — Финиковая косточка, хитрец Яо Пятый, простодушный Яо Эр-бао по прозванию «Мягкое ухо» и множество других умных и глупых, добрых и злых, удачливых и неудачливых сказочных героев. Рассматривая рисунки Конашевича к китайским сказкам, вы, конечно, заметите, что они нарисованы в необычной для него манере. Это потому, что они нарисованы в духе древнего искусства китайских художников, братьев сказочного Ма Ляна, с которым вы познакомитесь в книге сказок.

Внимание!

Юные фотографы!

Взгляните-ка на нашу книжную витрину. Сегодня здесь выставлены книги для вас: семь нужных и полезных книг по фотографии.

Е. Иофис «Фотография для школьника». Д. Бунимович «Книга юного фотолюбителя». Это две книги, которые учат вас всем тайнам фотографического искусства, объясняют, отчего получаются плохие снимки, как избегать неудач и ошибок. Эти книги рассказывают вам о достоинствах и недостатках разных фотоаппаратов, учат вас снимать, проявлять и печатать. Но книга Бунимовича знакомит вас и с научной, теоретической стороной фотографии, с физикой и химией фотографирования, книга же Иофиса — деловой справочник, в котором больше рассказывается, «как», и меньше, «почему». Обе книги будут вам хорошими советчиками и помощниками.

К. И. Мархилевич, В. А. Яштолд-Говорко. Фотографическая химия. Эта книга не только дает всевозможные рецепты для приготовления нужных химических составов, но и объясняет, как и почему эти составы действуют. Она как бы помогает вам проникнуть в тонкий слой фотоэмульсии, увидеть сложные химические превращения, которые там происходят.

Д. Бунимович «Пионерская фотолаборатория». Каким только фотосамоделкам не учит вас эта книга! Она поможет вам вооружиться всеми приборами и приспособлениями, необходимыми любителю фотографии.

А. Г. Шкулин «Как самому сделать фотоувеличитель». В этой книге дана конструкция не одного, а трех фотоувеличителей: увеличителя с конденсатором, с прямым рассеивающим светом и увеличительной приставки к фотоаппарату 6×9 см. Вы можете выбрать и сделать тот, который вам больше по вкусу.

Д. Я. Яковлев «Прикладная фотография». Хотите перенести удачно снятый цветок на вазу? Сделать на фарфоровой тарелке портрет в подарок маме? Хотите печатать фотографии на стекле, на металле, на ткани? Всему этому вас научит книга Яковлева.

С. С. Туров «Натуралист-фотограф». Как трудно и как в то же время интересно снимать живую жизнь природы! Ловить фотообъективом трепещущее крыло бабочки, и капельку росы на паутинках, свет и тени зеленого лесного шатра. Интересно и трудно: четвероногие, пернатые, чешуекрылые обитатели полей, лесов, гор и долин не будут позировать, не будут ждать по команде «Спокойно, снимаю». Книга профессора Турова рассказывает не только о технике фотографирования в природе: она учит вас терпению и хитрости, знакомит с характерами и привычками зверей, птиц, насекомых... Да! Это спорт, охота с фотоаппаратом. Он требует не меньшей выдержки, смелости, выносливости, закалки, чем охота с ружьем, а обогащает человека знанием и любовью к природе, пожалуй, больше.

Даже не читая книгу, а только проглядывая удивительные фотографии автора, уже видишь, как интересна книга и то, к чему она вас зовет.

Страничка коллекционера

О чем рассказывают марки

Руд. БЕРШАДСКИЙ

НЕЛЕПОСТЬ, ВОЗВЕДЕННАЯ В ЗАКОН

Посмотрите на эту марку. На первый взгляд она не таит в себе никаких бессмыслиц. Из медальонов, размещенных слева и справа, глядят князь и миловидная молодая княгиня. Наверху корона, причем корона величественная. Даже удивительно, зачем такая властителям крошечного княжества Монако площадью в полтора квадратных километра!

Впрочем, миниатюрные размеры княжества не мешают кое-кому извлекать из него громадные доходы. Монако расположено в благословенном месте — на Лазурном берегу Средиземного моря. Здесь вечная весна, теплые волны нежно ластятся к берегу, цветут пальмы, поспевают виноград и разные деликатные фрукты.

Но не сады и виноградники сделали правителя Монако князя Ренэ III одним из крупнейших богачей Европы, и не заводы или фабрики — их копоть не отравляет курортного воздуха побережья. Золотых и алмазных россыпей в Монако тоже нет. А если князья монакские все же купаются в золоте, то лишь потому, что дали право хозяйничать в своем владении Акционерной компании морских купаний, которая сумела превратить Монако в неиссякаемый фонтан барыша. За счет доходов компании процветает и Ренэ III.

А на чем разбогатела сама компания?

Не на продаже билетов на пляжи, нет. И не на прокате лежаков и мохнатых простынь. Название компании обманчиво. Она предпочла начать свою деятельность в Монако с другого: она выстроила здесь самое большое в мире казино — игорный дом. Это роскошный дворец, украшенный росписями первоклассных художников, зеркалами и мрамором, коврами и гобеленами. Впрочем, никто не приходит в казино, как в музей: взоры тех, кого тянет сюда, привлекают не картины Густава Доре, не превосходная архитектура здания, выстроенного по проекту Гарнье, того самого, что строил всемирноизвестную парижскую Оперу,— нет, их привлекают только деньги, деньги и еще раз деньги! Нервно смятые бумажки навалены на зеленых игорных столах, и, как завороженные, не сводят с них глаз все, кто тесной толпой окружает столы, взволнованно дыша в затылки впереди стоящих. К кому придвинет крупье выигрыш?

Все можно прочесть на лицах игроков: жадность, страх, надежду, отчаяние, безумство и ледяное спокойствие, за которым не знаешь, что таится: безразличие миллиардера или решимость кончить жизнь самоубийством. Здесь, кажется, сам воздух пропитан азартом, алчностью, самыми гнилыми испарениями общества, в котором нет ничего важнее денег.

Здесь-то компания и отыскала для себя золотые и алмазные россыпи: на игорных столах.

Игра — проще простого, каждый может научиться. Рулетка — это большая тарелка, разделенная на тридцать семь секторов, выкрашенных попеременно в черный и красный цвет (каждый сектор под своим номером). Когда рулетку начинают вращать и красные и черные полоски секторов сливаются в одно дрожащее, тревожное пятно, крупье бросает на тарелку шарик. У какого сектора он остановится, тот номер и выиграл.

Вертится, вертится рулетка, скачет по ней шарик... Но вот она замедляет бег, тише бежит и шарик... Стоп!

Если бы в старательно затененные от позднего южного солнца залы казино могла проникнуть муха, стало бы слышно, как она летит...

Сюда съезжаются в погоне за легким богатством со всего мира. Одна «счастливая» карта, один «счастливый» поворот рулетки — и игрок, поставивший десять долларов (или фунтов, или шиллингов — здесь принимают все, лишь бы деньги!), получает в сто раз больше, в тысячу раз, в десять тысяч раз, превращается в миллионера... Здесь ежедневно переходят из рук в руки миллионы и десятки миллионов франков, лир, крон, марок, долларов, риалов, пезет, фунтов стерлингов, гульденов, иен, пиастров, эскудо. Причем никакого обмана: в казино целый штат сыщиков, и еще не было случая, чтобы они не разоблачили шулера. Специальные люди, как тени, слоняются по залам игорного дома, незаметно разглядывая каждого посетителя. Оригинальная обязанность этих сыщиков заключается только в одном: запомнить в лицо всех разоблаченных шулеров. И они до того развивают свою зрительную память, что держат в голове тысячи физиономий, опознают однажды изловленного в Монако шулера даже спустя десятилетия.

Администрация казино гарантирует, что игра ведется абсолютно честно, только честно, никак иначе! А если после проигрыша игрок выходит в сад и пускает себе пулю в лоб, значит, такова воля божья... Компания точно знает, что это от бога, у нее с богом отношения налаженные, тесные.

Да, между прочим: почему эта компания идиллически именует себя компанией морских купаний?

А вот именно, чтобы не выглядеть тем, что она

есть на самом деле: душой и основателем грязного притона, спекулирующего на одной из самых низменных человеческих страстей — страсти к легким деньгам. Всегда чем более гнусным делом занимается аферист, тем более благопристойно он старается вырядиться. Акционеры компании не стремятся раскрыть перед миром свое лицо. Они объявили компанию «анонимной», то есть безымянной. Но сколько они ни стараются скрыть, кому принадлежит большая часть ее акций — а значит, и дохода,— это все-таки известно. Папе римскому принадлежит, главе католической церкви, «наместнику бога на земле». Потому-то он и старается замаскироваться, уйти в тень нейтрального, ничего не говорящего названия: «Морские купания...» Неудобно же папе, изображающему из себя небесную святость и бессребреничество, публично признаться, что он имеет долю от любого выигрыша и проигрыша в казино! Неудобно же написать на вывеске казино так, как следовало бы: «Заведение его святейшества»! Пожалуй, верующие еще с церковью спутают.

Кстати, только потому, что казино в монакском городке Монте-Карло принадлежит такому могущественному владельцу, сохранилось и само Монакское княжество. Хотя оно со всех сторон окружено французскими землями и находится под протекторатом Франции, оно все же считается самостоятельным. Конечно, отстояла его «самостоятельность» не армия, насчитывающая не то двадцать, не то восемьдесят инвалидов. На страже неприкосновенности княжества Монакского стояла другая армия — армия католических попов и миллионы прихожан, прислушивающихся к их голосу: Франция ведь страна католическая. А папе выгодно непременно «самостоятельное» Монако. Если бы оно перешло к Франции, пришлось бы закрыть казино: во Франции игорные дома запрещены.

Вот чем держится игрушечное княжество Монако, которое, тем не менее, устойчивее десятков других, куда более обширных государств! Одна нелепость нагромождена здесь на другую, здесь нарушены все представления о разумном, все уродливо и искажено. Целая страна, процветающая за счет игорных столов! Компания морских купаний, которой нет никакого дела до морских купаний! «Наместник бога на земле», борющийся с шулерами, как с конкурентами!

Фантасмагория, сапоги всмятку!

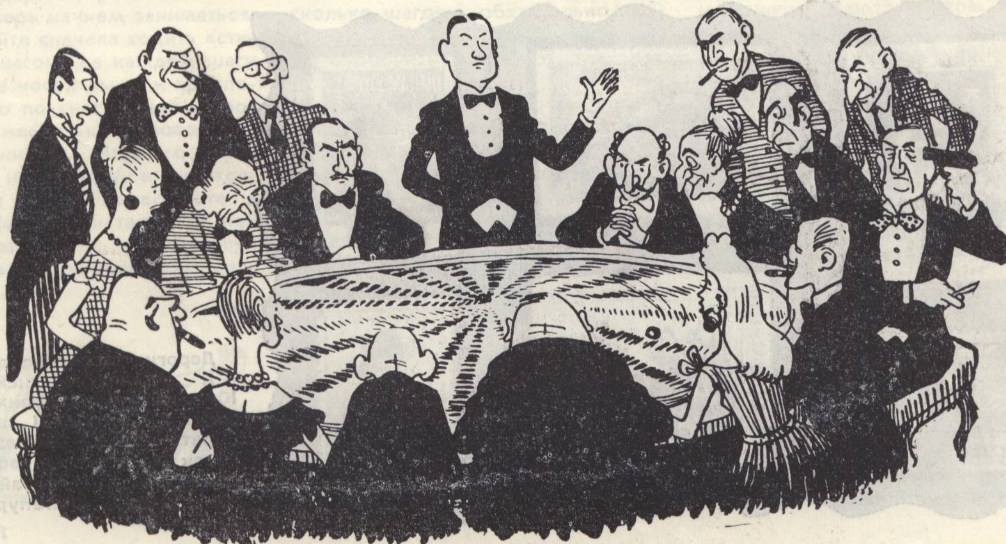
И как венец этого бреда бракосочетание князя Ренэ III, волновавшее все население Монако. Волновавшее всерьез, без улыбки, по-настоящему, как будто женится собственный сын...

Почему? Что за страсти?

Объяснение простое. До тех пор, пока род князей монакских не пресекся, у Франции нет формальных оснований ставить вопрос о том, чтобы Монако прекратило существование как отдельное государство. Но если бы это случилось и Монако вошло в состав Франции, его граждане утратили бы некоторые очень ценные преимущества. Во-первых, они наравне с остальными французами стали бы отбывать срок службы в армии. (Сейчас они избавлены от этого, поскольку в Монако нет воинской повинности.) Во-вторых, им пришлось бы платить изрядные налоги, которыми Французская республика облагает своих граждан. Естественно, эти перспективы не могли доставить монакцам радости, и поэтому они очень тревожно переживали то, что их князь Ренэ III долгое время оставался холостяком. До тридцати шести лет он играл на нервах своих подданных: не имел ни наследника, ни намерения связывать себя семейными узами, как говорится... А вдруг, не дай бог, с ним произошел бы какой-нибудь несчастный случай! Что тогда? Конец «независимости»?!.

И только когда Ренэ III стукнуло тридцать шесть лет, он предложил руку, сердце и княжескую корону известной американской киноактрисе Грейс Келли. Актриса, испросив разрешение родителей, согласившихся с нею, что брак небезвыгоден, ответила: «Да». В честь этого бракосочетания и была выпущена почтовая марка, которую вы видели на фотографии. Грейс Келли родила наследницу престола и этим немедленно избавила подданных князя монакского от треволнений по поводу того, что им придется лишиться привилегий монакского гражданства...

Черт его знает, от чего только не зависит спокойствие человека в мире, где нелепость возведена в степень закона, а закон низведен до положения бессмыслицы!

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ГАШЕНИЯ

К. САДИЛЕНКО

Обычно для гашения марок на письмах и других почтовых отправлениях применяются почтовые штемпеля. В нашей стране употребляется стандартный штемпель с обязательными надписями: СССР, название населенного пункта, в котором находится почтовое отделение, и даты отправки. Например, «16, 10, 57, 18» означает, что письмо отправлено 16 октября 1957 года в 18 часов.

Особый интерес представляют специальные штемпеля, которые изготавливаются в честь важных событий: партийных съездов и конференций, юбилейных дат, фестивалей, спортивных состязаний, филателистических выставок. Гашение такими штемпелями называется специальным гашением.

Многие филателисты в дополнение к маркам своей коллекции вклеивают в альбом наиболее интересные конверты или открытки со спецгашениями. Особенно интересно, когда и сам конверт бывает посвящен тому же событию.

ПОВРЕЖДЕНО ЗУБАМИ ЛЬВА

Тяжел труд письмоносца: длинная дорога, тяжелая сумка... Иногда этот труд бывает и опасным. Однажды в горах Восточной Африки на почтальона напал лев. Вооруженный почтальон попытался выстрелить, но произошла осечка. Бедняга был вынужден спасаться бегством, бросив сумку с письмами. Лев стал терзать сумку и серьезно повредил ее содержимое. Попорченные письма было неудобно доставлять без разъяснений. Пришлось изготовить штемпель «Повреждено зубами льва» и поставить его на каждый конверт.

Дорогие советские друзья! Я ученик средней школы Южного района Шанхая. Меня зовут Ян И-хун. Я люблю собирать марки. Посылаю в подарок советским ребятам несколько марок — китайских, индонезийских, сингапурских.

ЯН И-ХУН

СПОРТ

На лыжной прогулке.

КОМАНДА ЛЫЖНИКОВ-САМОУЧЕК

М. ЧЕРЕВКОВ

Можно ли самому научиться ходить на лыжах и скатываться с таких крутых гор, чтобы дух захватывало? Конечно, можно!

Соберите ребят и организуйте команду. Вместе учитесь ходить на лыжах. Только запомните: пока не сумеете уверенно скользить на лыжах и с горок и по равнине, не берите лыжные палки: они помешают вам держать равновесие.

Ну, а теперь начнем заниматься.

Попробуйте сначала ходить «ступающим» шагом: на каждом шагу поднимайте носок лыжи и прихлопывайте ею по снегу. Потом проделайте несколько поворотов «переступанием». Немного приподнимите носок лыжи и, не отделяя ее от снега, переставьте в сторону. Затем приставьте к ней другую лыжу. Так, переставляя лыжи вправо или влево, вы сделаете нужный поворот. А кто точнее выполнит поворот на 360°? Это легко проверить: у кого ровнее «звездочка» лыжных следов, тот и победил.

«Топтаться» на лыжах несложно, гораздо труднее ходить длинными, скользящими шагами. У новичков почему-то цепенеют ноги, и двигаются они словно на ходулях, не сгибаясь. Сделают несколько шагов — обязательно упадут.

Попробуйте идти вот так, как показано на рисунке 1. Станьте на ровную лыжню, согните ноги в коленях, подайтесь вперед и двигайтесь маленькими скользящими шагами. Почаще повторяйте это упражнение, и скоро вы почувствуете, что совсем не так уж трудно скользить на лыжах, сохраняя равновесие.

Теперь понемногу увеличивайте длину шагов и, если почувствуете, что справились и с этим, попробуйте свободно скользить на одной лыже, после каждого толчка ногой. Это — самое трудное в ходьбе на лыжах. Но вы научитесь так скользить, если сделаете из поломанной лыжи или какой-нибудь доски самокат, напоминающий спортроллер, на котором мальчики катаются летом по асфальту. Посмотрите на рисунок 2. Не правда ли, скольжение на лыжном самокате очень напоминает скольжение на одной лыже после толчка? Вот тот, кто хорошо катается на самокате, и научится быстрее ходить широким скользящим шагом, накатисто скользя то на левой, то на правой лыже.

Сделайте два — три самоката. На утоптанной снежной площадке

Рис. 1.

Рис. 2.

можно провести соревнования на таких самокатах. Кто быстрее проскользит до линии финиша? Кто лучше промчится на самокате по извилистой тропинке, повороты которой обозначены кучками снега? Еще больше ловкости потребуется тому, кто попробует после каждых трех толчков менять опорную ногу; надо суметь прыжком встать на самокат той ногой, которой только что отталкивался. Можно с разгону скользить на самокате «ласточкой» или «пистолетиком», как показано на рисунке 3.

Хорошо скатываться на самокате с небольших снежных горок. Чей самокат проскользит дальше? Кто сумеет скатиться с горки, низко присев на самокате? Кто спустится, стоя спиной вперед?

Не забудьте поучиться спускаться со снежных горок на лыжах. Только следите, чтобы во время спуска с горки ваши ноги снова не оцепенели. Иначе обязательно упадете! Лучше для первого раза выберите совсем маленькую горку и попытайтесь, низко присев, съехать с нее. Обязательно наклоняйтесь вперед, а то лыжи выскользнут из-под ног, и вы на них сядете.

Рис. 3.

Потом попробуйте спускаться с отлогой горы длиной метров десять — двадцать. Стойте на лыжах, полусогнув ноги в коленях и пружиня ими, как рессорами. Через два — три дня можно усложнить спуски с горы. Вот несколько интересных упражнений. Сумейте приседать и выпрямляться во время спуска: скатываясь с горы, поднять жгут, веточку, еловую шишку, положенную на снег рядом с лыжней; проехать в воротца из лыжных палок, как показано на рисунке 4. А кто сумеет поднять три веточки, воткнутые слева и справа около лыжни?

Рис. 4.

Когда научитесь уверенно спускаться с горы, стоя на обеих ногах, попробуйте во время спуска по очень отлогому склону скользить то на левой, то на правой лыже, поднимая и отводя свободную ногу назад (рисунок 5). Кто научится так делать, тот сразу станет лучше передвигаться длинными, скользящими шагами и по ровной лыжне. Проведите соревнования: кто спустится с горы на одной лыже, подняв и отведя другую назад? Кто во время спуска сделает два — четыре длинных скольжения, удерживая равновесие, то на левой, то на правой ноге?

Еще труднее приподнимать во время спуска то одну, то другую лыжу носком вперед (рисунок 6). Но нужно обязательно этому научиться, чтобы выполнить при быстром скольжении под гору поворот переступанием (рисунок 6).

Рис. 5.

А теперь, когда вы многому научились, можно провести интересные игры на лыжах.

Вниз с горы. Поставьте на отлогом склоне на расстоянии десяти — пятнадцати метров одна от другой три лыжные палки. Попробуйте спуститься со склона, объезжая первую палку слева, вторую справа, третью снова слева. Еще интереснее, но и труднее спуститься зигзагом, если вместо средней (второй) палки установить воротца. Тогда придется, как только минуешь первую палку, сделать поворот и нырнуть в воротца, сейчас же приподняться и выполнить снова поворот, чтобы обойти вторую палку.

Умеешь ли ты скользить! Воткните в снег в двадцати метрах друг от друга две лыжные палки. Кто сделает меньше шагов от старта до финиша? А кто дальше пройдет по лыжне, сделав десять скользящих шагов? После десятого шага надо скользить в полуприседе, пока лыжи не остановятся.

Рис. 6.

«Берегись!» Устройте из лыжных палок «коридор» шириной пять — восемь метров и длиной десять — пятнадцать метров. В коридоре находятся двое водящих; остальные играющие двигаются на лыжах вокруг коридора. Как только один из водящих (старший) поднимет руку, все играющие должны перебежать через коридор, стараясь, чтобы их не осалили. Выигрывает тот, кто не был осален. Перебежки можно повторять четыре — шесть раз.

Кто быстрее! Две команды идут рядом по двум параллельным лыжням. По сигналу лыжники первой пары сворачивают один налево, другой направо и стремятся как можно быстрее пристроиться в хвосте своей колонны. Лыжник, пришедший первым, выигрывает одно очко. Так по сигналу бегут вторые, третьи пары, пока все пары не сделают перебежку. Команда, набравшая больше очков, побеждает.

Не двигая ногами. Разбейтесь на две команды и станьте за линией старта у двух параллельных лыжней.

По сигналу двое первых игроков скользят вперед на лыжах, сильно отталкиваясь палками и не делая ни одного шага (ноги все время должны быть сдвинутыми). Лыжник, первым достигший финиша (через тридцать — сорок метров), получает одно очко. Побеждает команда, набравшая больше очков.

Круче поворот! Воткните в снег в пяти — десяти метрах от подножия горы две лыжные палки на расстоянии двенадцати — пятнадцати метров одна от другой. Команды выстраиваются в колонны на вершине горы. Увидев сигнал, первые игроки спускаются по склону и, сделав поворот вокруг своей палки, поднимаются наверх заранее обусловленным способом (елочкой, лесенкой, ступающим шагом, наискось по склону). Поднявшись на гору, лыжник передает свои палки другому игроку, и тот сразу же начинает спуск. Побеждает команда, первой окончившая эстафету.

Точно в цель. Накатайте две лыжни вниз по склону горы на расстоянии восемь — десять метров одна от другой. Слева от каждой лыжни в трех—пяти метрах от подножия горы выкопайте ямку диаметром восемьдесят — сто сантиметров. По сигналу первые игроки обеих команд спускаются с горы, стараясь закинуть в свои ямки чурочку, снежок, шишку. Затем спускаются следующие игроки. Побеждает команда, игроки которой сделали больше метких бросков.

Дружная команда. Станьте всей командой в шеренгу, возьмитесь за руки «наперекрест» и, чередуясь, спускайтесь с горы, то одна, то другая команда. Чтобы победить, надо всем игрокам устоять на ногах и не отпускать рук во время спуска.

Втроем. Трое ребят становятся на одни лыжи; каждый обхватывает руками впереди стоящего. Все вместе делают шаг — два вперед на полусогнутых ногах и начинают спуск. Тройка, которая устоит на лыжах, побеждает.

Крутой склон ледника. Лыжник стремительно несется вниз и видит, что его путь прегражден ледяным сбросом.

Что делать?

Прыгнуть, как прыгает лыжник с трамплина, нельзя. Для этого нужна специальная гора приземления. Идти в обход невозможно: ледник весь изрезан трещинами. А на поиски новых путей надо затратить много времени.

Вот в таких случаях горнолыжники и применяют «боковой соскок», который вы видите на снимке.

Резким поворотом на 90 градусов лыжник перед самым сбросом гасит скорость до нулевой и оказывается в положении, удобном для бокового прыжка. Затем, мягко оттолкнувшись, соскакивает боком, стараясь как можно лучше спружинить при приземлении.

Соскок боком требует высокого мастерства, точного расчета, умения в совершенстве владеть лыжами и большого мужества.

Быть может, и вы со временем станете хорошими слаломистами, альпинистами, прыгунами с трамплина. Все это впереди, но уже сейчас вы должны готовить себя к этому: воспитывать в себе решительность, настойчивость, постепенно добиваться все новых и новых успехов.

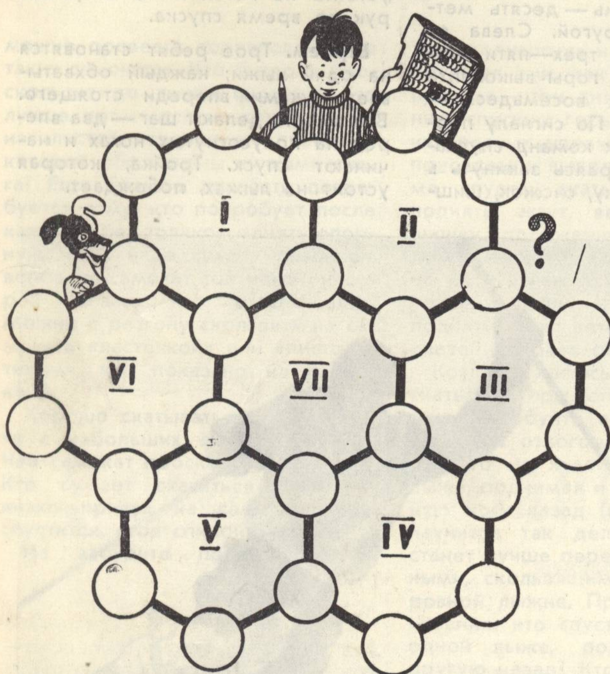
На снимке: заслуженный мастер спорта М. И. Ануфриков делает боковой соскок.

Фото Н. Женьер.

СЕМЬ ШЕСТИУГОЛЬНИКОВ

В кружках этой фигуры расставьте числа от 1 до 24 так, чтобы сумма чисел в каждом из семи шестиугольников была равна 75.

Найдите способ решения этой задачи, применяя математический расчет.

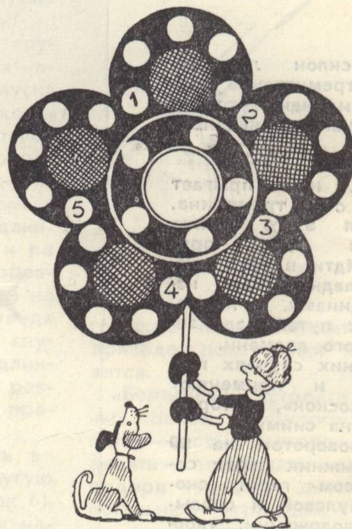
Составил **М. Шохор.**

ШЕСТАЯ ЗАГАДКА

Сначала разгадайте эти пять загадок:

1. В лес идет — домой глядит, из лесу идет — в лес смотрит.
2. Рогат, да не бык; пищу берет, а не сыт; людям подает, а сам в угол идет.
3. Скручена, связана, на кол посажена, а по двору пляшет.
4. Сам алый, сахарный, а кафтан зеленый, бархатный.
5. Семьсот ворот, да один вход.

Ответы, соответственно номерам, впишите в кружки фигуры; где стоит цифра, там должна быть первая буква слова.

Если вы сделаете это правильно, то, повернув каждый кружок влево так, чтобы одна из его букв совпала с белым гнездом в центральном круге, вы прочитаете по этим буквам ответ на шестую загадку. На какую?

Составил **В. Ермаков.**

ВОСЕМЬ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Укажите восемь музыкальных инструментов, в название которых входит буква «ф».

Составил **В. Трубин.**

Редколлегия: **Ильина Н. В.** (редактор), **Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орджоникидзе В. Н.** (заместитель редактора), **Орлов В. И., Поддубная В. А.** (ответственный секретарь), **Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Тимофеева Г. Я., Шмаринов Д. А.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **А. Ефимова.**

А 10452. Подписано к печати 31/XII 1957 г. Тираж 400 000 экз. Изд. № 123. Заказ № 3087.
Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Бум. л. 2,62. Печ. л. 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

БЕРЕГИТЕ ЗРЕНИЕ!

Беречь зрение надо с детства, потому что именно в эту пору оно часто начинает портиться. Беречь зрение — значит создавать наилучшие условия для работы глаз и избегать всего, что может им повредить.

ЭТО ВРЕДИТ ЗРЕНИЮ

ЭТО ОБЛЕГЧАЕТ РАБОТУ ГЛАЗ

Не годится читать, писать, вышивать при недостаточном освещении: глаза тогда несут излишнюю нагрузку.

Яркий свет не должен быть направлен прямо в глаза. Вечером лучше заниматься с настольной лампой мощностью 35—40 ватт. Ставят ее слева и накрывают абажуром.

Сидеть при чтении и письме нужно прямо, не горбясь. Самое благоприятное расстояние от глаз до тетради или книги — 30—35 сантиметров.

Позанимался один — два часа — дай короткий отдых глазам, переведи взгляд вдаль и посиди, расслабив мышцы, или пройдись по комнате.

Зрение может ухудшаться постепенно, незаметно. И вдруг выясняется: школьник стал хуже видеть. Чтобы этого не случилось, научись беречь глаза. Как только почувствуешь в них боль или резь, затруднение при чтении и письме, если заметишь, что тебе приходится щуриться, чтобы лучше разглядеть далекий или близкий предмет, сразу же скажи об этом родителям, учителю, школьному врачу.

Прописали тебе очки — носи их: они помогают сохранить зрение и восполняют его недостатки.

Центральный Научно-исследовательский институт санитарного просвещения Министерства здравоохранения СССР

Цена 2 р. 50 к.

Рисунки Н. Кирпичевой.

Это резное деревянное блюдо, глиняная утварь, вышивки, сумка сделаны руками народных гуцульских мастеров. Подробнее о гуцульском искусстве читайте в очерке Ю. Новиковой «Над Тиссой-рекой».